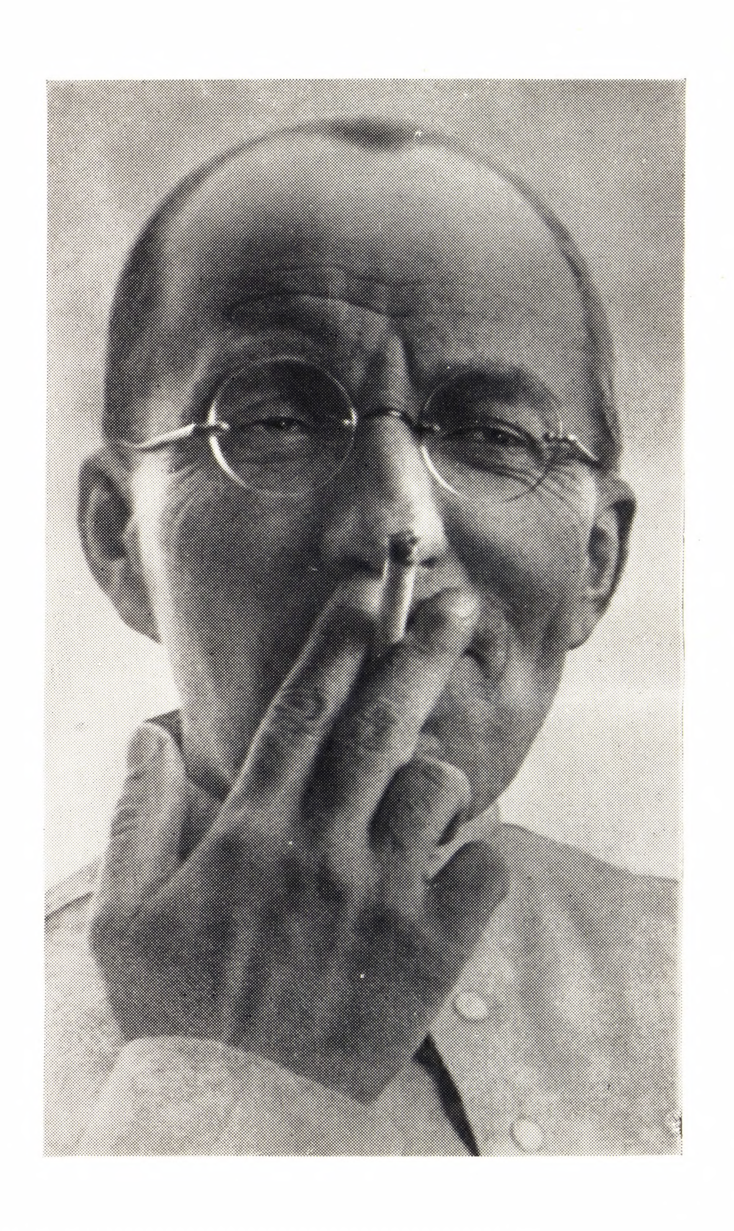
А. С. МАКАРЕНКО

МАРШ 30 ГОДА



А. С. МАКАРЕНКО



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
Москва 1967

Составитель Г. И. Легенький

Рецензент профессор Н. Э. Фере

Макаренко А. С.

М 15

Марш 30 года. М., «Просвещение», 1967.
311 стр. с илл.; 1 л. портр. 100 тыс. 68 к,

Эта книга А. С. Макаренко выходила отдельным изданием лишь в 1932 году. Вместе с тем по насыщенности педагогическим материалом, его актуальности это самое значительное произведение А. С. Макаренко.

Особенность настоящего издания заключается в том, что повесть дополнена документальными материалами и воспоминаниями соратников и учеников А. С. Макаренко.

6-4-1
253-67

37С

ОКНО В КОММУНИЗМ

За восемь лет (1927—1935 годы) А. С. Макаренко создал невиданное в истории воспитательное учреждение — коммуну имени Ф. Э. Дзержинского.

Но почему А. С. Макаренко выделяет только 1930 год? Дело в том, что критический пересмотр педагогики прошлого, поиски и замыслы, родившиеся в колонии имени А. М. Горького, к тридцатому году не только сложились в определенную концепцию, но и получили практическое воплощение. К этому времени в основных чертах сформировалась новая, глубоко научная система воспитания нового человека. А. М. Горький, ознакомившись с коммуной, оценил ее так: «Коммуна — это окно в коммунизм».

1930 год стал началом новой эры, и последующие годы — это годы доводки, совершенствования системы, таящей в себе неисчерпаемые возможности. Именно это побуждает А. С. Макаренко выполнить настойчивое требование А. М. Горького и в литературной форме рассказать о коммуне. А. С. Макаренко написал «Марш тридцатого года» очень быстро: за два месяца, по возвращении коммуны из крымского похода.

К этому времени А. С. Макаренко располагает уже значительным литературным опытом. Позади пять лет работы над «Педагогической поэмой». Помощь и горячее участие великого Горького в этой работе не прошли бесследно.

Для «Марша тридцатого года» А. С. Макаренко находит новую литературную форму. Если «Педагогическая поэма» — большое повествование с острым, динамично развертывающимся сюжетом, точной системой персонажей, определяющей линии их взаимоотношений и судеб, то «Марш» — это, собственно, большой очерк (его однажды А. С. Макаренко так и называет), состоящий из серии маленьких, объединенных общей идеей, замыслом, очерков.

«Марш тридцатого года»— это не история детского учреждения, и действие здесь не разворачивается в хронологической последовательности.

У этой новой формы есть свои плюсы и минусы. С чисто художественной точки зрения «Марш тридцатого года» уступает «Педагогической поэме». И это отмечал сам А. С. Макаренко в беседе с литераторами.

Но у «Марша» другая цель — показать в основном сложившуюся новую систему воспитания, показать ее в действии и очень скупыми средствами. Необычная, оригинальная форма лучше, чем какая-либо другая, позволяет А. С. Макаренко решить эту задачу. Если в «Педагогической поэме» и «Флагах на башнях» материал,

мысли группируются вокруг героев этих произведений, то в «Марше» А. С. Макаренко четкими, удивительно яркими мазками рисует коммуну в целом. Он не выписывает детали, а крупным планом показывает все основные стороны ее жизни, вскрывает ведущие тенденции, демонстрирует действие главных узлов системы, вскрывает и обосновывает механику их работы и взаимодействия.

Читая художественные произведения А. С. Макаренко, мы, за очень редким исключением, плохо умеем эстетическое восприятие его творений переводить на язык научного познания сложнейшего из сложных общественных процессов — процесса воспитания, на язык сегодняшней педагогической практики.

А. С. Макаренко предвидел эту трудность, и он искал новые формы, в которых искусство стало бы наилучшим выражением науки.

Еще работая над «Педагогической поэмой», А. С. Макаренко ищет форму, позволяющую ему, не распыляясь, сформулировать свои взгляды на острейшие проблемы воспитания. И он пишет «На педагогических ухабах», «Воспитатель», целую группу своеобразных, имеющих огромное принципиальное значение очерков. Но они диссонировали с общим построением книги и почти все в нее не вошли.

«Марш тридцатого года» — классический образец такой гармонии педагогической науки и искусства. В книге нет ни одной зарисовки людей, вещей, обстоятельств, где бы удивительно быстро, иногда в четырех-пяти строках, не разматывался сложнейший клубок, казалось бы, непостижимых педагогических проблем. А как знакомит с ними читателя А. С. Макаренко?

Вы открываете книгу и словно начинаете увлекательнейшую экскурсию, которую ведет мудрый и очень тонкий педагог, показывающий вам не мишуру, не рекорды и стенды, а самую суть гуманнейшей системы человеческих отношений, истоки прекрасной жизни и стремительного роста сотен ребят. А как А. С. Макаренко отбирает «объекты» для экскурсий! Он вам не показывает ничего лишнего, такого, что рассчитано на внешний эффект, на сенсацию, на трюк виртуоза. Он хочет, чтобы вы поняли, и как можно глубже, из чего построена, на чем держится и благодаря чему победоносно движется вперед коммуна имени Ф. Э. Дзержинского.

Итак, экскурсия началась. В нескольких словах (всего девять строк) А. С. Макаренко представляет вам коммуну, дает ее внешнее описание и краткие сведения о ней. И все. А. С. Макаренко не пытается вызвать ваш восторг показом роскошных цветников, отличных спортивных площадок. Нет. Он сразу ставит перед вами проблему: какой должна быть материальная база детского учебно-воспитательного учреждения и как она решена в коммуне. Посмотрите, проанализируйте, ведь это острейшая проблема и сегодняшнего дня. А сколько предрассудков, «теорий» вокруг нее развелось! Разве в наши дни мы не чувствуем влияния авторитетных мнений, что для воспитания воли и инициативы надо ставить детей в положение Робинзона Крузо и они, по меньшей мере, должны сами достраивать и доделывать школу, работать в мастерских на допотопных станках, а в колхозе — на списанных, все время ломающихся тракторах.

Антон Семенович, как опытный экскурсовод, понимает, что первое общее впечатление от здания и оборудования коммуны по-

зволяет лишь в общих чертах познакомить с принципиально иным решением этой проблемы. По ходу экскурсии Макаренко приводит все новые и новые доводы, теоретически и практически убеждающие вас в порочности робинзонады и верности пути, который избрали чекисты и педагоги коммуны. Вам становится ясно, что строить детское учреждение надо так, чтобы все было заранее продумано, чтобы все было удобно, рационально, составляло органическое единство, гармонию, в которой хорошо жить, легко перемещаться и удобно управлять движениями большой массы детей.

Затем А. С. Макаренко знакомит вас с коммунарами. Он не перечисляет их, не приводит никаких цифр, кроме одной — 60. 60 первых дзержинцев, перешедших из колонии Горького и составивших ядро нового коллектива. Эта цифра нужна, чтобы показать принцип, пути решения еще одной проблемы. А. С. Макаренко не дает портретов всех коммунаров или даже наиболее колоритных. Он знакомит вас с наиболее яркими, типичными представителями всех основных групп большой коммунарской семьи. Он вначале представляет вам первых дзержинцев, а персонально — только ветеранов, представителей полтавского поколения. И в последующих главах Антон Семенович будет все время знакомить с коммунарами, и опять не без разбора, не с теми, кто случайно повстречался, а в определенном порядке и с определенных позиций. Характеризуя коммунаров, работников коммуны, Макаренко все время исходит из того, насколько ценен тот или иной человек в коллективе, что он вносит в него. Вот Макаренко рассказывает о Никитине, самом авторитетном человеке в коммуне, и тут же объясняет, на чем основан его авторитет. Никитин — носитель и продолжатель лучших традиций, сложившихся еще в колонии Горького. Затем знакомит нас с педагогами коммуны, с рабочими ее производства, и здесь характер оценки, анализа тот же.

Это отнюдь не означает, что Макаренко выбирает только положительное. Завершает характеристику коммуны он рассказом о походе в Москву. Этот поход стал проверкой и демонстрацией силы сознательной дисциплины, красоты умной организации совместных действий и отношений.

Казалось бы, действительно, этим походом можно завершать рассказ о прекрасном детском учреждении. Читаешь эту главу и думаешь: дело идет к концу, вот сейчас будет мощная финальная сцена — и все. Но что это? Почему Макаренко не доводит именно здесь повествование до апофеоза? Он не только не делает этого, а вдруг отводит вас в сторону, туда, где звуки победного марша коллектива едва слышны и где самое подходящее место, чтобы представить вам вождя сепаратистски настроенных пацанов — Фильку, забитого и очень еще далекого от уровня коммуны пастушонка Юхима и самого яркого и опасного из племени «сявок» — Грунского.

Это умение сконцентрировать все внимание на наиболее типичном, наиболее ярко выражающем соотношение сил, характер отношений, принципы и самую логику педагогического процесса, пожалуй, ярче всего проявляется в главе «Хозяева». Макаренко так ее и начинает. «Нигде не собрано так много настоящих коммунаров... как в слесарно-токарном цехе... И в столярной мастерской, и в других... есть и дисциплина, и подъем, и умение работать, и бодрость. Но только наши металлисты сумели в своих цехах сделаться хозяевами производства... »

Антон Семенович здесь ясно и точно отвечает на вопрос, какую часть коллектива считать передовой и какой показатель устанавливает уровень развития коллектива детского учреждения. Макаренко в этой главе показывает нарождающуюся тенденцию в ее наиболее ярком и сильном проявлении. Это росток нового, это будущее коммуны. Это ответ на вопрос: куда идет коммуна? Тенденцию эту Макаренко прослеживает и в других главах, например когда знакомит с никелировочным цехом, но суть ее вскрывается именно здесь. Но есть такие сложные решения, в верности которых можно убедиться, только познакомившись с разными вариантами их.

Вопросы производства в коммуне занимают много места в книге, наверное, не меньше, чем они занимали у коммунаров. Но Макаренко не загромождает книгу описанием станков, технологических процессов, не уводит читателя в узкопроизводственную сферу. Он говорит о производстве постольку, поскольку это нужно для показа связи производства с жизнью коммунаров, формированием их потребностей и перспектив, с характером и формами взаимоотношений.

Именно так знакомит Макаренко с цехами коммуны. А вот он рассказывает о заказе электротехнического института. И здесь никаких технических деталей. Макаренко обращает внимание на другое: почему коммунары очень ценят этот заказ? Да не только потому, что он приносит прибыль и хороший заработок, а потому, что он хорошо вяжется с личными перспективами коммунаров и всей коммуны. Коммунары видят себя в недалеком будущем студентами, а коммуна мечтает иметь своих коммунарских инженеров. Вот Макаренко представляет Шведа и одним мазком точно и ярко показывает, как его личная перспектива связана с производственной работой.

Читаешь «Марш» — и невольно про себя отмечаешь: какое внимание к личности каждого и без всяких проповедей о пользе индивидуального подхода, внимание деловое, настоящее! Это проявляется во всем: и в самой организации жизни, и в нормах поведения коллектива, и в его умении считаться с интересами каждого, и в его заботе о росте товарища, и в стиле работы органов коллектива. Совет командиров, высший орган управления коллективом. Сколько у совета дел и забот, но когда вернувшийся из странствий Филька просит принять его в коммуну, совет командиров собирается на экстренное заседание. И никому в голову не придет возмутиться, что вот из-за какого-то сумасброда, погнавшегося за кинокарьерой в Одессу, приходится бросать все дела и идти на совет. Коммунары очень ценят свое время и умеют других научить считаться с этим. Но все знают, что совет необходим потому, что в коммуне «все для человека» — норма, а для уполномоченных коллектива — святая святых.

Какого бы вопроса жизни коммуны Макаренко ни касался: плана, производительности труда, зарплаты, видов работ и отдыха, самоокупаемости, строительства, оборудования, материального обеспечения, формы одежды, — везде он подчеркивает, что лучшим решением каждого и всех вопросов является такое, которое сочетает в себе непосредственный деловой успех с воспитательным. Какую бы высокую прибыль ни приносило производство, но если оно стимулирует рвачество, обособление от коллектива, склоки и зависть, если оно лишает коллектив и каждого его члена широкой перспективы,—такое производство должно быть заменено или коренным об-

разом перестроено. Показывает Макаренко цехи коммуны — и ты видишь воплощение этой генеральной линии новой педагогики. Но вместе с тем чувствуешь, что практически здесь коммуна еще не сказала своего последнего слова, что она хорошим, уверенным шагом идет к наилучшему решению. Когда из последующих произведений А. С. Макаренко мы узнаем, что в 1932—1933 годах в коммуне появились сперва корпуса завода электроинструментов, а потом фотоаппаратов, мы не удивляемся. Мы ждали чего-то в этом роде. Верная линия должна была привести к полной победе.

Макаренко упрекали и все еще упрекают, что он не дал разработки вопросов пионердвижения и деятельности школьного комсомола. Вообще надо заметить, что вряд ли кого так много упрекали, как Макаренко. На эти упреки лучше всего ответила сама жизнь, горячая любовь народа к своему великому педагогу, консолидация всех прогрессивных зарубежных педагогов под знаменем макаренковской педагогики. В наши дни Макаренко стал одной из тех фигур, которая объединяет мир завтрашнего дня. Идеи Макаренко прокладывают путь сквозь толщу пошлости, дилетантства, откровенной клеветы и мракобесия.

Буржуазные социологи и педагоги, отдавая себе отчет в том, сколь велика популярность и сила Макаренко, пытаются на свой лад его перекроить и использовать. Они выхолащивают суть учения Макаренко, его марксистскую методологию, благодаря которой он познал самые сложные процессы и вырабатывал верную линию. Они стараются показать Макаренко аполитичным, неким виртуозом педагогической техники — и только. Они с радостью подхватывают утверждения, что А. С. Макаренко недооценивал детскую и молодежную коммунистические организации. Самым убедительным опровержением таких домыслов являются факты, сам Макаренко и прежде всего его «Марш тридцатого года».

Макаренко показывает роль комсомола в коммуне, методы и формы его деятельности не совсем так, как это принято делать. Он не декларирует руководящую роль комсомола в коллективе коммунаров, не решает эти сложные вопросы прямолинейно. Его меньше всего заботит формальная сторона дела.

Комсомольцы — это прежде всего лучшие люди в коллективе. Они олицетворяют его будущее. В главе «Хозяева» А. С. Макаренко дает характеристику настоящим коммунарам и подчеркивает, что подавляющее большинство из них — комсомольцы.

Комсомольцы стали во главе цеха не в силу мандата, постановления, без протоколов и речей, а «исключительно благодаря своей сознательности и спайке». Это действительно передовая сила, и на нее равняются все в коммуне. Она осознает себя как силу. Комсомольцы сумели поставить дело так, что «под их взглядами ежится всякий шкурник, рвач, растяпа». Въедливый хозяйский глаз комсомола помогает инженерам вскрыть все недостатки производства.

В другой главе Антон Семенович отмечает: «В коммуне живет до полсотни служащих и рабочих, и никогда у нас не бывает пьянства, ссор, драк».

А страницы книги, посвященные окружающему населению! Комсомольцы не успокоились, пока тонкими и верными ходами не добились нужного влияния на неподдающуюся Шишковку. Как серьезен и глубок затяжной конфликт с мещанством, и как важно понять секрет победы коммунаров над ним! Вот она, сила комсомола,

подлинная, реальная, и Макаренко показывает, в чем источники этой силы и как надо их использовать.

Знакомя с коммуной, А. С. Макаренко хорошо дает почувствовать читателю атмосферу подлинной демократии, в которой могут расцвести и детская самодеятельность, и взаимная забота друг о друге, и яркая индивидуальность, и увлеченность и чувства хозяина, гражданина— словом, все, что мы понимаем под полнокровной, счастливой жизнью. И именно комсомольцы — творцы такой демократии, именно они не дают ей сбиться в сторону анархических вольностей или бюрократических окриков, у них есть своя линия, верная, комсомольская, и ведут они ее умно и настойчиво.

В совете командиров комсомольцев меньшинство, но их моральный, общественный авторитет, их активность и монолитность таковы, что практически все решения совета и других органов коллектива представляют собой реализацию того, что наметила, замыслила, определила комсомольская организация. Но опять-таки это делается не в лоб. Макаренко поясняет, что комсомольская организация «никогда не вмешивается в прямую работу совета командиров, но очень сильно влияет на общественное мнение в коммуне и через свою фракцию всегда имеет возможность получить любое большинство в совете». Когда Макаренко не соглашается с решением совета командиров и апеллирует к общему собранию, он знает, что собрание его поддержит. Ведь тон здесь задают комсомольцы, «способные более тонко разбираться в вопросе». Так, например, и случилось, когда решали, куда идти в поход: в Крым или в Москву.

В другом месте Макаренко замечает, что застрельщиками умных, страстных и убедительных выступлений на собраниях и производственных совещаниях всегда бывают комсомольцы. Они главные толкачи всех полезных начинаний и принципиальных вопросов.

Тема комсомола, его роли в коллективе красной нитью проходит через всю книгу, так как без этого нельзя понять назначение и способ действия каждой детали сложной педагогической системы.

Больше того, А. С. Макаренко вопрос о политическом руководстве детским коллективом не ограничивает комсомолом. Книга дает нам блестящий образец партийного руководства. Его осуществляют чекисты: Правление коммуны, соратники Рыцаря Революции и осуществляют мудро, просто и деловито. Где, в какой другой книге мы можем получить такой убедительный ответ, как надо строить политическую работу в детском учреждении!?

Не поняв природы и характера демократии в коммуне, нельзя понять ничего в коммуне, в системе Макаренко. Антон Семенович очень ценит подлинный демократизм порядков и отношений в коммуне и показывает, что он определяет качественные особенности социалистического детского коллектива.

Сколько споров ведется о детском самоуправлении, сколько предложено всяких схем его структуры, а Макаренко решает этот вопрос совсем иначе. Не на это он обращает ваше внимание. Макаренко убедительно показывает, что структура самоуправления, его лицо определяются содержанием жизни коллектива в самом широком смысле этого слова, характером отношений, их нравственной основой, соотношением сил в коллективе. Читаешь «Марш» — и хорошо чувствуешь, что самоуправление в коммуне настоящее, оно делает прекрасное дело и ведет его в нужном направлении. А все это благодаря тому, что самые передовые силы задают тон, определяют курс

органов коллектива, что эти силы растут не по дням, а по часам. Откуда же коммуна черпает эти силы? Из кипучей, удивительно насыщенной общественным, культурным содержанием жизни, из подлинной, в ленинском понимании, демократии, которая превращает коммуну в саморегулирующийся механизм, прекрасно, без всяких контролеров и администраторов направляющий поведение и поступки каждого, исключающий перегибы и перекосы в движении.

В нашей педагогической литературе и практике укоренилось представление, что активисты в детском учреждении только те, которые занимают официальные посты в органах управления коллективом. Но ведь это нелепость. Больше того, это противно самому характеру коммунистических отношений и ни к чему, кроме как к обюрокрачиванию школы, привести не может.

А как было у Макаренко? Вот он рисует портрет Никитина. У этого коммунара нет официального руководящего поста, а он самый авторитетный человек в коммуне. Он — совесть коммуны, и поэтому ему поручают самые неприятные дела: проверки, расследования, приведение в исполнение постановлений общего собрания, касающихся наказания отдельных коммунаров. Какой глубокий смысл заложен в такой оценке и таком использовании Никитина! Какая в этом великолепная этическая, общественная и, следовательно, педагогическая основа!

Другой пример, другой коммунар — Сопин. Он организатор коммунарской стенной печати, настоящий и не официальный. (Официальных Макаренко даже не упоминает. Случайно ли?) И Макаренко обстоятельно (на это он не жалеет слов и красок) объясняет, в силу каких моральных, человеческих качеств Сопин играет такую роль в коммуне. И после этого становится ясным, что именно сам принцип и порядок оценки и выдвижения людей гарантируют коммуну от застоя, а тем более от каких-либо срывов.

Слишком официальной и сухой стала стенгазета «Дзержинец», и вдруг Сопин, казалось бы, неизвестно откуда взявшийся, бахнул по коммуне острой, инициативной «Шарошкой». Коммуна зашевелилась, как развороченный муравейник, и в конечном счете это событие позволило ей вывести из застоя свою стенную печать.

Макаренко показывает этот принцип оценки и расстановки людей в коллективе очень детально, не скупясь на новые и новые факты. Оказывается, в совете командиров по вопросам, требующим особых знаний и опыта, представляет отряд не командир, а самый знающий, самый опытный в этом деле коммунар.

А разве не тот же принцип положен в основу организации сводных отрядов?

Такая система, во-первых, очень справедлива, ее все понимают и не могут не одобрять. Вот почему коммуна не знает расколов, зависти и вражды. Во-вторых, она становится силой поступательного движения коллектива, обеспечивая и деловой и воспитательный успех. Эта система исключает всякий даже намек на формализм, обюрокрачивание, появление командной касты, а сменяемость, чередование в осуществлении командных функций становится не механической и кем-то придуманной, а естественной и очень рациональной функцией коллектива.

Требования в коммуне действительно единые. Они распространяются на всех: и на ребят, и на педагогов, и на заведующего колонией, и на рабочих и служащих, и даже на членов их семей.

Макаренко доверительно сообщает читателю, что он, заведующий коммуной, порой ловит себя на мысли: а хорошо ли он вытер ноги, не получит ли сейчас замечание от дневального, вот этого самого Петьки, которого он пробирает почти каждую пятидневку за рваные штаны.

И Макаренко считает такой порядок чрезвычайно важным. Поздним вечером, завершая экскурсию по коммуне, Антон Семенович предлагает посмотреть, как ведет себя Козырь, заведующий светом. Козырь в эту пору хозяин, и он это знает и удовлетворенно ощущает. Ведь даже секретарь комсомольской организации, непреклонная и авторитетная Сторчакова должна точно выполнять его требования.

А как многозначительна и по-человечески хороша сцена проверки коммунарской санкомиссией квартиры самого Макаренко!

Такой характер требований и порядок их предъявления имеют не узкоделовое назначение—чтобы все было чисто и только. Нет, они создают у каждого коммунара великолепное самочувствие хозяина коммуны, ощущение своей постоянной нужности людям, коллективу, стране. И это самочувствие и ощущение испытывают все. Это всех очень роднит, сближает. Вот почему коммунары так остро реагируют, как на сигнал о пожаре, на малейшее сопротивление требованию. Такова необычайно глубоко прослеживаемая Макаренко связь требований с демократией, с нравственными принципами всей жизни коммуны.

Очевидно, такие тонкие вещи зависят от стиля руководства детским учреждением. Этот ленинский стиль чувствуешь во всем. Особенно сильно — в двух главах: «Кабинет» и «Клубработа». Каждая из них — основа для специального исследования только о стиле руководства. Сколько здесь пренебрежения ко всяким чиновничьим условностям! Кто из обвинявших Макаренко в «командирской муштре» способен в «такое» превратить свой кабинет или разрешать педагогу нарушать режим дня, пугать жителей, волновать сторожа и завхоза, только чтобы рассказать ночью детям сказки? И не только разрешить, а поддерживать увлеченность педагога и ребят.

Даже в «Заключении», не описывая всех красот и романтики крымского похода, Макаренко считает необходимым сообщить вам, казалось бы, малопривлекательные, почти бытовые эпизоды. Макаренко и Левшаков проклинают тяжелую дорогу, а коммунары с ними не соглашаются. И идут два педагога той дорогой, которую выбрали коммунары. Идут, хотя им явно трудно. Ведь, собственно, не шли, а прыгали и бежали.

Через страницу Макаренко приводит другой эпизод, но такого же рода. Макаренко довольно твердо предлагает заночевать. «Дальше!» — кричат коммунары, и Макаренко идет дальше.

Что это? Зачем Макаренко так все это подчеркивает? Чтобы показать свое умение считаться с детством, с желаниями ребят? По существу нет, хотя считаться с желаниями и интересами ребят он умел как никто другой. Суть здесь в том, что Макаренко восхищают те легкость и готовность, с какими коммунары идут на преодоление трудностей. В этом он видит естественное, будничное и именно поэтому самое убедительное свидетельство торжества новой педагогической системы. Так шагать может только превосходный народ, которому все по плечу. И хотя физически Макаренко и Левшакову тяжело, они горды, очарованы желанием коммунаров. Они не чи-

тают проповедей о мужестве и воле, они дают возможность своим питомцам проявлять эти качества.

«Марш тридцатого года» как бы обрывается на полуслове, будто скрылась за поворотом трудной и веселой дороги великолепная колонна коммунаров. У вас буквально физическое ощущение, что это — марш к новым, еще более значительным победам. Такому народу, такой педагогике принадлежит будущее.

* * *

В «Марше тридцатого года» 28 глав, и каждая из них— сгусток педагогических идей и открытий великого педагога.

По насыщенности педагогическим материалом, по ценности его для современности «Марш тридцатого года» занимает первое место в ряду художественных произведений А. С. Макаренко. Все последующие работы А. С. Макаренко развивают, конкретизируют идеи и положения, содержащиеся в этой его первой педагогической книге.

Судьба ее сложилась нелегко. Закончив «Марш тридцатого года», А. С. Макаренко отправил рукопись в издательство художественной литературы. Оригинальность мыслей, необычность тематики, формы и стиля неизвестного тогда автора привлекли внимание редакторов, но они, судя по всему, не знали, как над нею работать, и, покромсав, передавали друг другу. Так она странствовала по издательству более года, пока не попала к молодому тогда редактору Юрию Лукину, который начал свою работу с восстановления авторского текста и запросил у А. С. Макаренко копию рукописи. Копии у А. С. Макаренко не оказалось, а приехать в Москву для совместной работы с редактором он не мог. Это была пора осваивания производства электроинструментов и строительства завода фотоаппаратов в коммуне. Только в конце лета 1932 года ему удалось на несколько дней приехать в Москву и прочесть корректуру.

С тех пор «Марш тридцатого года» отдельной книгой не издавался, а первое ее издание (всего 5 тыс. экземпляров) давно стало библиографической редкостью. Незадолго до смерти А. С. Макаренко с горечью говорил, что «Марш тридцатого года» почему-то прошел в литературе незамеченным. И это несмотря на высокую оценку, которую дал А. М. Горький этой книге.

Повесть дважды включалась в семитомные академические издания собраний сочинений А. С. Макаренко. Но эти издания не рассчитаны на массового читателя, на повседневное рабочее пользование миллионами педагогов, родителей, всеми, кто интересуется вопросами воспитания.

Кроме того, назрела потребность (об этом свидетельствуют многочисленные пожелания и просьбы) в одной книге сконцентрировать материалы, характеризующие основы новой системы воспитания, чтобы читатель мог получить возможно более ясное представление о принципах ее устройства и действия.

Именно это и определило особенности данного издания. Книга состоит из трех основных разделов. Первый — повесть А. С. Макаренко «Марш тридцатого года». Второй — серия документальных материалов, разработанных А. С. Макаренко и имеющих к «Маршу тридцатого года» прямое отношение по существу. Эти материалы расположены не в хронологической, а в смысловой последовательности. Вначале идут материалы, которые раскрывают основные идеи

А. С. Макаренко, особенности коммуны, показывают процесс ее развития. Ознакомившись с этими документами, легче понять организационную структуру коммуны, ее «Конституцию». Последний материал—это итог, хроника пройденного пути. Знакомство с нею позволит читателю сопоставить художественное произведение, каким является «Марш тридцатого года», с фактами истории коммуны, проникнуть в лабораторию педагога-писателя, так умело типизировавшего действительно существенное, понять его замыслы.

Завершается этот раздел публикацией музыкального произведения — марша «Дзержинец». Воспитанники А. С. Макаренко сообщали редакции, что получают много писем от учителей и школьников с просьбой выслать им слова и ноты марша «Дзержинец». Составитель и редакция учли и это пожелание, а в примечаниях рассказывают историю создания марша «Дзержинец».

Третий раздел составляют воспоминания участников марша тридцатого года. Идея и само название такого раздела принадлежат В. Н. Терскому. Еще в 1963 году, обсуждая с редакцией план издания этой книги, Виктор Николаевич сформулировал ряд требований, которым, по его мнению, должны отвечать воспоминания.

В общем-то раздел «Слово участникам марша» служит той же цели, что и предыдущий. С воспоминаниями здесь выступают и соратники А. С. Макаренко, и его ученики, и друзья коммуны. В основу расположения воспоминаний положен не хронологический, а тот же смысловой принцип. Ведь читателю, которого волнуют актуальные проблемы воспитания, нужны не даты, не биографические сведения, а понимание внутренней логики педагогического процесса, чтобы овладеть ею и успешно решать эти проблемы. Собственно, все вспомогательные материалы отобраны и построены по тому же принципу, что и сам «Марш тридцатого года».

Книга снабжена примечаниями. Подстрочные примечания (сноски) даются в тех случаях, когда требуется специальное разъяснение того или иного термина. В первом издании «Марша тридцатого года» некоторые украинские слова А. С. Макаренко разъяснял в подстрочных примечаниях. В данном издании они сохранены и дополнены, так как многие термины в наши дни или вышли из употребления, или приобрели иной смысл.

Довольно большой раздел составляют затекстовые примечания, дающие толкование отдельных положений книги и дополнительное разъяснение фактов и событий.

Довольно широко использованы в настоящем издании фотодокументы. Принцип их отбора — тот же, что и всех других материалов.

Завершает книгу общий план коммуны. Все изучающие опыт Макаренко давно хотели получить наглядное представление о том, как размещались строения, службы коммуны, как планировалась ее территория. С подготовкой настоящего издания, в котором эти вопросы занимают такое большое место, общий план коммуны стал просто необходимостью. И воспитанник Антона Семеновича Г. В. Камышанский, потратив много времени и сил, составил такой план. В подготовке этой книги к изданию дружно и плодотворно участвовала целая группа соратников и воспитанников А. С. Макаренко: В. Н. Терский, Н. Э. Фере, Г. В. Камышанский, В. Г. Зайцев, С. С. Якушин и общественная редакция издательства.

В. Бейлинсон,
Г. Легенький.

МАРШ 30 ГОДА

ПАМЯТНИК ФЕЛИКСУ ДЗЕРЖИНСКОМУ

ВСТУПЛЕНИЕ

Харьковская окраина. Опушка леса, красивый темно-серый дом, цветники, фруктовый сад, площадки для тенниса, волейбола и крокета, открытое поле, запахи чебреца, васильков, полыни...

Здесь расположена самая молодая детская коммуна на Украине — коммуна имени Феликса Дзержинского, открытая 29 декабря 1927 года. Сто пятьдесят коммунаров (сто двадцать мальчиков и тридцать девочек) живут в великолепном доме, выстроенном специально для них.

Многие товарищи упрекали коммунаров-дзержинцев в «дворцовой жизни» и даже в барстве. Подумайте, живут в таком роскошном доме! Дом с паркетными полами, с великолепной уборной, с холодными и горячими душами, с расписными потолками...

— Разве это воспитание? Привыкнут ребята к такому дому и душам, и паркетам, а потом выйдут в жизнь, где ничего этого нет, и будут страдать. Надо воспитывать применительно к жизненной обстановке.

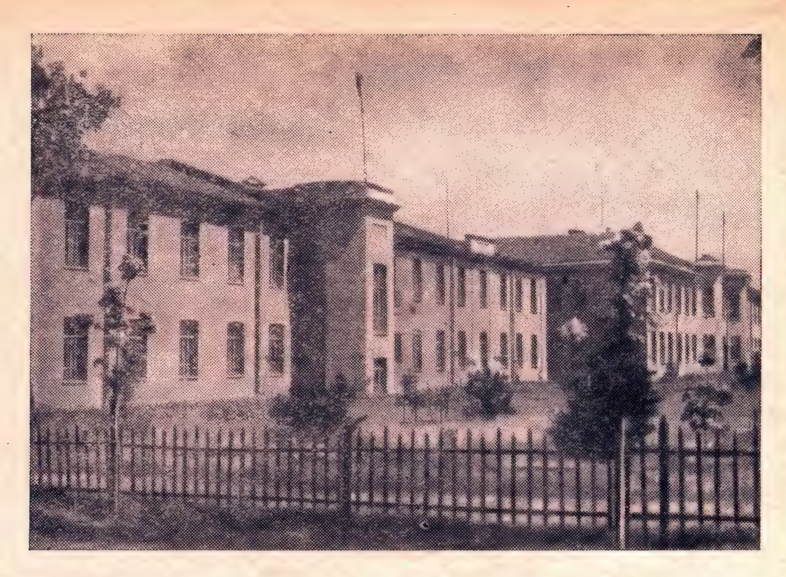
Говорили еще и так:

— Рабочему человеку все это не нужно. Рабочему нужно, что поздоровее и попроще, а эти финтифлюшки ни к чему.

Коммунары, впрочем, не особенно прислушивались к этой болтовне. Они не сомневались в том, что душ — вещь хорошая, да и паркет — тоже неплохо.

В первые дни коммунары только восторгались всем этим, но вскоре оказалось, что паркет нужно беречь, что с душем нужно обращаться умеючи, что с расписных потолков нужно ежедневно стирать пыль. Сохранение этого дома — памятника Дзержинскому, содержание его в чистоте стало делом всех коммунаров.

Наш дом достаточно велик, несмотря на то, что по фасаду он большим не кажется. Это двухэтажный темно-серый



Главный дом коммуны

дом, без каких бы то ни было архитектурных вычуров[1]. Только сетка вывески с золотыми буквами над фронтоном да два флагштока над нею украшают здание. В центре — парадная дверь. От главного корпуса протягиваются вглубь три крыла, так что все здание имеет форму буквы Ш. В первый год существования нашей коммуны других зданий у нас не было, если не считать нескольких стареньких дач, в которых кое-как расположился обслуживающий персонал. На втором году коммуна построила одноэтажный длинный флигель. Теперь здесь квартиры работников коммуны и мастерские.

Войдя в дом и пройдя небольшой вестибюль, вы остановитесь перед парадной лестницей. Она довольно широка, освещена верхним окном в крыше, стены и потолок расписаны.

Нижний этаж симметричен. Направо и налево тянется светлый коридор. С каждой стороны лестницы расположено по одной комнате управления, по одному классу и по одному залу. Левый зал у нас называется «громкий» клуб. Там —

[1] См. общий план коммуны, помещенный в конце этой книги. — *Ред.*

сцена и киноустановка. Правый зал — столовая. Рядом с ним кухня. И в классах и в залах большие окна. В «громком» клубе собрано все то великолепие — гардины, портреты, расписные потолки и т. д., — тлетворным влиянием которого нас попрекали. В зале рояль и хорошие венские стулья, изготовленные в нашей мастерской. В столовой пятнадцать столов, накрытых клеенкой, у каждого стола по десять венских стульев. Портреты Ленина и Дзержинского. И больше ничего. Стена-окно отделяет столовую от кухни. В кухне — в белом колпаке Карпо Филиппович.

В классах нет парт — двухместные дубовые столики и двухместные дубовые легкие диванчики.

Подымемся по парадной лестнице на второй этаж.

На первой площадке лестницы, под портретом Дзержинского, имеется две двери: одна из них ведет в «тихий» клуб, вторая — в спальню девочек.

У этой спальни есть своя длинная и бурная история.

Окна выходят на север, пол не паркетный, и, главное, — комната очень велика. Наши ребята против больших спален.

Первыми здесь поселились ребята одиннадцатого отряда, все — малыши и новенькие. Постоянное отставание этого отряда во всех решительно областях, неряшливый, некоммунарский вид Петьки Романова, Гришки Соколова, Мизяка, Котляра, Леньки и других «пацанов», вечные разговоры на общих собраниях и в совете командиров о том, что одиннадцатый отряд надо подтянуть, различные мероприятия вплоть до лишения малышей права выборов командира — все это достаточно всем надоело. Летнее избирательное собрание 1929 года назначило в одиннадцатый отряд командира из старших, комсомольца, но он скоро, не справившись с заданием, категорически заявил на собрании, что лучше будет целый год чистить уборные, чем командовать «этой братвой». Начались бурные собрания, одно за другим, на которых заведующий крыл комсомольцев за то, что забросили «пацанов», а коммунар Алексеенко требовал жестких законов для них. Пацаны тоже выступали на собрании и доказывали, что никто не виноват, если штаны быстро рвутся, если руки и шеи не отмываются, если постели неизвестно кем разбрасываются, если стрелы попадают не в дерево, а в окно, если полотенце почему-то оказывается не на своем месте. Но в конце концов было принято твердое решение: расформировать одиннадцатый



Спальня

отряд и разделить малышей между остальными десятью отрядами, состоявшими из более взрослых ребят. Совету командиров было поручено привести это решение в исполнение. Целый день продумали командиры, и, как ни вертели, все выходило, что придется девочкам покинуть свои прекрасные две спальни наверху и перебраться в одну, на место одиннадцатого отряда. В совете командиров было восемь командиров, из них только две девочки: командиры пятого и шестого отрядов. Девочки протестовали и ехидно указывали:

— Конечно, нас только двое, так вы можете что угодно постановить.

В конце концов предложили девочкам компенсацию, на которую они согласились. Купили девочкам гардины, поставили посреди спальни большой хороший дубовый стол и дюжину стульев, на пол положили пеньковую дорожку с зелеными кантами. Обещали еще дать им трюмо, да этого обещания не исполнили по финансовым соображениям. Правда, девочки и не настаивали.

Вот почему сейчас у девочек так хорошо обставлена спальня.

В «тихом» клубе альфрейные потолки и великолепная мебель: четыре восьмигранных дубовых стола, окруженных светлыми венскими стульями. Особенно заботливо обставлены уголки Дзержинского и Ленина. «Тихим» клуб назы-

вается потому, что в нем нельзя громко разговаривать. Здесь можно читать, играть в шахматы, шашки, домино и другие настольные игры.

За клубом — комната для книг. У дзержинцев до шести тысяч томов в библиотеке.

Верхний этаж занят спальнями. Их одиннадцать, и почти все они одинаковы: на двенадцать-шестнадцать человек каждая. В широком коридоре и во всех спальнях — паркетные полы. Все кровати — на сетках и покрашены под слоновую кость. Комнаты все очень высокие, много воздуха и солнца.

В том же здании внизу — мастерские, о которых еще много придется говорить, а на втором этаже — больничка-амбулатория и две-три кровати на всякий случай. Но коммунары редко болеют, и эти кровати стоят пустыми. Наш лекпом поэтому занимается больше врачебными разговорами и воспоминаниями о своей прежней медицинской деятельности, когда он был подручным у какого-то светила и затмевал это светило благодаря своему таланту и удачливости. Ребята лекпому не верят и смеются.

КАК МЫ НАЧАЛИ

Обычно детские дома, колонии, городки помещаются в старых монастырях или в бывших помещичьих гнездах. За время революции многие из этих ветхих построек обратились в развалины. Прежде чем размещать в них детей, приходилось восстанавливать разрушенное. Окрестные плотники и жестяники, производившие ремонт, ходили по имениям со своим нехитрым инструментом, украшая строения свежими сосновыми заплатами и доморощенными пузатыми печами. По уютным когда-то комнаткам размещались объекты социального воспитания. Для них расставлялись шаткие проволочные кровати, и на вбитых в стены четырехдюймовых гвоздях развешивались грязные полотенца. Те же плотники в честном порыве втиснули в расшатавшийся паркет новые сосновые ингредиенты[1], и под бдительным оком санкомов заходили по паркету половые тряпки, обильно смачиваемые грязной водой. Крылечки, предназначенные для

---

[1] Ингредиент — составная часть какого-либо соединения. Здесь употреблено А. С. Макаренко в ироническом смысле.—*Ред.*

нежных ножек тургеневских женщин, и перильца, на которые должны были опираться нежные ручки, не могли выдержать физкультурных упражнений неорганизованной молодежи, и зимою их обломки дослуживали последнюю службу человечеству: с аппетитом пожирал сухое дерево разложенный в печах огонь. Удобные для размещения ампирных диванчиков и различных пуфов небольшие комнатки не соответствовали новым требованиям. Многочисленные переборки и простенки были серьезным недостатком общежитий. Они были зачастую столь стары, что из них вываливались гвозди, и домашние штукатуры напрасно прибавляли к их толщине два-три вершка глины. Они стояли до поры до времени, эти бугристые изнемогавшие стены. «Клифтами»[1], штанами, рукавами и плечами вытирался мел, которым ребята белили стены. Обваливалась глина. Наступал момент, когда явственно обнажался древесный скелет. Последний часто использовался ребятами как топливо.

В монастырях —та же история и те же картины. Только стены в монастырях гораздо массивнее, только запахи в бывших кельях гораздо живучее: с большим трудом вытесняется приторный запах ладана. Но переборки и стены здесь разрушались скорее, крылечки в самом непродолжительном времени заменялись приставленной доской.

В монастыре детский дом прежде всего с великим увлечением приспосабливал под клуб церковь. Десятисаженные высоты и храмовые просторы страшно увлекали наших педагогов, которым представлялось: вот в этих дворцах забурлит клубная работа, вот здесь разрешатся все проблемы нового воспитания. Перестройка этих церквей стоила очень дорого, а результаты получались, просто говоря, неудовлетворительные. Летом ребят не загонишь в полутемный гулкий и неуютный зал, а зимою ничем клубный воздух не отличается от свежего зимнего. Всё потому, что когда перестраивали храм, то, оказывается, не сообразили: никакими печами и никакими тоннами топлива помещение не обогреешь.

Полуподвальная трапезная со стенами и подоконниками шириною в полторы сажени, с нависшими сводами, обставленная древними столами длиною в четверть километра, конечно, обращалась в столовую. Она трижды в день наполнялась шумливой и нетерпеливой толпой, и поэтому никогда

---

[1] «К л и ф т» (блатной жаргон)—ватная куртка, пиджак.— *Ред.*

не находилось времени убрать столовую как следует. Пыльные окна скоро становились целыми государствами пауков, кое-как прикрытые мелом масленые спасители, богородицы и чудотворцы начинали одним глазом подсматривать за ребятами, а потом доходили до такой смелости, что и бороды их и благословляющие персты безбоязненно окружали ребячью толпу.

И в именьях и в монастырях очень много построек — домов, домиков, флигелей, складов. Как посмотрит, бывало, организатор на эти хоромы и на эти коридоры, так и себя не помнит. Но жадные на помещение педагоги просчитываются на этом обилии. Сотни детей через месяц уже сидят на всех подоконниках. Оказывается, что разместились не совсем удобно, что это нужно перестроить, а это построить наново, а это перенести. Целое лето энергичный организатор торгуется с плотниками и печниками. На осень разместятся по-иному. Но зимою в колонию приходит новый организатор, у которого новые вкусы. Начинаются стройки и перестройки. Действительно, все это богатство представляет просторное поле для деятельности. И так бесконечно перестраивается колония, но самого главного в ней всегда нехватка: теплых уборных нет, водопровода нет, электричества нет, и канализации нет, и нет никакого органического единства, и никакой гармонии. Игра вкусов на протяжении пяти-десяти лет настолько запутывает, что в последнем счете — все попрежнему неудобно и неуютно. В течение целого дня сотни ребят бродят из дома в дом, ибо в одном доме столовая, в другом — школа, в третьем — мастерские, в четвертом — клуб, в пятом—спальни, а в шестом—управление, и ни в одном из этих домов нет вешалки, а если и есть, то никто эту вешалку не охраняет. Никому не хочется остаться без пальто, без фуражки, и бродят ребята по колонии, не раздеваясь в течение всего дня... Надворные уборные в самый короткий срок делаются непригодными для прямого своего назначения, и зимой используют их все для того же отопления. В наскоро приспособленных умывальных всегда налито, напачкано — не лучше, чем в уборных. Так, несмотря на все ремонты и перестройки, отнимающие огромные средства, все это старье все-таки постепенно разрушается, осыпается и обваливается, пока, наконец, спасительный пожар не уничтожает последние остатки старого мира и пока, следовательно, детский дом не переводится в другое место.

Наш дом выстроили чекисты Украины за счет отчислений из своей заработной платы. Чекисты создали памятник великому Дзержинскому. Они обнаружили ясность и четкость в понимании задачи, последовательность и решительность в ее выполнении.

В конце декабря 1927 года наш дом был готов и оборудован. Были расставлены кровати, в клубах повешены гардины и закончены художниками уголки. В библиотеке на полках стояло до трех тысяч книг, в столовой и на кухне все было приготовлено, и сам Карпо Филиппович был на месте. Кладовые были наполнены всем необходимым. И только когда все это было готово, в коммуну приехали первые коммунары.

По этому поводу многие товарищи говорили: не по правилам сделано, ни на что не похоже, педагогической наукой и не пахнет.

Мы и раньше не раз слышали такие проповеди:

— Не нужно ребятам давать все в готовом виде. Не нужно им все до конца строить и оборудовать. Пусть детский коллектив собственными руками сделает себе мебель, украсит свой дом, вообще пусть он станет на путь самоорганизации, самообслуживания, самооборудования, — только тогда у нас воспитается настоящий инициативный человек-творец.

Как прекрасно звучат все эти слова!

Но ведь дело не только в словах.

Мы не против самоорганизации и самооборудования, пусть никто не обвинит нас в педагогическом оппортунизме.

Изготовить, скажем, мебель, столы, скамьи или даже стулья — это, конечно, очень хорошо. Но для этого нужно уметь это изготовить.

Если ты не умеешь сделать стол, то ты его и не сделаешь, а если сделаешь, то дрянной, и уйдет на это больше времени и больше средств, чем на покупку стола в магазине. И еще: не сделает этого стола не только ребенок, но и сам хитроумный организатор, который придумал именно такой порядок самооборудования. При таком мучительном способе самооборудования как раз никаких воспитательных достижений не получится. Наоборот, можно сказать с уверенностью, что самые талантливые ребята через месяц возненавидят вас за то, что их заставили спать на полу и обедать на подоконнике, что заставили их делать то, чего они не умеют делать.

Но доказать эти простые вещи не так уж легко. Многим педагогам очень приятно показать посетителям рукой на все окружающее и сказать:

— Это дети сами сделали.

— В самом деле? Ах, какая прелесть! Действительно, как интересно!.. Как же вы этого добились?

...и тогда изложить свои восхитительные приемы:

— Очень просто, знаете... Когда дети сюда прибыли, мы им ничего не дали, мы им сказали: сделайте себе все своими силами!

Мы хотели бы таким педагогам посоветовать:

— Почему бы вам самим на себе не испытать всю прелесть этого метода? Ведь если это вообще полезно, то полезно будет и для вас: может быть, и у вас прибавится инициативы и творческого опыта. Попробуйте вместе с вашими восторгающимися посетителями поселиться в пустых комнатах и самооборудуйтесь — сделайте себе столы и табуретки, сшейте одежду и т. п.

Дзержинцы вошли в готовый и оборудованный дом. Им предоставлено было все то, что нужно для мальчика и девочки: забота, чистота, красивые вещи, уют — все то, чего они давно были лишены и что должны по праву иметь все дети. Никто не захотел производить над ними неумных, жестоких и ожесточающих опытов.

ПЕРВЫЕ ДЗЕРЖИНЦЫ

Мы решили, что не стоит сразу впускать в дом толпу с улицы и потом смотреть, как будет разрушаться общежитие. Первые отряды дзержинцев были организованы из ребят, живших в колонии имени М. Горького. Это не значит, что мы выбрали из числа горьковцев самых лучших и организованных ребят и оставили колонию в руках новичков и социально запущенных. Отряды первых дзержинцев заключали в себе и сильных, и слабых ребят и даже ребят, довольно сомнительных в смысле пригодности их для роли организаторов нового дела. Но все они уже были связаны общей горьковской спайкой.

Из состава горьковской колонии было выбрано для колонизации Нового Харькова шестьдесят колонистов, в том числе пятнадцать девочек. Уже за три недели до переезда эти ребята были выделены советом командиров горьковской колонии и приняли участие в подготовке своего переезда.

В мастерских горьковской колонии была изготовлена новая одежда, и 26 декабря все шестьдесят человек, нарядившись в новые костюмы и попрощавшись с колонистами, в снежный зимний день тронулись навстречу новой жизни.

Вошли они в новый дом все запушенные снегом, пухлые и толстенькие, какими не привыкли у нас видеть беспризорных. Бобриковые пальто еще больше толстили их.

Большинство первых дзержинцев были в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, но попадались между ними и старые горьковцы, представители первых полтавских поколений этого прекрасного племени.

Здесь были:

Виктор Крестовоздвиженский — мастер и работать, и командовать, и веселиться, человек, преданный самой идее детской коммуны, обладавший исключительными способностями организатора: прекрасной памятью, способностью схватывать сразу множество вещей, привычкой к волевому напряжению. К тому же Виктор был очень искренним и благородным человеком. Единственным его недостатком, унаследованным от первых времен беспризорщины, было пренебрежение к школе. Он всегда презрительно относился к стремлению многих ребят попасть на рабфак и в глубине души считал рабфаковцев «панычами».

Митя Чевелий — «корешок» Виктора — многим отличался от него, но был его постоянным спутником на жизненном пути. Это был идеальный горьковец, подтянутый, стройный и немногословный. Дмитрий был крепко убежден в ценности и колонии и коммуны. Он видел очень много детских домов, принимал даже участие в реорганизации некоторых разваленных колоний. Он был очень хорош собою, но никогда не козырял этим и к девушкам относился чрезвычайно сдержанно.

И Виктору и Дмитрию было лет по семнадцати.

Третьим нужно назвать Кирилла Крупова, тоже «старика-полтавца». Кирилл всегда был очень способным и в настоящее время учится в одном из вузов Харькова. Неизменно активный, он был в комсомольской ячейке одним из самых видных членов. Правда, на него иногда нападало легкомысленное настроение. Он очень любил начать вдруг возню. Его желание встряхнуться после работы выражалось в диких прыжках и сумасшедшей беготне, причем ему далеко не всегда удавалось избежать столкновения с вещами и с людьми. Бывали у него минуты, когда на него

«находило». Вдруг он становился забывчивым и недисциплинированным. После ему приходилось отдуваться на общих собраниях наравне с малышами. Но в общем это был хороший товарищ и прекрасный коммунар.

Павлуша Перцовский, любимец всех коммунаров, человек удивительно добрый, но с твердыми убеждениями. Такие люди, как он, сильны прежде всего тем, что умеют от чего угодно отказаться и с чем угодно примириться, если это касается материальных условий.

Вот Николай Веренин — это совсем другой человек. Пришел он к нам жадненьким и весьма нечистым на руку. Между словами «купить», «выменять», «отнять», «украсть» он не видел никакой качественной разницы и избирал всегда тот способ, который был наиболее удобным. Жизнь в горьковском коллективе, чрезвычайно настойчивом и не боявшемся никаких конфликтов, подействовала на Веренина только в том смысле, что заставила его быть гораздо осторожнее. Веренин был парень очень неглупый. Уже в колонии Горького он был в старшей группе и считался одним из самых образованных коммунаров. Он умел объединить нескольких невыдержанных товарищей, чтобы вместе с ними начать игру в карты, проникнуть в кладовку, организовать наблюдение за тем, что плохо лежит, и т. д. Новичков Веренин в первый же день брал на свое попечение и эксплуатировал их, как только было возможно. Использовал он и кое-кого из ребят постарше, тех, кто поглупее. В числе таких был Охотников, которого ребята назвали «удивительная балда». Однако политика Веренина еще в колонии Горького начала срываться. Его выкинули из комсомола и стали смотреть на него, как на последнего человека.

В самый день переезда новых дзержинцев из Куряжа в Новый Харьков Веренин был назначен сопровождать воз с ботинками. И, конечно, пара ботинок исчезла неизвестно куда. Веренин был не один, — с ним был Соков, спокойный и стройный мальчик, самим своим видом внушавший к себе доверие. Веренин указывал на то, что с ними был конюх и им нужно было отлучаться от подводы по делам. В первый же день в коммуне Дзержинского пришлось разбирать такое грязное дело.

Свою жизнь в новом доме мы начали с организации самоуправления.

Как только коммунары разделись и наскоро ознакомились со зданием коммуны, Крестовоздвиженский взялся за

сигнальную трубу, предусмотрительно купленную накануне. Впервые в нашем дворце зазвенели звуки старого сигнала, так всем хорошо знакомого, такого зовущего и такого непреклонного:

«Спеши, спеши, скорей!»

Оживленные, радостные ребята, восхищенные и домом и новизной своих костюмов, сбежались в зал «громкого» клуба. Витька, вытирая ладонью мундштук сигналки, засмеялся:

— Хорошо! Проиграл один раз — и все на месте.

Действительно, в колонии Горького, чтобы собрать общее собрание да еще такое экстренное, пришлось бы с трубой в руках обходить все корпуса и закоулки.

В «громком» клубе на новых диванах киевской работы расселись шестьдесят новых коммунаров.

На собрании мы занялись подсчетом: для слесарной нужно две смены, для столярной две смены, для швейной две смены — вот уже шесть отрядов. Еще сапожная мастерская—тоже выходит два отряда, но относительно нее были сомнения.

— Тут такие мастерские и машины, что никто не захочет идти в сапожную, — говорили ребята.

Наметили и еще один отряд — хозяйственный. По горьковскому плану в этот отряд входили ключники, завхозы, кладовщики, секретарь совета командиров и вообще все должностные лица колонии или ребята, имеющие индивидуальную работу.

Решили на собрании, что каждый коммунар сейчас же напишет на клочке бумаги, в какой мастерской он желает работать, а совет командиров немедленно соберется и рассмотрит все эти записки. Совет командиров выбрали тут же на собрании и поручили ему распределить по отрядам командиров. Выбрали и секретаря совета — Митю Чевелия. Первыми нашими командирами были: Крестовоздвиженский, Нарский, Соков, Перцовский, Шура Сторчак и Нина Ледак.

Только тронулись все из «громкого» клуба, а Витька уже затрубил «сбор командиров».

Коммунары разошлись по коммуне, главным образом по мастерским, где их ожидали новенькие станки — токарные, сверлильные, шепинги, фрезерные, долбежные.

А в комнате совета Митя Чевелий оглядел всех шестерых своими черными глазами и сказал ломающимся баском:

— Совет командиров трудовой коммуны имени Дзержинского считаю открытым.

Михайло Нарский, самым видом своим противоречащий всякому представлению о торжественности, сказал, весело шепелявя:

— Хиба ж это совет командиров? Шесть каких-то человек! От, понимаешь, даже смешно! Вот в колонии хиба ж так?

Но Митя сердито оборвал его:

— Если тебе смешно, так выйди в коридор и посмейся.

Нарский смущенно наклонил лохматую голову и сказал:

— Та я шо ж? Я ж ничего... Так только...

Долго пришлось просидеть за столом совету командиров, распределяя коммунаров по отрядам, учитывая все личные особенности и желания, считаясь и с требованиями заведующего производством. Особенно трудно было с сапожной мастерской: никто не хотел посвятить свою жизнь сапожному делу. Пришлось в скором времени мастерскую закрыть.

Занялись и Верениным. Недолго бузил Николай, повинился в грехе, и сказал ему Митька:

— Ото ж, щоб було в послидний раз, бо не знаю, що тоби зроблю!

И удивительно! — как священный завет принял Веренин слова Митьки: сегодняшний случай с Николаем действительно оказался последним.

ПЕРВЫЙ ОТРЯД

В коммуне теперь двенадцать отрядов.

Первичным коллективом на производстве в коммуне всегда был отряд коммунаров, а не класс или спальня.

По нашей системе вся группа коммунаров, работающая в той или другой мастерской в одну из смен, составляет отряд.

Таким образом у нас получилось:

Первый отряд — токарно-слесарный цех первой смены.

Второй отряд — тот же цех второй смены.

Третий отряд — столяры первой смены.

Четвертый отряд — столяры второй смены.

Пятый отряд — швейная мастерская первой смены.

Шестой отряд — швейная мастерская второй смены.

Седьмой отряд — литейный цех первой смены.

Восьмой отряд — литейный цех второй смены.

Одиннадцатый отряд — никелировщики первой смены.

Двенадцатый отряд — никелировщики второй смены.

Только десятый отряд соединяет в себе «шишельников»[1] обеих смен, так как разбивать их было нецелесообразно, — слишком маленькие получились бы отряды.

Девятый отряд — запасный: он посылает помощь остальным отрядам, если кто-нибудь заболеет или командируется на работу на сторону. Обычно в девятый отряд входят те коммунары, которые еще не определили своих симпатий в производственном отношении, или новенькие. Новеньким дают возможность присмотреться и попробовать себя на работе.

Некоторые из отрядов сложились уже в крепкие коллективы; другие, напротив, никак не подберут постоянного состава. Сейчас первые шесть отрядов состоят из ребят, давно живущих в коммуне.

По сменам коммунары распределились в зависимости от принадлежности к школьной группе. В коммуне в последнем учебном году было шесть групп семилетки: одна третья, две четвертых, две пятых и одна шестая.

Самый заслуженный и лучший отряд в коммуне — это первый. За восемь месяцев междуотрядного соцсоревнования три месяца победителем был этот отряд.

В первом отряде подобрались знающие ребята, лучшие наши металлисты, старые коммунары. Из четырнадцати человек в отряде семеро уже проходили командирский стаж, некоторые — по нескольку раз. Многие занимают теперь более ответственные посты — заместителя заведующего, членов санкомов (а в санком всегда выбирается самый подтянутый и чистоплотный коммунар). Первый отряд носит почетное звание комсомольского, так как он составлен исключительно из комсомольцев.

Командует отрядом Фомичев. Он избирается на командирский пост уже не первый раз.

Фомичев—веселый и неглупый парень, бесспорный кандидат на рабфак, способный производственник. Только недавно он вместе с Волчком перешел на токарный станок — и вот теперь уже Фомичев и Волчок идут первыми по токар-

---

[1] «Шишельники» — коммунары, занятые изготовлением «шишек», применявшихся при формовке и литье. О том, что собой представляют эти «шишки», А. С. Макаренко рассказывает в главе «Пацаны» этой книги. — *Ред.*

ному отделению и перегнали даже самого заслуженного нашего токаря, Воленка. И Волчок и Воленко — оба в первом отряде. У них несколько странные отношения. Они по ряду причин не любят друг друга, но стараются не показать этого в коммуне. Воленко изрядно завидует успехам Волчка в токарном цехе, завидует его исключительному положению в коммуне.

Волчок — общий любимец и общепризнанный авторитет. Этот семнадцатилетний мальчик уже давно в комсомоле, всегда он расположен ко всем, всегда улыбается и в то же время подтянут и по-коммунарски подобран. Он — старый командир оркестра и умеет держать его в руках, несмотря на то, что в оркестре подобрался народ, имеющий большой вес в коммуне. Коммунары в восторге от музыкальных талантов Волчка. Действительно, он — незаурядный музыкант. Он ведет партию первого корнета, освобожден педагогическим советом от занятий в нашей школе и ежедневно посещает Музыкальный институт, готовится к серьезной работе по классу духового оркестра. Коммунары давно привыкли к своему оркестру, тем не менее они всегда собираются послушать, как выводит Волчок свои замечательные трели. За такое мастерство коммунары могут простить много грехов. Волчок умеет руководить, не потрафляя никаким слабостям товарищей и не вызывая к себе неприязненного чувства. Вот почему, когда Волчок командовал отрядом, отряд так легко захватил коммунарское знамя, удерживал его три месяца и сдал пятому отряду с боем.

Сейчас Волчок подчиняется Фомичеву как командиру отряда, но Фомичев играет на баритоне в оркестре и подчиняется Волчку как командиру оркестра. И если Волчок в отряде безупречен, то нельзя того же сказать о Фомичеве в оркестре. Опоздать на сыгровку, потерять мундштук, нотную тетрадь, иногда побузить во время игры — для Фомичева не редкость. Наш капельмейстер Тимофей Викторович раз даже просил его уйти из оркестра.

Волчку не раз приходилось призывать Фомичева к порядку, иногда даже представлять в рапорте вниманию высших органов коммуны.

Но у Фомичева мягкий характер. Он всегда добродушен, никогда не обижается на Волчка и вечно обещает ему, что «этого больше не будет». Трудно ему пересилить свою легкомысленную и немного дурашливую природу. Но он так же любит Волчка, как и все коммунары, и сколько Волчок ни

отказывался, Фомичев все же настоял в совете командиров, чтобы Волчка назначили его помощником по отряду.

Недавно первый отряд должен был поливать клумбы перед зданием коммуны. Командир не сумел это дело организовать как следует: не распределил работы между коммунарами, не успел согласовать ее с другими работами отряда, не учел отпускных расчетов по отряду в день отдыха, не получил вовремя леек, не наладил брандспойтов и вообще запутал дело так, что хоть зови следователя. Вышло все это не потому, что не хватало у него сообразительности, а просто по его халатности и забывчивости.

Получился полный беспорядок. Коммунары здорово обиделись на своего командира.

Волчок, с улыбкой наблюдая неразбериху в работе отряда, говорит Фомичеву:

— Чудак же ты! Как же ты назначаешь парня к брандспойту на шесть часов вечера, если он с пяти стоит на дневальстве в лагерях.

Командир сердится и кричит:

— Вы все только разговариваете, а я должен каждого просить! Боярчук на дневальстве? Хорошо. А почему Скребнев не мог взять кишку? Ты их защищаешь, а они радуются.

Волчок снова, спокойно:

— Вот чудак! Ну как тебе не стыдно? Разве Скребнев справится с брандспойтом? Он его и не подымет. Ты сообрази.

Фомичев в таких случаях именно сообразить и не может. Он «парится» и кричит, хватает первого встречного, уже и без того злого:

— Боярчук, иди на клумбу!

Хитрый и смешливый рыжий Боярчук поворачивает к командиру свою веснушчатую физиономию и, дурашливо уставившись на него, говорит ехидно:

— На клумбу идти? А ты ж сказал, чтобы я бочки прикатил...

Все начинают смеяться.

Тогда в полной запарке Фомичев приказывает:

— Нечего долго разговаривать! Бери ты, Волчок, брандспойт.

Волчок заливается смехом:

— Вот чудак, все я да я: и вчера я и позавчера я! Чего ты все на меня?.. Ну хорошо, что с тобой делать?

И до поздней ночи возится Волчок с клумбой, наполняет бочки водой, расстилает для просушки мокрый брандспойт и убирает в вестибюле, через который приходится протягивать кишку от домового крана.

Рядом с ним напряженно работает сам командир, но работой командует уже не он. Три-четыре коммунара из отряда, приведенные в порядок веселым умным Волчком, деятельно носятся с поливалками.

Сложную и хитрую политику ведет Воленко. Это мальчик серьезный, немного обозленный, немного недоверчивый.

Он чрезвычайно активен и вполне заслуженно носит сейчас звание дежурного заместителя. Но, занимая и этот пост, стоя наиболее близко к управлению в коммуне, он всегда склонен подозревать всякие несправедливости, всегда готов стать на защиту кажущегося угнетенным. А так как угнетенных в коммуне нет, то Воленко часто поддерживает отдельных бузотеров и неудачников. Поддерживает он и Фомичева. Часто это приводит к конфликтам с Волчком. В голубой повязке дежурного заместителя Воленко неуязвим, его решения не подлежат обсуждению, и он этим пользуется в своей молчаливой борьбе с авторитетом Волчка.

Один раз Волчок поставил вопрос о Фомичеве перед общим собранием.

Играл наш оркестр в городе в каком-то клубе. Началась торжественная часть,весь оркестр в яме, а Фомичев пропал. Послали его искать, нашли в буфете. Говорят:

— Иди.

А он:

— Что, мне уже и отдохнуть нельзя.

— Да от чего ты будешь отдыхать? Ведь еще и не играли.

— А дорога?

Пришлось самому Волчку идти ругаться с ним. Вернувшись в оркестр, Фомичев заявил, что никак не может найти мундштука. А мундштук был в кармане пальто. Так и играли торжественную часть только с одним баритоном, а в антракте даже вызывали дежурного члена клуба, искали мундштук. Коммунары возмутились ужасно.

Припомнили все прежние проступки Фомичева. Редько из четвертого отряда прямо предложил:

— Из-за него только позоримся всегда. Выкинуть его из оркестра, вот и все!

Фомичев хмуро стоял посреди зала и только огрызался:

— Ну что ж, и выкинь.

Волчок знал, что выкинуть нельзя, не скоро приготовишь нового баритониста, но и он пугал:

— Да и придется.

И вот тут Воленко, когда прения закончились, нанес свой удар:

— Замечание в приказе!

Волчок, чуть не плача:

— Да что ты, Воленко, замечание! Сколько уже замечаний было!

— А ты как считаешь? — спросил Воленко с подчеркнутой серьезностью.

— Как считаю?

Волчок, улыбаясь, оглянулся и снова сердито показал на своего командира:

— Вот, смотрите: стоит — как с гуся вода. Ему десяток нарядов закатить нужно, чтоб помнил.

В собрании сочувствующий гул. Но Воленко настаивал:

— Что ж тут такого? Забыл, вот и все. Не нарочно он сделал.

Председатель собрания, наконец, прекратил этот поединок. Фомичеву объявили замечание в приказе. Однако легче ему не стало. Когда отряд пришел в спальню, все напали и на Фомичева и на Воленко. Последний снял уже голубую повязку, и, следовательно, с ним спорить было можно. Да он и сам, наконец, понял, что поступил с Фомичевым слишком милостиво.

Если сравнить Фомичева, каким он был два года назад, с Фомичевым теперешним, — нельзя не поразиться такой переменой.

Он был в высшей степени ленив, неаккуратен, рассеян и груб. Несколько раз общее собрание приходило в отчаяние: выходило так, что хоть выгоняй Фомичева из коммуны.

Этого Фомичева мы воспитали и сделали из него образцового коммунара. Теперь, если напомнить ему о прошлом, он улыбнется во весь рот и скажет: «А ведь и в самом деле!» Теперь, хоть и порядочно еще недостатков у Фомичева, все же недаром его на второй срок выбрали командиром лучшего отряда. Может он многое забыть и многое перепутать, но нет лучше его в цехе: умеет он и с мастером поговорить о разных неполадках, и всем коммунарам с ним весело и занятно. В комсомоле и разных комиссиях он, если

захочет и не забудет, всякое дело сделает добросовестно и даст вразумительный отчет. Нет такого вопроса в коммуне, на который бы он не отозвался.

И еще вот что хорошо: он не обидчив и каждому члену отряда он приятель.

ПАЦАНЫ

На другом полюсе коммуны находится отряд пацанов.

В этом десятом отряде в настоящее время собраны не все пацаны. Года полтора тому назад они имели полную автономию и составляли довольно сильную общину, их было человек тридцать, занимали они отдельные спальни и выбирали себе своего командира. Я уже рассказывал, как они потеряли свою самостоятельность.

Собственно говоря, никаких преступлений и тогда пацаны не совершали. В то время их еще не пускали в производственные мастерские, а предоставляли им возможность работать в изокружке, в котором много они перепортили материалов и инструментов. В изокружке дела было очень много: модели аэропланов, паровая машина, выпиловка, разные игры, в том числе знаменитая «военная игра». Малыши, постоянно нуждаясь в «импорте» таких материалов, как бамбук, резина и прочее, вели деятельные внешние сношения. Бамбук они получали у коммунарской спорторганизации и потому всегда с нетерпением ожидали очередной лыжной аварии, сопровождавшейся зачастую поломкой палок. С резиной, необходимой для изготовления аэропланных моторов, дело обстояло гораздо сложнее. Для этого поддерживались сношения с расположенным недалеко от нас авиазаводом. Скудные партии резины, достававшиеся через знакомых рабочих и комсомольцев, слабо покрывали нужду в этом материале. Однажды пацаны отправили делегацию к самому начальнику завода и с тех пор были этим необходимым сырьем обеспечены на сто процентов. Благодаря этому изокружковское дело стало поглощать у них очень много энергии, и ее не хватало для исполнения нарядов по коммуне. А без работы в коммуне никогда ни один коммунар не оставался. В особенности часто не справлялись они с обязанностью отстаивать посты в сторожевом отряде. Главный пост этого временного (недельного) сводного отряда — в вестибюле. Дневальный обязан смотреть, чтобы в коммуну не входили чужие, чтобы все вытирали ноги,

чтобы пальто вешали на вешалки, а не бросали как попало на барьеры вестибюля. Главная же задача дневального — проверять ордера в спальню. Днем вход в спальню не разрешается без ордера дежурного по коммуне. В ордере пишется, на сколько минут разрешается коммунару войти в спальню и что можно из спальни вынести. Дневальный проверяет ордер и следит за тем, чтобы предписания дежурного по коммуне были выполнены. Другие коммунары, стоя на посту, умели все это делать как-то без хлопот и скандалов. У пацанов же всегда получалось не совсем ладно. То прозевает дневальный какого-нибудь нарушителя, заглядевшись на интересное зрелище во дворе или в здании коммуны, то, напротив, проявит излишнюю энергию: покажется ему, что слишком долго кто-нибудь задержался в спальне, и он спешит туда вместе со своей винтовкой, — возникает конфликт, а в это время уже дежурный по коммуне записывает в рапорт, что дневального на посту не было. В особенности много претерпевали пацаны оттого, что в сутках так мало помещается часов. Никогда нельзя успеть сделать всех дел, которые предусмотрены планом, не говоря уж о работе сверх плана. Не только ведь заниматься в изокружке, — нужно и в школе хорошо учиться, и поиграть, и в лес пойти, и выкупаться, и зайти в совет командиров узнать новости, и свести счеты с каким-нибудь противником, и поговорить, и на дневальстве постоять, и умыться, и почиститься. Ребята не успевали всего сделать. Особенно страдали те процессы, которые не могли непосредственно заинтересовать пацанов, например умывание, чистка ботинок и пр. К тому же в своей деятельности пацаны развивали предельные темпы, причем большинство так называемых механических препятствий преодолевали простейшим способом: перелезали через изгороди, лазили в окна, топтали цветники. Это, конечно, сказывалось и на их одежде. Выглядели они иногда возмутительно с точки зрения и дежурного по коммуне и дежурного члена санкома[1]. В результате всего этого — неизбежный рапорт, и провинившегося выводили на середину на общем собрании. Коммунары в общем относились к ним ласково, однако это не мешало требовать порядка. Совет командиров всегда считал, что виноваты в беспорядках сами наши командиры. Несколько раз предла-

[1] Дежурный член санитарной комиссии, сокращенно ДЧСК. *Ред.*

гали малышам хороших командиров, но отряд гордо держал знамя независимости: «Зачем нам ваши командиры? У нас и своих ребят хватит». Кандидатов избирательных комиссий они отводили в особенности ретиво, и поэтому на избирательных собраниях всегда им удавалось проводить своих кандидатов.

Все это было давно.

Сейчас десятый отряд уже участвует в производстве. Он обязан представить в день тысячу четыреста «шишек».

Шишка — это сделанная из песка и воды куколка, которая при формовке вкладывается в форму, чтобы заполнить проектированную пустоту полой вещи. При литье место, занятое шишкой, медью не заполняется. Для изготовления шишек есть специальные шаблоны и формы: для кроватных углов, для масленок, для трубочек и т. п. Отряд Мизяка делится на две бригады. Каждая бригада должна приготовить в смену семьсот шишек. Приблизительной нормой на отдельного коммунара считается сто шишек за четырехчасовой рабочий день. Для шишек нужно готовить еще и проволоку, на концах которой она подвешивается внутри формы при отливке. За каждую шишку коммунар получает копейку.

Многие из членов десятого отряда теперь уже делают по двести шишек, и благодаря такой успешности у нас скоро предвидится сокращение десятого отряда и перевод старших в более серьезные цехи. Мечтают они все о токарном цехе.

В десятом отряде много замечательных ребят. Пока что расскажем только о «старом» нашем коммунаре Петьке Романове.

У Петьки есть брат Алексей, старше его на полтора года и опытнее. Но Петька к старшему брату относится с некоторым высокомерием. Алексей моложе его по коммуне, и его имя чаще попадается в рапортах, потому что он человек излишне предприимчивый и с собственническими наклонностями.

Петьке только двенадцать лет. Родился он на Кубани. Давно уже судьба разбросала Петькину родню по свету. После небольшого беспризорного стажа попал Петька в коммуну. А через три месяца прислали из коллектора[1] и

---

[1] Коллектор — учреждение, собиравшее беспризорных детей и распределявшее их по детским учреждениям. —*Ред.*

Алексея. Петька и Алешка — низкорослые подростки, очень похожие друг на друга. Только Алешка веселее и не такой курносый. Петька же большею частью серьезен.

Как-то случилась с этими представителями фамилии Романовых с Кубани потешная история.

В тот самый день, когда привели Алешку из коллектора, пришли в коммуну два мальчика, оба черные от паровозной копоти и угля, оба «небритые и немытые», оба лет по тринадцати. Заявили они, что работали в Донбассе и теперь хотят устроиться в детском доме. Совет командиров, экстренно собранный, отнесся к ним благожелательно. Коммунары накормили и переодели их в кое-какое барахлишко, назвали их «шахтарями», но в коммуну принять отказались: шахтари были неграмотны, а у нас первой группы никогда не было. Решили отвести их в коллектор и просить принять для отправки в какую-нибудь колонию.

Шахтари согласились. Им разрешили переночевать в клубе. Они ушли из совета командиров и заигрались где-то с ребятами.

На другой день я почему-то забыл о них. Только к вечеру вспомнил, что нужно привести в исполнение постановление совета командиров. Вызвал срочно Нарского, дал ему записку в коллектор и сказал:

— Отведешь этих шахтарей в коллектор. Вот тебе письмо совета командиров, а вот деньги на проезд.

Нарский, как всегда, с готовностью салютнул и, ответив: «Есть!» — бросился спешно исполнять поручение. Как всегда, через минуту возвратился:

— А какие это пацаны?

— Да вот те два, что вчера в совете командиров... Шахтари.

— А, знаю! — обрадовался Нарский. — Шахтари? Знаю. А где они?

— Там где-то, в саду. Разыщи и доставь в коллектор, да смотри, чтобы приняли. Без того и не возвращайся.

— Есть! — повторил Нарский и исчез.

Часа через два кто-то из командиров увидел, что Петька сидит на парадной лестнице и плачет.

— Что с тобой? Чего ты плачешь?

Петька отвернулся и перестал плакать, но разговаривать не хотел.

Коммунары почти никогда не плачут, и все кругом были уверены, что с Петькой случилось что-то серьезное.

— Расскажи, чего ты ревешь?

Петька поднялся со ступеньки, зацепился рукой за поручни и, наконец, сказал серьезно и решительно:

— Отправьте меня из коммуны.

— Почему?

— Не хочу здесь жить.

— Почему?

— Отправьте меня к брату.

Все удивились. Как будто никакого такого брата, к которому можно было бы отправить Петьку, у него не было.

— К какому брату?

— К какому! К старшему...

— А где он живет?

— Я не знаю... Я не знаю, куда вы его отправили.

— Мы отправили?.. Что ты мелешь? Ты здоров?

— Я ж видел... Нарский Мишка повел. Я ему говорю: «Куда ты его ведешь?» А он говорит: «Не твое дело!» И повел.

— Нарский повел в город твоего брата? Одного?

— Нет, еще какого-то пацана.

Немедленно я выяснил потрясающие подробности. Нарский захватил и отвел в город одного из шахтарей и нового Романова — Алешку. Второй шахтарь продолжал играть в саду и чувствовал себя прекрасно.

Пришлось срочно организовать вторую экспедицию, отправлять второго шахтаря и возвращать Романова.

Сильно обрадовался Петька этому обороту дела. Когда экспедиция возвратилась, он долго оглядывал своего найденного вторично брата, помог ему искупаться и переодеться, начал знакомить с коммуной. Он упросил совет командиров назначить Алешку в свой отряд.

С тех пор как Алешка и сам сделался матерым коммунаром, Петька лишил его своего покровительства. Он кроет брата на собраниях под улыбки всего зала и записывает в рапорт при всякой возможности.

Петька расхаживает по коммуне, всегда хлопотливый и занятый. Только одного он боится — экскурсий и делегаций. Боится с того времени, когда оскандалил коммуну и всю пионерскую организацию.

Приехал однажды в коммуну один из членов высокой партийной организации. Встретил в коридоре Петьку, задрал его курносую морду вверх и спросил:

— Вот так коммунар! Ты грамотен?

— А как же! — сказал Петька.
— Может быть, ты и политграмоту знаешь?
— Ну да, знаю.
— А ты знаешь, кто такой Чемберлен?
— Знаю, — улыбнулся Петька.
— А ну, скажи!
— Председатель Харьковского исполкома.
Посетитель усмехнулся:
— Что ты говоришь? Ты, брат, ошибаешься.
Петька задумался и вдруг махнул рукой безнадежно, не видя возможности выйти из положения. И убежал в сад.
С тех пор Петька, как только увидит экскурсию или делегацию, немедленно скрывается в лес.

УТРО В КОММУНЕ

Ночь. Все в коммуне спят, только дневальный бодрствует. В вестибюле возле памятных мраморных досок стоит небольшой дубовый диванчик. Это место дневального.

В карауле бывают по очереди все, без исключения, коммунары. Каждый дневальный стоит на карауле два часа. Совет командиров назначает на две пятидневки разводящего, который освобождается от всех работ в коммуне и обязан следить за правильностью смен дневальных и за правильным исполнением ими своих обязанностей. Разводящий является начальником караула в коммуне и вечером сдает рапорт о состоянии сторожевого сводного отряда. Сторожевым отрядом считаются коммунары, дежурившие по караулу в течение дня.

Редко в этом рапорте отмечаются ошибки дневальных. Коммунары — народ дисциплинированный, и в коммуне, кажется, не было случая, чтобы дневальный не вовремя явился на пост или ушел с поста самовольно. Вот только с новенькими коммунарами бывают иногда скандалы. Заснет на дневальстве парень, а уж тогда ни один коммунар не откажется взять и унести винтовку.

Бедный страж просыпается и сразу сознает, что беда непоправима. Придется ему все утро провести в поисках винтовки, и хорошо, если удастся найти похитителя и уговорить его возвратить винтовку. В большинстве же случаев бывает, что винтовка находится уже после того, как весть о позорном поведении дневального облетит всю коммуну и со всех сторон на сонливого стража посыплются вопросы:

— А где же твоя винтовка?

— Что же это ты оскандалился?

Однажды проезжая педагогическая комиссия пришла в ужас:

— Что это у вас за казарма? Зачем эти часовые?

Кое-как нам удалось убедить педагогов, что без часовых нам жить никак невозможно: и беспорядок будет в спальнях, и грязь. Ведь в коммуну ходит много посторонних людей, которые считают, что если они принесут в коммуну каких-нибудь полкилограмма пыли и грязи, то это пустяк, о котором не стоит говорить.

Коммунары же хорошо знают, что принесенную на сапогах пыль завтра нужно убирать и щетками и тряпками, да и то, конечно, всю не уберешь, — много ее попадет в легкие. Эти соображения немного убедили педагогов. Но тогда возник вопрос:

— А зачем ему винтовка? Стрелять-то ведь он не будет.

На этот вопрос ответить было уже труднее. И в самом деле, дневальный не будет стрелять, да и патронов у него нет. Но коммунары очень дорожат этой винтовкой в руках дневального. Это символ его значения, это знак того, что ему доверено коллективом очень много — охрана коллектива. Коммунар знает также, что его винтовка в руках — это прообраз будущей винтовки, которую ему нужно будет взять в руки для защиты своей рабочей страны и своей революции. И если теперь ему приходится за этой винтовкой ухаживать и за нее отвечать, то это облегчит ему усвоение будущих военных обязанностей.

К тому же винтовка в руках — это просто удобно и целесообразно. Каждому проходящему — и своему и постороннему — сразу ясно, что перед ним дневальный, которому нужно подчиняться без всяких споров.

Дневальный коммунар имеет право сидеть, он должен вставать только при появлении заведующего коммуной, дежурного по коммуне и командира сторожевого отряда. Мы таким образом превращаем дневальство в гимнастику внимания и зоркости, обостряем слух и глаз и приучаем коммунара к тому молчаливому сосредоточению, которое необходимо часовому.

Та же педагогическая комиссия возмущалась:

— Ведь это же безобразие! Стоит мальчик, молчит и ничего не делает. Хоть книжку ему дайте, все-таки с пользой проведет время. Ведь так стоять страшно неинтересно.



В вестибюле всегда стоял часовой с винтовкой

Присутствовавший тут же представитель ГПУ, человек военный и не отравленный педагогическими «теориями», даже побледнел от удивления.

— Как вы говорите? Часовому читать книжку?.. Да разве это возможно!

Одним словом, мы совершаем это педагогическое преступление, и наш дневальный стоит с винтовкой.

Обыкновенно дневальные коммунары очень строги. В рапорте дневального отмечаются самые мельчайшие нарушения санитарной и общей дисциплины: «Баденко не закрыла за собою двери», «Котляр не вытер ноги», «У Орлова пальто без вешалки».

Ровно в шесть разливается по коммуне сигнал



Сторожевой отряд имеет право всякое пальто без вешалки сдать в кладовую, и собственнику пальто после этого придется хлопотать у секретаря совета командиров — получать ордер на выдачу его пальто из кладовой.

Недавно дежуривший на дневальстве Петька Романов записал в рапорт самого заведующего производством — всеми уважаемого Соломона Борисовича Левенсона — за то, что на предложение вытереть ноги Соломон Борисович возразил: «Зачем же? У меня ноги чистые». Пришлось Соломону Борисовичу на общем собрании коммунаров извиняться и приводить объяснения: «Занят очень, много приходится бегать, иногда и забудешь».

Много дела днем нашему дневальному, но и ночью ему скучать не приходится. Ночью в здании коммуны не остается ни одного взрослого, так как квартиры сотрудников все

в других домах, а дежурства воспитателей в коммуне нет. Дневальный запирает двери, как только сотрудники разойдутся, запирает кабинет заведующего и проверяет, все ли окна в доме закрыл дежурный отряд. У вечернего дневального карточка, на которой он записывает, кого нужно будить раньше других. Эта карточка передается следующим дневальным.

Раньше всех нужно будить старшую хозяйку. Эта должность возлагается чаще на мальчиков, но название ее сохраняет по традиции женский род. Ключ от кухни хранится у старшей хозяйки, и с ее приходом начинается кухонная жизнь.

После старшей хозяйки поднимается дежурный по коммуне, или, сокращенно, ДК. Отличает его красная повязка. Всех дежурных по коммуне девять. Их коллегия избирается общим собранием вместе с советом командиров на три месяца, обычно из старших коммунаров. ДК организует весь рабочий день коммуны. ДК обходит коммуну, подписывает у старшей хозяйки ордера в кладовую, проверяет все помещения коммуны и получает у дневального ключ от кабинета заведующего. Без четверти шесть дневальный будит дежурного сигналиста. Сигналистов тоже девять. Каждый ДК имеет у себя постоянного, прикрепленного к нему трубача, с которым он сработался. Трубачом в коммуне быть дело не простое. Сигналов очень много, все они более или менее сложны, поэтому почти все трубачи набираются из оркестра.

Ровно в шесть разливается по коммуне сигнал. Это веселый дробный мотив. К нему давно подобрали слова, как и к большинству сигналов:

Ночь прошла. Вставайте, братья!
Исчезают тень и лень.
Блещет день.
За мотор,
За станок и за топор!
Нам
Встать пора к трудам!

Притихшая в предутреннем сне коммуна вдруг наполняется шумом.

Коммунары немедленно приступают к уборке. Уборочных отрядов у коммунаров нет, мы не имеем возможности отрывать от производства лишнюю рабочую силу. У нас снимаются с производства только ДК, командир сторожево-

го и старшая хозяйка. Уборка же производится всеми коммунарами авральным способом. Наладить эту уборку было делом далеко не легким. Только в совете командиров пятого созыва порядок уборки был выработан окончательно[1]. Каждое утро нужно убрать всю коммуну, то есть вымыть полы там, где нет паркета, подмести, вытереть пыль на стенах и на вещах, протереть окна, поручни лестниц, убрать в уборных, вычистить медные части, поправить гардины и занавесы. Это — огромная работа, и ее вполне хватит на сто пятьдесят человек коммунаров.

Самое распределение этой работы — разделение всей территории коммуны между уборщиками и в особенности распределение орудий уборки — оказалось в свое время сложнейшей задачей, требующей изобретательности и четкости. В настоящее время работа по уборке распределяется советом командиров в очередном заседании в девятый день каждой декады, на декаду вперед. Наряд дается на отряд. Работа по уборке в том или другом пункте определяется числом очков, например:

Убрать уборную	4	очка
Убрать пыль в классе	2	»
Подмести «громкий» клуб	4	»
Вытереть пыль в «тихом» клубе	4	»
Вытереть пыль с поручней лестниц	3	»
Вытереть пыль в кабинете	1	»
Подмести кабинет	1	»
и т. д.		

В общей сложности это составляет семьдесят пять очков, то есть на каждых двух коммунаров приходится одно очко. В согласии с этим каждому отряду полагается известное количество очков, например: для десятого отряда — четыре очка, потому что в отряде восемь коммунаров, а для первого отряда — семь очков, потому что здесь коммунаров четырнадцать. Секретарь совета командиров заранее заготовляет билетики. На одной стороне билетика написано название работы, а на другой обозначено только число очков. Все эти билетики раскладываются на столе номерами вверх, и каждый командир набирает себе столько очков, сколько полагается для отряда. Очередь отрядов по выниманию билетиков все время передвигается. Если в прошлую декаду начинали с первого отряда, то теперь начинают со второго, а

---

[1] К маю 1929 года, т. е. за полтора года. — *Ред.*

в следующую будут начинать с третьего. Каждому отряду предоставляется право обменяться своим билетом с другим отрядом, если будет достигнуто соглашение. Когда все такие междуотрядные соглашения закончены, секретарь совета командиров записывает, что кому попалось, и все это объявляется в приказе вечером от имени совета командиров. Копия приказа выдается санитарной комиссии. Каждый отряд получает на декаду орудия уборки. Работа по уборке считается непроизведенной, если она не сдана командиром или его помощником дежурному члену санитарной комиссии. Для этого ДЧСК обходит все помещения по приглашению отряда, внимательно проверяет, как подметен пол, как протерты стекла, как вытерта пыль. Когда все отряды уборку сдали, дежурный член санитарной комиссии подходит к ДК и рапортует ему:

— Уборка сдана.

Только после такого рапорта ДК может распорядиться о дальнейшем движении дня. Если же этого рапорта нет, день задерживается. Мы привыкли в таких случаях не «париться» и не волноваться.

Недавно третий отряд очень плохо убрал верхний коридор. Дежурный член санитарной комиссии отказался принять уборку. Третий отряд был того мнения, что уборка проведена хорошо, что пыль на батареях — дело несущественное и что ДЧСК просто придирается. Отряд сложил свои орудия производства и заявил, что уборку он повторять не будет.

ДК попробовал поговорить с отрядом по совести, но отряд заупрямился, и его командир, белобрысый парень Агеев Васька, сказал:

— Чепуха какая — пыль на батареях! Это дело генеральной уборки. Смотри ты: засунул руку черт его знает куда! Хорошо, что она у него как соломинка. А у нас и руки ни у кого такой нет.

Дежурный член санитарной, маленький юркий Скребнев, сверкает белыми зубами.

— Смотрите, у них руки для уборки не годятся! Скоро скажете — полы не будем мыть, нагнуться никак нельзя, видите, животы какие нажили.

Швед, помощник командира, мягкий и ладный, серьезно обращается к своему командиру:

— Скажи, пускай уберут ребята. Можно послать на батареи Кольку, он просунет руку.

Агеев — руки в карманы и кивает на Скребнева:

— Записывай в рапорт! А я запишу, что ты придираешься, как бюрократ.

Сидим на диване у парадного входа, нас любопытно рассматривает умытое глазастое утреннее солнце.

Подходит ДК — маленький, подвижный и совсем юный Сопин. Он — старый коммунар и комсомолец. Он сам состоит в третьем отряде и не раз даже командовал им. Сопин усаживается рядом со мной и подымает жмурящееся лицо к солнцу.

— Вы знаете, Антон Семенович, опаздываем уже на десять минут, а эти лодыри, третий отряд, до сих пор не сдали уборки.

Я, не выпуская изо рта папиросы, так же спокойно говорю:

— Что же ты будешь делать? Ведь это твои корешки?

— Да вот и не знаю, что делать. Понимаете, с командиром тоже ссориться не хочется.

Агеев Васька хохочет.

Налетает сердитый взлохмаченный Фомичев и орет:

— Чего вы держите? Уже давно на поверку...

Сопин непривычно для него жестко заявляет:

— Сигнала не дам, пока не скажет ДЧСК. Мое дело маленькое.

Швед опять трогает за рукав Агеева:

— Пошли кого-нибудь, черт с ними! Я бы и сам пошел, да жду здесь Ваньку, он обещал сдать щетки.

Агеев отрицательно качает головой. Фомичев «парится на три атмосферы», как говорят ребята, и кричит:

— Через вас, смотри, уже четверть часа!

— Ну, хорошо, — говорит Агеев. — Уберем.

Через пять минут подходит к Сопину Скребнев и салютует:

— Уборка сдана.

Сопин кивает черной, как уголь, головой востроглазому Пащенку, и тот прикладывает сигналку ко рту. Звенят в сияющем утреннем воздухе раскатистые бодрые призывы: «Собирайтесь все!»

Вечером в этот день ДК отмечает в рапорте: «По дежурству в коммуне все благополучно. Утром задержан завтрак на пятнадцать минут по вине третьего отряда».

Председатель собрания смотрит на командира третьего. Агеев пробует улыбаться и нехотя вылезает на середину.

— Ну, что ты скажешь? — спрашивает председатель.

— Да что я скажу? — вытягивается командир.

По тону его и по тому, как он держит в руках фуражку, чувствуется, что настроен он вяло, сказать ему нечего.

— Там эти батареи, так никак туда руку...

Он замолкает, потому что в зале смеются. Все очень хорошо знают, что тут не в руках дело. Сколько раз уже эти самые батареи проверялись санкомом!

— Больше никто по этому вопросу? — спрашивает председатель.

Все умолкают и ждут, что скажет дежурный заместитель.

ДЗ сегодня самый строгий. Это Сторчакова, секретарь комсомольской ячейки. Она всегда серьезна и неприветлива, и ничем ее разжалобить невозможно. Агеев, видно, утром забыл, кто сегодня ДЗ, иначе он был бы сговорчивее.

— Три часа ареста, — отчеканивает Сторчакова.

Агеев тянет руку к затылку.

— Садись, — говорит председатель.

После собрания Агеев подходит ко мне.

— Ну что, влопался? — спрашиваю его.

— Я завтра отсижу.

— Есть.

На другой день Агеев сидит у меня в кабинете. Читает книжку, заглядывает через окно во двор. Он арестован.

— Что, скучно? — спрашиваю я его.

— Ничего, — смеется он. — Еще час остался.

Такие оказии, впрочем, бывают чрезвычайно редко. Уборка обычно не вызывает осложнений в коллективе, настолько весь этот порядок въелся в наш быт. Вот разве только новенькие напутают. В прошлом году ДК так и не добился от новеньких уборки в вестибюле и с негодованием отметил в рапорте, что вестибюль не был убран. Оказалось потом, что ребята слово «вестибюль» поняли так, что им поручено «мести бюст», и действительно вылизали на славу бронзовый бюст Дзержинского в «громком» клубе.

Когда уборка кончена, трубач дает сигнал на поверку. По этому сигналу бегом собираются коммунары по спальням, потому что поверка не ждет и неизвестно, с какой спальни она начинается.

Поверка — это ДЗ, ДК и ДЧСК.

При входе поверки каждый командир командует:

— Отряд, смирно!

Коммунары вытягиваются каждый возле своей кровати, и дежурный по коммуне приветствует отряд:

— Здравствуйте, товарищи!

Ему отвечают салютом и приветствием, и начинается самая работа поверки. Каждый коммунар должен доказать, что он оделся, как полагается, что он убрал постель, что у него чисто в ящике шкафа и что он не забыл почистить ботинки и помыть шею и уши. Разумеется, старших коммунаров только в шутку можно попросить:

— Повернись-ка, сынку!

Зато малышей и новеньких поверка действительно поворачивает во все стороны, заглядывает им в уши, поднимает одеяла и иногда даже просит показать, как надеты чулки и не грязны ли ноги.

Теперь в коммуне очень редко бывают в рапортах неожиданности по данным поверки. Только Котляра, одного из самых младших членов десятого отряда, приходится часто выводить на середину. Общее собрание уже привыкло к его страшной неаккуратности и почти потеряло надежду что-нибудь с ним сделать. Часто раздаются голоса:

— Да довольно с ним возиться! Пускай командир выходит на середину. Почему не смотрит за пацаном?

Мизяк не смотрит? Мизяк с этим Котляром возится больше любой матери. Но что тут поделаешь, если самая фигура нескладного, корявого Котляра просто не приспособлена для одежды.

До сих пор Котляр не умеет зашнуровать ботинок, а ведь живет в коммуне больше года. Штаны на нем всегда вышачканы и почему-то всегда изорваны, даром что меняют ему спецовку постоянно. Котляр на середине безучастно слушает негодующие речи и смотрит на председателя широкими рачьими глазами.

И председатель и ДЗ машут на него руками:

— Садись уже, довольно стоять.

Последней поверяют спальню девочек. Там всегда идеально прибрано. Только Сторчакова иногда скажет самой младшей:

— Покажи, как шею помыла.

Поверка окончена. Все спускаются вниз, и труба играет: «Все в столовую!»

Завтрак.

В МАШИННОМ ЦЕХЕ

После завтрака, в половине восьмого, проиграли «на работу». Нечетные отряды идут в мастерские, четные — в школу.

В здании коммуны собираются воспитатели-учителя, к мастерским подходят рабочие и инструкторы. Через три минуты никого уже не видно в коридорах и во дворе. Только ДК в красной повязке что-то рассчитывает у дневного расписания, повешенного в коридоре внизу.

Шум затихает лишь на несколько минут. Скоро начинается новая симфония. Раньше всех закричит шипорез в машинном цехе деревообделочной мастерской. Он наполняет коммуну гулким ветровым шумом, перемежающимся с отчаянным визгом пожираемого машиной дерева. Каждый дубовый брусок начинает с громкого вскрика, потом вдруг орет благим матом и, наконец, испустив истошный последний вскрик, в стоне замирает. А вот на циркулярке дереву, видно, даже умирать приятно. Циркулярка в течение целого дня звенит веселым, торжествующим звоном, аккомпанируя острому дурашливому крику дерева. Фуговальный гудит кругло и по-стариковски ворчливо.

В машинном цехе утром работают восемь коммунаров из третьего отряда. Между ними ходит, поправляет и проверяет их высокий и худой инструктор Полищук, начавший с беспризорности, а кончивший приобретением большой квалификации и вступлением в партию. У него с коммунарами отношения приятельские.

Сейчас коммуна делает большое дело: оборудует мебелью новый Электротехнический институт в Харькове. Институт открывается осенью этого года.

Много коммунаров собирается поступить на рабфак института.

Мы делаем сотни дубовых столов, стульев, табуреток, чертежных столов и пр. — всего на пятьдесят тысяч рублей. Все это нужно закончить к 15 августа, и поэтому в деревообделочной мастерской «запарка».

Машинный цех буквально завален деревом, обрезками, деталями и полуфабрикатом, назначенным для сдачи в сборный цех. Целыми штабелями лежат под стенами и у машин ножки, царги, проножки, планки и прочая столярная благодать. Коммунары покрыты дубовой пылью, у них страшные и смешные запыленные очки.

Самый маленький здесь Топчий, приемыш коммуны. Как-то осенью, в темную и мокрую ночь, его папаша, селянин с Шишковки, в состоянии непозволительно веселом напоролся на часового у пороховых погребов. На первый окрик отмахнулся пьяной рукой, на второй — выразился пренебрежительно, и снял его часовой.

Черноволосый и круглоголовый Топчий — малый способный, напористый и рассудительный. Он с первых же дней, невзирая на свой рост и возраст, потребовал от совета командиров, чтобы ему дали настоящее дело. Командиры его осадили высокомерно:

— Молодой еще! Посмотрим, что из тебя выйдет.

Но уже через два месяца сказали командиры:

— Э, Топчий парень грубо́й[1].

Очень скоро назначили Топчия в третий отряд и дали ему долбежный станок. Теперь он, почти не отрываясь, разделывает на этом станке шиповые пазы и отверстия для скреплений.

Самая тонкая работа в машинном цехе выпала на долю Шведа. Он — на ленточной. Швед — большой политик и оратор. Как только он прибыл в коммуну из коллектора, тотчас же обратился в совет командиров с письменным заявлением. Он писал, что хочет работать в коммунарском активе и просит дать ему такую именно работу. Это заявление возмутило и взволновало коммунаров:

— Как это, в активе? Что это, совет командиров будет актив назначать? Посмотрим, как он в мастерских поработает.

Вместе со Шведом пришел из коллектора его друг Кац.

Трудно объяснить, что могло связать Шведа и Каца. Швед умен, начитан, очень развит. Он, пожалуй, даже не в меру серьезен, только в его серьезности нет ничего напряженного и сухого. В его огромных черных глазах какая-то старая, недетская печаль. Он мягок и вдумчив. Коммунарский стиль чистоты и подтянутости он усвоил очень быстро.

Совсем другое дело — Кац. Только очень плохая семья могла воспитать и вытолкнуть в люди такого разболтанного, никчемного мальчика. Работать он не захотел. Он прямо заявил, что не собирается быть ни столяром, ни слесарем и вообще к деятельности этого рода он себя не готовит. Стыд-

---

[1] Грубо́й — хороший. — *Прим. А. С. Макаренко.*

но ему было оставаться в коммуне без работы, но в мастерских от него не было никакого толку. Зато он убивал много времени на поддерживание каких-то невыясненных связей в городе: не было дня, чтобы его кто-то не вызывал по телефону или чтобы он не просился в отпуск по самым срочным делам. Из отпуска он приходил всегда с опозданием, и ДК с утра ругался, что нужно искать замену и кого-то передвигать с места на место. Благодаря всему этому Кацу часто приходилось выходить на середину на общих собраниях. К разным рапортам и жалобам на Каца скоро прибавились и его жалобы на коммунаров: тот толкнул, тот придирался, тот что-то сказал. На поверку выходило, что никто не виноват. Каца начали ненавидеть. Не было дня, чтобы в совете командиров или на собрании кто-нибудь не заявлял: «Нам такие не нужны». Коммунаров доводило до остервенения высокомерие Каца и его неаккуратность: «Ленивый, грязный...»

Швед очень мучительно переживал неудачи своего товарища, тем более что к этим неудачам присоединились и его собственные. После его заявления о желании вступить в актив над ним посмеивались, и хотя он держался крепко и никогда не попадал в рапорт, общая оценка Шведа была в коммуне невысокой. Дело кончилось неожиданным взрывом.

Тимофей Денисович, заведующий нашей школой, подал в совет командиров заявление, в котором просил назначить Шведа его помощником. У нас помощники Тимофея Денисовича зимой освобождаются от другой работы. На них лежит много обязанностей: вести учет школьной работы и посещаемости, заведовать учебниками, учебными пособиями, наглядными пособиями и музеем школы. Фактически Швед, как и его предшественники, должен был стать руководителем командиров школьных групп. Это очень почетная роль в коммуне, она требует знаний и умения деликатно обращаться с книгами, картами, банками, ретортами и т. д. В совете командиров неохотно пошли на назначение Шведа, предлагали других кандидатов. Но против старых квалифицированных и знающих коммунаров были возражения со стороны организаторов производства, которые отказывались снимать с работы настоящих мастеров. Ребятам помоложе было бы трудно вести сложную работу с школьными группами. Наконец, настаивал на своем Тимофей Денисович. Ему уступили, хоть и неохотно.

— Ничего в коммуне не сделал, походил по сводным отрядам две недели, и уже в активе. Так нельзя! Просто «латается», не хочется работать в мастерской, да и все тут.

Швед подал заявление. В нем он писал, что в коммуне есть антисемитизм, что ребята преследуют его и Каца потому только, что они — евреи. Я просил указать лица и факты, но Швед сказал, что он боится назвать фамилии. Я передал его заявление общему собранию.

Собрание было оглушено и возмущено. Действительно, заявление было явно неосновательным. В коммуне много евреев, много евреев и среди рабочих, есть и евреи воспитатели. Никогда в коммуне не было национальной розни.

На собрании долго говорили о необоснованности заявления и выдвинули обвинение против Шведа и Каца в явно придирчивом и нетоварищеском отношении к коммунарам. Указывали, конечно, на плохую работу и нечистоплотность Каца, на неосторожное стремление Шведа в актив. Такие «радикалы», как Редько, высказывались прямо:

— Довольно заниматься чепухой! Они не могут указать фактов, нечего тут и разбирать. Не нравится им в коммуне, потому что здесь работать нужно, — пусть уходят, никто их не держит.

Большинство требовало, чтобы Швед назвал лиц, которых он обвиняет в антисемитизме, возмущалось его страхом.

— Что, у нас бандиты, что ли? Пусть кто-нибудь попробует здесь заниматься этим делом, — и вы увидите, чем это кончится! Вот в девятьсот двадцать восьмом году один такой нарвался из коллектора, так что́, долго с ним церемонились? В два счета вылетел. А вы какое имеете право бояться? Значит, вы не настоящие коммунары, а какие-то гости.

Коммунары евреи были также очень поражены. Юдин, Каплуновский и другие обрушились на Шведа, обвиняли его в том, что он вносит раздор в среду коммунаров, утверждали, что по отношению к себе и к другим евреям они встречали только товарищеское отношение. Высказывались на собрании по этому вопросу только старшие коммунары; малыши притихли и держались выжидательно. А между тем именно с их стороны раньше раздавались голоса против Каца.

Кончилось дело тем, что выбрали комиссию для более подробного расследования. Комиссия ничего из заявления Шведа не подтвердила, и это дало основание совету командиров на ближайшем же заседании вновь поднять вопрос о

преждевременности включения Шведа в коммунарский актив.

Для меня было совершенно очевидно, что в своей жизни Швед много пережил обид на почве национальной розни, и у него выработалось уже привычное ожидание новых обид и преследований. Поэтому, вероятно, он взял на себя и защиту Каца, который встречал неприязненное к себе отношение еще в коллекторе. К мальчику, подобному Кацу, в среде коммунаров всегда сложилось бы определенное отношение, независимо от того, к какой национальности он принадлежит.

Шведа сняли и назначили в столярную мастерскую: «Пусть поработает, тогда из него настоящий коммунар выйдет». Я не возражал, так как на самом деле это было полезно для Шведа.

Швед был крайне подавлен всей этой историей. Его удивляло и обескураживало, что он так нечаянно и неожиданно оказался в противоречии со всем коллективом. Но в то же время видно было, что он признал правоту коллектива.

В дальнейшем Швед дал доказательства и большой воли, и здравого ума. Неожиданно для всей коммуны, будучи дневальным, он занес в рапорт по сторожевому отряду Каца и на собрании напал на него искренно и горячо:

— С такими коммунарами, конечно, трудно жить. Если ему говорят — покажи ордер, а он отвечает: «Ты уже заелся?» — так это не коммунар, а шпана!

Собрание довольно холодно выслушало оправдания Каца. Кацом перестали интересоваться и давно уже перестали продергивать его на собраниях. Так всегда бывает, когда в глазах коммунаров кто-нибудь становится безнадежным, когда его уже не считают членом коллектива.

Кац это тоже понял. В тот же вечер он пришел ко мне и просил отправить его к родным в Киевский округ. Совет командиров, которому я представил заявление Каца, на экстренном заседании дал согласие на этот отъезд.

Швед все-таки провожал товарища до шоссе.

С тех пор на глазах стал расти Швед. Уже через месяц совет командиров согласился на просьбу Васьки Агеева назначить Шведа помощником командира третьего отряда. Почти в то же время Швед прошел в редколлегию стенгазеты и скоро стал ее председателем. Наконец его выбрали кандидатом в ДК, и он теперь часто носит крас-

ную повязку, выполняя ответственнейшую и труднейшую работу в коммуне. В третьем отряде, одном из лучших отрядов коммунаров, Швед сделался общим любимцем. Товарищи гордятся его развитием, его уменьем говорить, всегда выдвигают его в разные делегации. Он теперь чувствует себя в коллективе свободно и уверенно.

1 июня третий отряд после долгой борьбы занял первое место, главным образом благодаря работе Шведа, на которого «старик» Агеев Васька (который, между прочим, по возрасту моложе Шведа) возложил почти все функции командования. Агеев не скрывал этого, и при торжественной передаче знамени отряду-победителю знамя принимал не сам Агеев, а Швед. Он в этот вечер был подчеркнуто ладно одет, такими же подтянутыми явились и его ассистенты. Их лица выражали сдержанное торжество и готовность серьезно бороться за свое первенство. Швед и сейчас работает в машинном цехе столярной мастерской. Это для него оказалось во всех отношениях полезным. Даже на способе выражаться это отразилось очень положительно. Швед оставил прежнюю манеру низать одна на другую книжные фразы и щеголять утомительными, бесконечными периодами: его язык приобрел живость и простоту.

В машинном цехе Швед нашел и товарищей и самого себя. Он деятельно готовится в вуз и прекрасно понимает, что его производственная работа занимает выдающееся место в этой подготовке.

СБОРНЫЙ

В сборном цехе не так шумно, как в машинном.

Здесь с трудом пробираешься между верстаками. Кругом навалены табуретки, стулья, части столов, козелки и разные детали. И не мудрено: один маленький Брацихин вырабатывает за свои четыре часа двести рамок для сидений.

Здесь собрался народ квалифицированный. Почти все ребята уже второй-третий год работают в столярной. За это время коммунары выпустили много продукции: оборудовали Харьковскую городскую станцию Южных дорог дорогими тысячерублевыми кассами-кабинками, представляющими собой целые квартиры для станционных кассиров, с барьерами, ящиками, полочками, окнами и стек-

лами; в новом прекрасном клубе союза строителей обставили дубовой мебелью зрительный зал, лекционный зал, вешалки, кабинеты; громадный новый Дворец культуры, выстроенный союзом химиков в Константиновке, полгода снабжали мебелью: в этом Дворце две тысячи мест только в одном театральном зале; студентам-харьковцам отправили в общежитие сотни тумбочек, табуреток и стульев. Работали и для Института патологии и гигиены труда, и для поликлиник, и для Харторга.

И, разумеется, в первую очередь отделали новые клубы для своих шефов: клуб ГПУ УССР имени Ильича и клуб фельдъегерского корпуса.

В первое время, пока не умели коммунары работать, было много наемных рабочих. Добраться в коммуну трудно, и квартир в коммуне всегда не хватало; попадались нам рабочие плохие — летуны, рвачи и лодыри, которые никак не могли удержаться на производстве. Но уже в прошлом году коммунары потеряли терпение и потребовали от заведующего производством уменьшить постоянный приток чуждых коммуне людей. Скоро начался спор о введении разделения труда, о работах по бригадам. Наши рабочие, главным образом кустари, привыкли кое-как, не спеша, копаться у своего станка. В результате и работа тянулась мучительно долго, и заработок у них был плохой. Тогда они начинали «бузить» — расценки, мол, никуда не годятся. А когда им предложили ввести разделение труда, то помешали взаимное недоверие и подозрительность. Сколько ни крыли их коммунары на общих собраниях и на производственных совещаниях — ничто не помогало. Наконец коммунары приняли отчаянное решение. Сократили всех рабочих, за исключением тех, кто сжился с коммунарами, кто готов был идти по пути рационализации. Как раз в это время нужно было сдать заказ союзу строителей в Москве. Чтобы выполнить заказ к сроку, общее собрание ввело двойной рабочий день — по семь часов, перебросило в столярный цех всех более или менее свободных слесарей и всех пацанов. Им дали работу по полировке мебели. Вместе с ними работали и все воспитатели.

Только благодаря этой ударной работе заказ выполнили к сроку, и пятого июня мы сидели уже в вагонах московского поезда, получив накануне от строителей четыре тысячи рублей.

В настоящее время в сборном цехе очень мало взрослых рабочих, да и те—рабочие самой низкой квалификации. Они выполняют самую простую работу: ножки чистят. Основная работа в цехе ведется исключительно старыми коммунарскими кадрами третьего и четвертого разрядов. Большею частью — это ребята пятнадцати-шестнадцати лет, есть и четырнадцатилетние.

У двух верстаков расположилась полубригада из трех коммунаров: Зорин, Водолазский и Ширявский.

Зорин совсем малыш, и ему поручили проверять шипы при помощи специального сусла. Он очень ловко перебрасывает в своем сусле и проверяет лучковой пилой до ста шипов в день; детали с проверенными шипами он передает Водолазскому, который покрывает шипы шоколадной жижицей клея и деревянным молотком сбивает рамку будущего стула.

Водолазский — высокий белокурый юноша. Ему шестнадцать лет, но выглядит он гораздо старше. Водолазский давно отбыл и командирский срок и побывал заместителем заведующего. Работает он с точностью машины. Он, почти не глядя, отбрасывает случайный брак, сквозь зубы поругивая машинный цех. В сборном цехе часто придираются к машинистам и станковым, обвиняя их в халатности.

— Смотрите, опять шипы зарезали с параллельным уклоном. Вечно у них там... замечтается кто-нибудь и портит!

Ширявский с улыбкой в умных глазах принимает от Водолазского рамку и завинчивает ее в пресс, стоящий перед ним на козлах. Пресс сжимает рамку со всех сторон. Ширявский еще постучит по ней молотком, и через четверть минуты она уже лежит в штабеле таких же рамок.

У этой полубригады дело идет весело.

Рядом с ней работает Никитин — самый авторитетный человек в коммуне, носитель и продолжатель старых традиций горьковской колонии. Никитин сейчас — «контроль коммуны». Его участие во всех проверочных и следственных комиссиях обязательно. На нем же лежит неприятная обязанность приводить в исполнение все постановления общего собрания, касающиеся отдельных коммунаров: ограничение в отпуске, лишение кино, иногда наряд на дополнительную работу. Никитин поэтому всегда носится с блокнотом.

Сейчас Никитин очень недоволен: что-то заело в машинном цехе, и для сборщика не хватает настоящей работы. Никитину дали чистить планки для спинок — это такая «буза», которую может делать простой чернорабочий, а не шестиразрядник — ветеран коммуны Никитин.

Сегодня вечером попадет от него на производственном совещании и Полищуку, и главному столярному мастеру Попову, и коммунарам-машинистам, и в особенности Соломону Борисовичу.

Первое: почему до сих пор не поставлена вторая циркулярка?

Второе: почему до сих пор не налажена маятниковая пила?

Третье: почему не исправлен штурвал у фрезера?

Четвертое: почему задерживается точка ленточных пил?

Главные удары на производственных совещаниях всегда приходятся по машинному цеху. Это не потому, что там плохо работают, а потому, что силы сборщиков у нас превышают возможности машинного цеха. Вот почему и возникла необходимость ставить дополнительные станки и усиливать пропускную способность имеющихся.

На дворе устроился Сопин с двумя товарищами. Сопин вообще не выносит комнатного воздуха, раньше всех он выбирается спать в сад. Он убедил Попова перенести туда же верстаки.

У Сопина всегда занятно и весело. Даже распиливая косой шип, он ухитряется о чем-нибудь болтать и над чем-нибудь посмеиваться.

— А чего это у токарей сегодня такие кислые рожи? Ты не знаешь, Старченко?

Старченко, прилизанный, аккуратный юноша, оглядывается на маленького Сопина и продолжает размеренно постукивать молотком по стамеске.

— А ты знаешь?

— Конечно, знаю! Они насобачились на углах, а сегодня им масленки поднесли точить. Кравченко разогнался штук на шестьдесят в день, а у него не выходит.

Сопин знает все, что делается в коммуне. Это ему удается благодаря какой-то удивительной способности проникать всюду, отнюдь не пользуясь никакими шпионскими способами, а исключительно благодаря своей замечательной общительности и живости. На всякое событие в коммуне он должен отозваться.

Сопин прославился в коммуне зимой этого года, когда в пику вялой редколлегии «Дзержинца», еле-еле выпускающей два номера в месяц, он с небольшой компанией добровольцев вдруг бахнул по коммуне ежедневной «Шарошкой»[1]. «Шарошка» сначала вышла на небольшом картонном листе, но с каждым днем увеличивала и увеличивала размеры и, наконец, стала протягиваться длинной узкой полосой по всей стене коридора. Она была до отказа набита статьями, заметками, вырезками из газет, ехидными вопросами и смешными издевательскими телеграммами.

Коммуна зашевелилась, как разворошенный муравейник. Продернутые в «Шарошке» коммунары решительно запротестовали против самовольно организованного общественного мнения и требовали, чтобы «Шарошка» сняла подзаголовок: «Орган коммунаров-дзержинцев». Старая редколлегия «Дзержинца» указывала на отдельные промахи газеты и называла ее «Брехушкой». Но Сопин с компанией не отступали и с каждым днем увеличивали свою газету.

На общем собрании редколлегия «Дзержинца» обиженно заявила, что она прекращает издание «Дзержинца», так как у нее нет материала: все перехватывает Сопин. Бюро комсомола еле помирило две редакции. Полномочия Сопина были подтверждены общим собранием, и только в одном ему пришлось уступить: отказаться от названия «Шарошка». С тех пор «Дзержинец» выходит в формате «Шарошки», и хотя редколлегия отказалась от ежедневного выхода, но раз в пятидневку газета сменяется.

До половины двенадцатого кипит работа в мастерских, шумят станки, визжит пила и стонет дерево. Заказ нового Электротехнического института с каждым часом подвигается вперед.

Коммунары очень ценят этот заказ не только потому, что он приносит заработок и прибыль, а еще и потому, что мы связались с институтом. К нам часто приезжают в коммуну организаторы института, и многие коммунары уже считают себя будущими студентами. Осенью этого года тридцать три коммунара готовятся к поступлению на рабфак института.

---

[1] Шарошка — фреза, используемая для обработки металла. — *Ред.*

КУДА МЫ ИДЕМ?

В наших цехах имеются производственные комиссии, часто собираются производственные совещания, есть штаб социалистического соревнования, но все решения этих институтов не могут иметь обязательной силы, если они не утверждены советом командиров. Получается как будто неладно: старшие, более опытные, да еще поддержанные участием взрослых, — вся эта настоящая сила, сосредоточенная в производственных органах, как будто уступает силе двенадцати командиров, народу более молодому и менее опытному в производстве. Но у нас очень дорожат именно таким соотношением сил.

Совет командиров представляет всю коммуну, а не один какой-нибудь цех, и ему часто приходится выступать против цеховщины и даже цехового рвачества. И то обстоятельство, что командиры почти всегда «середняки» по возрасту, очень нравится большинству коммуны, потому что в коммуне восемьдесят процентов именно «середняков». Кроме того, на заседаниях совета командиров могут высказываться все коммунары, хотя в голосовании участвует только по одному человеку от отряда. Обычно бывает, что, если в совете командиров разбирается производственный вопрос, командир присылает в совет наиболее матерого специалиста по цеху, который и ведет свою линию в заседании от имени отряда, а командир в это время тихонько сидит в углу.

Вообще говоря, в коммуне выработалась очень сложная и хитрая механика внутренних отношений. Механика и стиль наших отношений инстинктивно усваиваются каждым коммунаром. Благодаря этому нам удается избегать какого бы то ни было раскола коллектива, вражды, недовольства, зависти и сплетен. И вся мудрость этих отношений, в глазах коммунаров, концентрируется в переменности состава совета командиров, в котором уже побывала половина коммунаров и обязательно побывают остальные.

Производственные совещания и комиссии находятся под общим руководством комсомола. Производство, в котором работает сто пятьдесят ребят, средний возраст которых не превышает пятнадцати лет, представляет очень сложный организм. Мы не можем ограничиться одним каким-нибудь производством, так как в таком случае на-

верняка не сумеем удовлетворить разнообразных вкусов и наклонностей попадающих к нам ребят. Если мальчику, жившему в семье, нужно идти на фабзавуч, он может выбрать тот, который ему больше по душе или к которому у него есть определенные способности. Наш воспитанник принужден выбирать себе уже в коммуне работу и специальность, может быть, на всю жизнь. Наша обязанность — предоставить ему возможно больший выбор. В то же время мы принуждены держать у себя различные возрастные группы ребят — в основном от тринадцати до семнадцати лет.

В деле организации наших мастерских мы все время были несколько стеснены. С самого начала коммуна имени Дзержинского не числилась на бюджете какого-нибудь учреждения. Она была выстроена и оборудована обществом чекистов, но содержать сто пятьдесят детей, то есть ежемесячно вносить в коммуну шесть-семь тысяч рублей, чекистам было чрезвычайно тяжело, да и коммунары бы этого не захотели. Передать же коммуну на бюджет государственный или местный — значило бы для чекистов отказаться от руководящей роли в коммуне и, будем говорить прямо, подвергнуть коммуну всем испытаниям, выпадающим на долю детских домов.

Все это привело к тому, что и в Правлении и в коммуне возникло стремление к самоокупаемости. Нужно признаться, что в первый момент мы не вполне ясно представляли себе, в какие формы это может вылиться, и у нас было много сомнений в педагогической ценности самого института самоокупаемости.

И все же наше производство, у которого не было ни оборотного капитала, ни квалифицированной рабочей силы, было организовано.

Первый год принес нам радости не много. Мы оборудовали несколько клубов, выпустили немало мебели, но не только не пришли к самоокупаемости, но еще получили убытки. Все это произошло исключительно благодаря нашей половинчатости. Мы боялись сразу оттолкнуться от соцвосовских берегов и не решались поставить воспитанника в те же условия, в которых находится рабочий, боялись вызвать и использовать личную заинтересованность коммунара, боялись строго стандартизованной механической работы, вообще прилипли к «сознанию» и к «сознательности» и боялись от них оторваться.

Но неудачи заставили нас отказаться от «педагогических» предрассудков и сжечь корабли.

В начале тридцатого года мы вложили в производство небольшой капитал и поставили несколько новых станков для стандартной работы.

Производство медной арматуры, в особенности кроватных углов, было механизировано до конца, было введено полное разделение труда, и коммунарам стала выплачиваться сдельная плата по тем же расценкам, как и взрослым рабочим. То же самое было сделано и в столярной мастерской. В первый же месяц мы увидели результаты, которых и сами не ожидали: в апреле мастерские дали тысячу рублей прибыли. В последующие месяцы прибыль эта стала расти в замечательной прогрессии: в мае — пять тысяч, в июне — одиннадцать тысяч, в июле — девятнадцать тысяч, в августе — двадцать две тысячи.

Если принять в расчет, что содержание коммунаров стоит в месяц только шесть тысяч, то очевидной сделается головокружительность наших успехов. При этом нужно учесть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Каждый коммунар вносит из своего месячного заработка на пополнение расходов по содержанию коммуны восемьдесят процентов (но не более тридцати пяти рублей). Всего внесено коммунарами в мае полторы тысячи, в июне — две тысячи четыреста и в июле — четыре тысячи. Таким образом, из прибылей производства приходилось брать лишь самую небольшую сумму, и мы имели даже возможность вкладывать большие суммы в расширение нашего производства, в постройку новых мастерских, мы смогли на эти деньги покупать новые машины.

Одним броском мы достигли полной самоокупаемости. И когда в карманах у коммунаров зазвенели деньги, появились новые потребности. Нашему педагогическому совету стоило много напряжения все эти потребности заранее учесть, заранее принять меры к тому, чтобы отдельные новые явления в коллективе не стали бы в противоречие с интересами всего коллектива и интересами нашего воспитания.

Все обошлось благополучно.

Больше того. Как раз личная материальная заинтересованность сделала совершенно очевидной необходимость общих усилий для улучшения производства. Старая дисциплина и прекрасные отношения в коллективе пришлись



Завод фотоаппаратов

как раз кстати и для нового дела, для организации работы в таком направлении, чтобы коммунар мог действительно работать, зарабатывать и был в этом заинтересован.

Уже на третьем месяце этот заработок как сумма полученных коммунаром рублей перестал быть новостью для них, и выросли новые формы коллективных устремлений: соцсоревнование и ударничество.

Вся система нашей коммуны и производства — производственные комиссии в каждом цехе, общекоммунарский штаб соцсоревнования, совет командиров, сами командиры — все это сумело органически слиться в работе. Все фетиши соцвоса, после того как мы их отбросили, никакими призраками не тревожили нас. Мы о них забыли на другой же день.

Мы сделались настоящим заводом. Но мы и больше завода, ибо мы теперь действительно коммуна: из заработка коммунаров мы организуем потребление и быт в тех совершенных формах, которые мы уже выработали раньше.

Таким образом, наш решительный разрыв с псевдоучеными и потребительскими уклонами детских домов действительно оздоровил и нашу производственную работу и наше воспитание.

Мы довольны всем этим. Но методисты из соцвоса именно теперь считают нас «мытарями», променявшими

высокие идеи «новейшей педагогики» на презренные чертежные столы для советских вузов и кроватные углы.

С другой стороны, слышны разговоры о том, что наши мастерские не дадут квалифицированных рабочих. Но это — буза, как говорят наши коммунары. Разумеется, наши выученики не сумеют сделать вручную дубового великолепного резного буфета, хитроумных часов с кукушкой или с танцующими фигурками. Но это ведь никому и не нужно сейчас. Нам сейчас нужны станковые, сборщики, литейщики, формовщики, никелировщики. Как раз их и готовит коммуна. При этом наши ребята получают образование и коллективное воспитание. Это есть то, что называется новыми кадрами.

Дальше. За три года пребывания в коммуне коммунар становится квалифицированным рабочим в нескольких областях труда. Вот сейчас Ленька Алексюк работает на шишках. Что и говорить, квалификация небольшая. В следующем году он перейдет на машинную формовку, а потом и на ручную. На третьем году он прекрасно изучит никелировочное дело — и пойдет в жизнь нужным советским трудовым человеком.

«Педагоги» нас критикуют. Но к нам приезжают рабочие с канатного завода и просят:

— Дайте нам ваших токарей. Нам вот такие токари нужны до зарезу!

Этой оценки нам достаточно для хорошего самочувствия.

ХОЗЯЕВА

Нигде не собрано так много настоящих коммунаров, прошедших всю нашу школу, бодрых, веселых, трудолюбивых и удачливых, как в слесарно-токарном цехе. Подавляющее большинство здесь — комсомольцы. Здесь у каждого станка живет молодая, уверенная в себе рабочая мысль.

И в столярной мастерской, и в других мастерских и цехах есть и дисциплина, и подъем, и умение работать, и бодрость. Но только наши металлисты сумели в своих цехах сделаться самостоятельными хозяевами производства, задающими тон даже квалифицированным рабочим.



Бюро комсомольской организации

В токарно-слесарном цехе работают мастер Левченко, его помощник и несколько квалифицированных рабочих токарей и слесарей. Все это неплохие рабочие и хорошие люди. Коммунары в этот цех пришли недавно, так как всего полгода тому назад поставили у нас токарные станки.

Но во всем, на каждом шагу, в каждом кубическом сантиметре воздуха чувствуется здесь, что крепкий, непоколебимо уверенный в себе коллектив мальчиков стал во главе цеха — без всяких постановлений, без протоколов и почти без речей, исключительно благодаря своей сознательности и спайке.

В смену работают здесь четырнадцать коммунаров. У токарных станков стоят мальчики и обтачивают медные углы для кроватей или медные масленки для каких-то станков. Перед каждым на станине лежит несколько станов еще не обточенных углов и несколько станов уже готовых.

Работа спорится не у всех одинаково. У Волчка и у Фомичева, у Воленко, у Кравченко, у Грунского горки готовых медных частей больше, чем у других, менее квалифицированных. Невелика горка у маленького Панова, который у своего станка стоит на подставке.

На станинах взрослых рабочих — частей гораздо больше, и станки здесь вращаются быстрее. Взрослых рабочих человек семь.

Вот один из них отошел от своего станка, и, не отрываясь от работы, все коммунары повернули головы к нему. Может быть, там ничего особенного и не случилось, может быть, и коммунары ничего особенного не подумали, но их совершенно инстинктивное внимание ко всему, что происходит в мастерской, заставляет всю мастерскую чутко реагировать на малейшее нарушение привычного ритма общей работы.

Где-то заест пас, где-то начнет болтаться конец трансмиссии, у кого-нибудь не хватит резцов, и тот поспешит за ними в кузницу, где-нибудь завяжется спор между механиком и рабочим — никто не остановит работы, никто из коммунаров не скажет ни слова, но это вовсе не значит, что случай «проехал». Ничего не проехало. Если всего этого не заметил командир и сегодня на общем собрании коммунаров будет благополучно в рапорте, то завтра на производственном совещании, или просто в кабинете завкоммуной, или даже в коридоре кто-нибудь обязательно постарается выяснить, в чем дело. И если один начнет говорить об этом, его немедленно поддержат тринадцать, а то еще придет помощь и из другой смены.

Недавно на производственном совещании один из рабочих обвинял механика в каких-то неправильных распоряжениях и между прочим сказал:

— Я, конечно, ему не подчинился. Я работаю токарем двадцать восемь лет, а он мне говорит: «Останови станки, я запрещаю вам работать». Как он мне может запрещать, если мне разрешил работать сам заведующий производством! И он все-таки чуть не стал на меня кричать, чтобы я вышел из мастерской.

Все сочувственно кивали головами, все соглашались с оратором.

Но встал коммунар и сказал:

— А мы вот этого не понимаем. Вам приказал механик остановить станки, а вы ему не подчинились, да еще и хвалитесь здесь, говорите, что вы двадцать восемь лет работали. Где вы работали двадцать восемь лет? А мы считаем, что такого рабочего, как вы, нужно немедленно уволить.



Производство коммуны было организовано
по последнему слову техники

Соломон Борисович, заведующий производством, человек старый, но юркий, замахал на коммунара руками и испуганно замигал глазами. Как это можно уволить такого квалифицированного рабочего? Соломон Борисович даже расстроился.

— Как это вы говорите — уволить? Это старый рабочий, а вы еще молодой человек.

Коммунары загудели кругом. Дело происходило в саду, на площадке оркестра.

— Так что ж, что молодые?

Кто-то поднялся:

— Молодые мы или нет, а если с Островским еще такое повторится, так его нужно уволить, пусть он хоть тридцать восемь лет работал.

Слово берет Редько и медлительно, немного заикаясь, начинает говорить:

— В цехе три начальника, а четвертый — сам Соломон Борисович. Распоряжения отдаются часто через голову механика, квалифицированные рабочие «гонят»,

портят материал и покрывают брак, трансмиссии установлены наскоро, в цехе много суетни и мало толку...

Собрание не принимает никакого постановления и расходится.

Обиженный Островский уходит в одну сторону, обиженный механик — в другую, обиженный Соломон Борисович — в третью.

Коммунары не обижаются: они знают свою силу и уверены, что будет так, как они захотят.

Через день совет командиров назначает своего браковщика, тот начинает отшвыривать неправильно обточенные, грубо обработанные детали, и уже никому не приходит в голову протестовать против его браковки.

В том же совете командиров недвусмысленно требуют от Соломона Борисовича, чтобы в ближайшие дни был поставлен на фундамент шлифовальный станок. Соломон Борисович обещает поставить его в течение трех дней. Вася, секретарь совета, записывает в протокол это обещание и говорит с улыбкой:

— Записано: через три дня.

А после совета в частной беседе грозят Соломону Борисовичу:

— Смотрите, Соломон Борисович, ваша квартира недалеко — устроим демонстрацию против ваших окон, оркестр у нас свой. Когда-нибудь сядете чай пить, а тут — что такое? Смотрите в окно, а кругом красные флаги и плакаты: «Долой расхлябанность! Да здравствует дисциплина!»

Соломон Борисович отшучивается:

— Ну, вы окна бить не будете? Окна ж ваши, коммунарские.

Васька закатывается за своим столом.

— Окна, конечно, нельзя, так мы стаканы побьем. Милиции близко нету, не забывайте.

Смеется Соломон Борисович.

— Честное слово, хорошие вы ребята, только напрасно волнуетесь, все будет хорошо.

— Посмотрим! — говорят коммунары.

И они смотрят. И под их взглядами ежится всякий шкурник, рвач, растяпа. Соломону Борисовичу этот въедливый хозяйский взгляд помогает вскрыть все недостатки производства.

Все уверены, что первый и второй отряды наведут дисциплину в токарном цехе.

Недавно на общем собрании рыжий Боярчук, сдавая рапорт за командира первого отряда, сообщил:

— В цехе полчаса не было резцов.

Соломон Борисович при обсуждении рапорта заявил категорически:

— Это неправда. Резцы были. Просто поленились пойти к кладовщику получить.

Коммунары хорошо знают, что где угодно может быть неправда, только не в рапорте. Рапорт пишется пером, и ни один командир не напишет в рапорте неправды.

Коммунары засмеялись.

— А если правда, тогда что?

— Что хотите, — сказал Соломон Борисович.

Встал командир первого, Фомичев.

— Мне за неправильный рапорт было бы не меньше трех нарядов.

— Пускай мне будет три наряда, — выпалил сердито Соломон Борисович.

— Хорошо, — сказал Фомичев.

Тут же выбрали комиссию. На другой день она доложила:

— Резцов действительно не было.

На собрании поднялся смех:

— А где же Соломон Борисович?

Оглянулись, а Соломона Борисовича и след простыл.

На другой день пришел ко мне Соломон Борисович и сказал:

— Ну что ж, я им сделаю душ в саду. Это стоит трех нарядов.

Васька, секретарь совета командиров, подумал и сказал:

— Пожалуй, что и стоит.

КОПЕЙКИ И МАЛЬЧИКИ

В никелировочном цехе работают два отряда: одиннадцатый — до обеда и двенадцатый — после обеда. В каждом по десять человек. Командирами здесь старые коммунары — Крымский и Жмудский, но большинство членов этих отрядов — новички. Однако эти новички уже справляются со своим положением хозяев на производстве. Не-

давно они даже одержали крупную победу над Соломоном Борисовичем.

Никелировочная мастерская разделяется на два отделения: в одном стоят шлифовальные, полировочные станки и так называемые щетки. На всех этих приспособлениях медные части, вышедшие из токарного цеха, приготовляются к никелировке: шлифуются и полируются. В другом отделении они опускаются в никелировочные ванны, но и перед ваннами проходят очень сложную процедуру промывок и очисток и бензином, и известью, и еще каким-то составом. Одним словом, в никелировочном цехе очень много отдельных процессов, и общий успех работы зависит от слаженности и согласованности.

Почему-то Соломон Борисович держал здесь двух мастеров: один заведовал шлифовальным отделением, второй — собственно никелировочным. Мастера эти отчаянно конкурировали друг с другом, подставляли один другому ножку, сплетничали и втягивали в эту глупую борьбу и рабочих, которых там человека четыре, и ребят.

Вообще никелировочный цех у нас один из самых неудачных: всегда в этом цехе что-нибудь ломается, останавливается. И Соломон Борисович, и мастер, и члены производственного совещания, и остальные коммунары на каждое заседание совета командиров приходят с взаимными претензиями. Начинается разговор в очень корректных выражениях, но кончается бурно. Раскраснеются физиономии, размахаются руки, голоса повысятся на пол-октавы. Голос секретаря совета командиров, называемого чаще ССК, переходит в фальцет, но тщетны все попытки сколько-нибудь охладить Соломона Борисовича. Соломон Борисович горячится ужасно.

— Что вы мне рассказываете? Кому вы рассказываете? Я работаю на производстве девятнадцать лет, а мне такой, понимаете, малыш говорит, что здесь число оборотов неправильное. Так разве я могу так работать? Я требую, чтобы со стороны коммунаров было ко мне другое отношение.

Тут Соломон Борисович сам доходит до такого числа оборотов, что уже не замечает, как начинает рассказывать своему соседу, политруководителю коммуны товарищу Варварову, о каких-то еще более возмутительных проявлениях неуважения к его производственному опыту. Варваров, молодой и кучерявый, что-то у него спрашивает.

Соломон Борисович ерзает на стуле и роется в глубочайших карманах своего пиджака-халата, очевидно, разыскивая документальное доказательство.

ССК пищит:

— Соломон Борисович, а Соломон Борисович! Соломон Борисович, говорите всему совету. Чего вы шепчетесь?..

Соломон Борисович оглядывается на сердитого Ваську и расцветает в улыбке:

— Ну, вот видите?

Но, несмотря на все эти столкновения, Соломон Борисович любит ребят и часто приходит в неожиданный восторг от напористости коллектива.

Этот восторг он выражает на каждом шагу, но и на каждом шагу он с этим коллективом ссорится и устраивает конфликты. Коммунары платят ему таким же сложным букетом. С одной стороны, они видят его энергию и знания, но в то же время они не склонны слепо подчиняться его авторитету и прекрасно разбираются в отрицательных свойствах его как организатора: бывает, что Соломон Борисович погонится за дешевкой, любит сделать что-нибудь, как-нибудь, только бы держалось, из-за копейки часто не только поспорит, а и разволнуется.

Коммунары умеют собрать самые подробные сведения о какой-нибудь детали у мастеров и неожиданно ошеломляют своей эрудицией Соломона Борисовича.

— Вот в Киеве на производствах везде платят по полкопейки за такую-то деталь, а я вам даю три четверти.

— Э, и хитрый же вы, Соломон Борисович! Так в Киеве платят же только за формовку, а есть еще и чернорабочие...

Соломон Борисович наливается кровью, размахивает руками и сердится:

— Откуда вы все это знаете? Я девятнадцать лет работаю на производстве, а он будет мне толковать о чернорабочем!

Когда был поднят вопрос о ненужности двух мастеров в никелировочном, Соломон Борисович сначала попробовал обидеться, потом стал взывать к милосердию и, наконец, сообразил, что предложение производственной комиссии оставить одного мастера на два отделения — пред-

ложение дельное. Принужден он был согласиться и с другим предложением производкомиссии: платить коммунарам за работу на ванне не одну с четвертью копейки от стана, а две копейки. Но на совете командиров Соломон Борисович вдруг стал на дыбы:

— Постойте, как же так? — Соломон Борисович даже вспотел. — Вы говорите, прибавить три четверти копейки с первого июня, а сейчас пятнадцатое. Я же не могу уволить второго мастера с первого июня, а могу только с пятнадцатого, значит, и ваша прибавка, — он повернулся к членам производственной комиссии, — может быть только с пятнадцатого.

Председатель производственной комиссии — командир двенадцатого Жмудский, поддерживаемый внушительным урчанием половины всего своего отряда, расположившейся прямо на полу, вероятно, в знак того, что они не имеют права голоса на совете командиров, вытянул удивленную черномазую физиономию.

— Так причем же здесь мастер?

Маленький востроносый ССК Васька даже лег на стол, устремившись всем телом к расстроенному Соломону Борисовичу.

— Так поймите же, Соломон Борисович! Мастер-то относится к рационализации, а то совсем другое дело — расценки.

— Что вы мне, молодой человек, рассказываете? Кому вы это говорите?..

Полный, круглый, красный и клокочущий, завернутый в широчайший и длиннейший, покроя эпохи последних Романовых, пиджак, карманы которого всегда звенят ключами, метрами, отвертками, шайбами и т. п.,—Соломон Борисович вскакивает со стула и вдруг набрасывается на меня, хотя я решительно ни в чем не виноват. Я мирно подсчитываю в это время, сколько метров сатина нужно купить на парадные трусики для коммунаров, принимая во внимание, что девчонкам трусиков не нужно, что в кладовой имеется сто одиннадцать метров и что...

— Вы, Антон Семенович, распустили ваших ребят. Они теперь уже думают, что это не я инженер, а они инженеры. Они будут мне читать лекции о рационализации... Я пойду в Правление, я решительно протестую!

Соломон Борисович брызжет слюной и отчаянно машет руками.

— Да ведь они же правы, Соломон Борисович.

— Как правы? Как правы? Как правы? Я должен где-то брать деньги на никелировку? И мастеру платить, и три четверти копейки...

— Да причем же здесь мастер? — спрашивает Жмудский.

— Как причем? Как причем? Вы слышите, что они спрашивают? Причем мастер? А мастеру платить нужно за две недели? По-вашему, так можно выполнять промфинплан?

— А какое нам дело, что вы держали мастера, который не нужен? Вы и еще бы держали, если бы мы не придумали, а теперь вы хотите, чтоб за наш счет...

Соломон Борисович начинает чувствовать, что Жмудский не так уж далек от истины, и перестает вертеть руками, растерянно всматривается в лицо Жмудского:

— Как вы говорите?

Жмудский смущен неожиданным замешательством противника. Он даже подымается со своего стула и заикается:

— Мастер же, это был убыток. Мы вам посоветовали...

— Нам премию нужно выдать! — перебивает Жмудского кто-то из командиров сзади Соломона Борисовича.

Соломон Борисович резким движением поворачивается на сто восемьдесят градусов и... улыбается. На него смотрят плутоватые глаза Скребнева, которому он очень симпатизирует. Соломон Борисович находит выход:

— Мастер, говорите, убыток? У Соломона Борисовича никогда не бывает убытка.

— Как это не бывает? А ведь был лишний мастер? — раздается со всех сторон.

— Э, нет, товарищи!

Соломон Борисович вытаскивает из кармана платок, который кажется бесконечным, потому что до конца никогда не вытягивается, затем снова усаживается на своем стуле и забывает, что имел намерение вытереть трудовой пот на инженерском челе. Платок исчезает в кармане, и Соломон Борисович уже сияет и по-отечески, по-стариковски ласково и любовно говорит притихшим коммунарам:

— Двух мастеров нужно было иметь, пока вы учились работать. Вот теперь вы выучились, и двух мастеров не нужно, нужен только один. Если бы вы и не предложили,

я его и сам бы снял. Пока вы учились, конечно, нужно было переплачивать на мастерах, поэтому и расценки были ниже. Вы работали не самостоятельно, а с мастером.

— Э-э-э, Соломон Борисович!.. Нет... Это что ж...

— Ишь, хитрый какой!

— Смотрите! Учились... А когда мы научились? Сегодня? Сегодня? Да?

На Соломона Борисовича один за другим сыплются вопросы, но чувствуется все же, что он нанес гениальный удар.

Когда шум немного стихает, серебряный дискант Скребнева вдруг звенит, как колокольчик председателя:

— Это вы сейчас придумали? Правда ж?

Весь совет заливается хохотом. Соломон Борисович снова наливается кровью и с достоинством подымается с места:

— Нет, товарищи, я так не могу работать...

Снова Соломон Борисович начинает кричать:

— Кончено! Довольно! Кто я здесь такой? Инженер? Или я буду у этих мальчишек учиться управлять производством?..

Коммунары в общем не обижаются даже за «мальчишек». Они улыбаются в уверенном ожидании моего ответа. И я улыбаюсь.

— Да ведь как же не согласиться? Тут ведь дело не в копейке, Соломон Борисович. Нельзя предъявлять коммунарам такую логику, нельзя так связывать эти два пункта.

Соломон Борисович опять выступает с достоинством, складывает бумаги в портфель и говорит:

— Хорошо. Значит дело это переносится в Правление.

— В Правление? — ССК таращит глаза.

— Да, в Правление, — обиженно угрожает Соломон Борисович.

— Посмотрим, что Правление скажет, это интересно. Вот смотри ты, в Правление! — удивляется ССК.

Соломон Борисович вылетает из кабинета, и еще виден в дверях его пиджак, а Васька уже вещает:

— Следующий вопрос — заявление Звягина о приеме в коммуну.

ИЗ КНИГИ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пока шумят мастерские, в главном доме коммуны тихо. Только во время перемен из класса высыпают ребята и спешат кто в спальню, кто в кабинет, кто в кружок. Многие просто прогуливаются у парадного хода по выложенному песчаником тротуару.

Школьная смена своим костюмом резко отличается от рабочей. В то время, когда слесари, токари и в особенности кузнецы и формовщики с измазанными физиономиями щеголяют блестящими от масла пыльными спецовками, старыми картузами и взлохмаченными волосами, на ребятах из школьной смены хорошо пригнанные юнгштурмовки, портупеи, новенькие гамаши и начищенные ботинки, головы приведены в идеальный порядок, и даже такая всесоюзная растрепа, как Тетерятченко, по крайней мере до третьего урока ходит причесанным.

Кончив работу, первая рабочая смена должна переодеться и вымыться к обеду. Вторая надевает рабочие костюмы только после обеда. Вечером, после пяти часов, все должны быть в чистых костюмах.

Добиться этого удалось далеко не сразу. Многие коммунары считали, что внешность истинного пролетария должна быть возможно более непривлекательной. Совет командиров и санитарные комиссии долгое время безрезультатно боролись с этим взглядом.

— Двадцать раз в день переодеваться! — говорили коммунары. — Конечно, тогда ничего не сделаешь. Только и знаешь, что развязываешь да завязываешь ботинки!

Пришлось вводить строгие правила.

Удалось, наконец, добиться, чтобы, отправляясь в школу, ребята переодевались. Но уже к вечеру каждый ходил, как хотел.

Однако довольно скоро наступили перемены. Когда для клубов и столовых наша мастерская изготовила новую прекрасную мебель, заменившую тоненькие киевские диванчики, стало для всех очевидным, что эту мебель мы сможем привести в негодный вид в самый короткий срок. Наша санкомиссия очень легко провела на одном из общих собраний запрещение входить в клубы и в столовую в рабочей одежде. Энергичные ДЧСК стали настойчиво приводить в исполнение постановление общего собрания.

— Фомичев, выйди из столовой!

— Чего я буду выходить?

— Ты в спецовке.

— Не выйду.

ДЧСК берется за блокнот. Фомичев знает, что кончится рапортом и выходом на середину на общем собрании, но ему хочется показать, что он не боится этого.

— Пиши в рапорт, — говорит он. — Я все равно не выйду.

Тут приходит на помощь более решительный дежурный по коммуне:

— Не раздавать первому отряду, пока Фомичев не переоденется. — Этот ход сразу вызывает более выгодную для санкома перестановку сил. Первый отряд отходит на тыловые позиции.

— Почему из-за одного Фомичева мы должны сидеть за пустым столом?

— Я не буду спорить с каждым коммунаром, — настаивает ДК. — Что вы, маленькие?

С ДК ничего не поделаешь, без его ордера обеда из кухни отряду не отпустят. И члены первого отряда нападают уже на Фомичева:

— Вечно из-за тебя возня!

Фомичев отправляется переодеваться.

К общему удивлению, число таких конфликтов среди коммунаров было очень незначительным. Зато пришлось немало повозиться с рабочими.

В дверях нашего «громкого» клуба — дежурный отряд. Один из дежурящих вежливо заявляет:

— Товарищ, нужно переодеться.

Рабочий принимает все защитные позы и окраски и даже рад случаю повеличаться:

— Как это переодеться? Что ж тут — для господ у вас или для рабочих?

Ответ на удивление выразительный:

— Идите переоденьтесь и тогда приходите на киносеанс, — говорит дежурный.

— А если мне не во что переодеться?

Распорядитель прекращает спор и вызывает командира.

Командир —человек бывалый, много видевший, у него неплохая память. Он заявляет бузотеру:

— У вас на чистый костюм денег нет? А на водку у вас есть?

— На какую водку?

— Не знаете на какую? На ту, которую вчера выпили с Петром Ухиным.

Возле посетителя уже два-три добровольца из ближайших резервов, самым милым образом кто-то прикасается к его локтям, а перед его носом появляется винтовка молчаливо-официального дневального.

Впрочем, за последнее время таких столкновений почти не бывает. Мы забыли об этих спорах, никому не приходит теперь в голову вступать в пререкания с коммунаром, украшенным какой-нибудь повязкой. Для всех стало законом, что нельзя в зале сидеть в шапке, и если кто-нибудь забудет ее снять, со всех сторон раздаются возгласы:

— Кто это там в шапке?

Разговоры у дневального обычно возникают лишь с посторонней публикой.

Недавно какой-то посетитель вошел в помещение с папиросой. В доме курить запрещено. Вошедшему предложили бросить папиросу. Он швырнул ее куда-то в угол вестибюля под вешалку. Дневальный потребовал:

— Поднимите.

Посетитель оскорблен ужасно. Он не хочет поднять окурок.

— Нет, поднимите!

В голосе дневального появляются нотки тревоги: а вдруг так-таки повернется и уйдет, не подняв окурка?

Чрезвычайно интересно, что такие тревожные нотки удивительно быстро улавливаются всей коммуной. Этот ребячий коллектив перевязан какими-то тончайшими нервами. Малейшее нарушение мельчайших интересов коллектива ощущается как требовательно-призывный пожарный сигнал.

Не успели оглянуться и посетитель и дневальный, как несколько человек окружили место скандала.

Малыши, если они одни, не оглядываются по сторонам, они уверены, что через несколько секунд прибудут солидные подкрепления. Поэтому атака пацанов стремительна:

— Как это не поднимете?

Нарушитель закона что-то возражает. В это время где-то в конце коридора уже гремит тяжелая артиллерия — Волченко, или Фомичев, или Долинный, или Водолазский:

— Что там такое?

Посетитель спешит поднять окурок и растерянно ищет, куда бы его бросить.

— Правильнс! А то никакого спасения от разных господ не будет.

— Какие ж тут господа?

— А вот такие! Вам говорят поднимите, значит, поднимите. Без лакеев нужно обходиться.

В отношении к пьяным коммунары непоколебимы. Для них не существует разницы между человеком пьяным и даже чуть подвыпившим, только пахнущим водкой. Насчет спирта нюх коммунарского контроля настолько обострен, что малейший запах скрыть от них невозможно. Если возникло такое подозрение, посетителя выставляют из коммуны, хотя бы даже он и вел себя очень разумно и умеренно. Тут уж ничего нельзя сделать.

Коммунары — очень строгий народ. Я сам, заведующий коммуной, иногда с удивлением ловлю себя на мысли: «Хорошо ли я вытер ноги? Не получу ли я сейчас замечания от дневального, вот этого самого Петьки, которого я пробираю почти каждую пятидневку за то, что у него не починены штаны?»

В коммуне живет до полсотни служащих и рабочих, и никогда у нас не бывает пьянства, ссор, драк. Когда недавно из Киева к нам прибыла целая группа рабочих, бывших кустарей, на третий же день к ним пришел отряд легкой кавалерии нашего комсомола и вежливо попросил:

— Отдайте нам карты. Вы играете на деньги.

Вы не застрахованы от того, что в вашу дверь вежливо постучат Роза Красная или Скребнев и спросят:

— Разрешите санкому коммунаров посмотреть, насколько у вас чисто в квартире.

Можно, конечно, и не разрешить, можно сказать — какое, дескать, вам дело, что у меня в комнате грязь!

— Если еще будет такая грязь, мы вас вызовем на общее собрание.

И если вам придет в голову, что вы сможете, не явившись на общее собрание, после этого на другой день продолжать жить в коммуне, вы скоро убедитесь, что это была непростительная ошибка.

Наши служащие невольно подчиняются этому крепкому, убежденному, уверенному в себе ребячьему коллективу. Для них не безразлично отношение к ним коммуны, а многим просто нравятся эти вежливые и настойчивые

дети. Благодаря этому все в общем проходит благополучно. Не только никто не будет протестовать против вторжения санкома в квартиру, но все заранее позаботятся, чтобы всюду было чисто, чтобы не пришлось краснеть перед контролерами.

Моя мать — старая работница, проведшая всю жизнь в труде и в заботах, — радостно встречает молодых носителей новой культуры и, предупредительно показывая им свои чуланчики и уголки, наполненные старушечьим барахлишком, даже приглашает их:

— Нет, отчего ж, посмотрите, посмотрите... Может, чего мои старые глаза не увидели, так ваши молодые найдут.

«ДЕЛЕГАЦИИ»

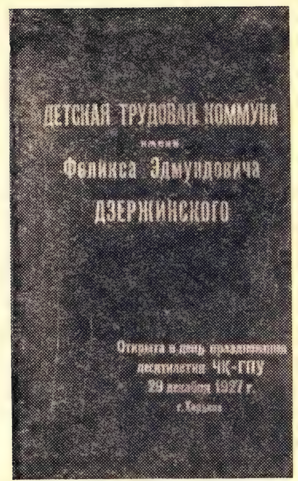
Нередко у нас бывают экскурсии из города. Но больше всего бывает иностранных делегаций. Поэтому в коммуне всех посетителей называют «делегациями».

Зимой делегаций меньше, летом же почти не бывает дня, чтобы в коммуну кто-нибудь не приехал. Это объясняется не только известностью коммуны. Много значит и то, что коммуна — единственное детское учреждение, расположенное в черте города.

Посетители всегда предупреждают коммуну по телефону за день, за два. В первое время мы рассматривали каждое такое предупреждение как сигнал к специальным приготовлениям. Иногда было необходимо выстраивать коммуну с оркестром и знаменем. Это — в дни памятных для коммуны событий. К таким мы относим посещения коммуны членами Коминтерна и КИМа.

Но бывало и так, что торжественные встречи ложились на нас своего рода бременем. Пока автомобили с делегацией кружат по горам и лесам в поисках сносной дороги в коммуну (а дорогу в коммуну отыскать не так-то легко), коммунары должны томиться в ожидании. Мало того: перед этим нужно бросить работу в мастерских, переодеться, нужно собирать оркестр и выносить знамя, а вынос знамени, по коммунарским традициям, является довольно сложной церемонией. Очень многие делегации настаивают на созыве общего собрания коммунаров.

Понятно, что такие торжественные собрания, если они созываются ежедневно, делаются для коммунаров тягост-



ными. Поэтому уже давно мы встали на путь решительной борьбы с разными церемониями, и теперь, несмотря на самые настойчивые требования, мы решительно в них отказываем. Мы уже потому не можем позволять себе роскоши излишних парадов, что от этого страдает наше производство.

Теперь гостей при входе в коммуну встречает дежурный, приветливо приглашает их в кабинет, если их немного, или в «громкий» клуб, если гостей больше трехчетырех десятков. Дальнейшая судьба делегации зависит уже от того, из кого она состоит. Иностранцев обыкновенно провожает заведующий; на его обязанности лежит и прием больших рабочих экскурсий. Компании же поменьше выпадают на долю секретаря совета командиров или дежурного заместителя. С течением времени в коммуне образовалась небольшая группа специальных гидов, которые знают, что́ интересует гостей, что́ показывать, и держат в голове всю необходимую статистику. Коммунары в мастерских теперь не отрываются от станков, когда приходит делегация.

В столовой, если гости попадают к нам во время обеда, еще живет обыкновение при входе гостей всем вставать и салютовать. Но в этот обычай внесена небольшая поправка. Коммунары приветствуют гостей таким образом,

если тот, кто водит гостей по коммуне, скажет, входя в столовую:

— Товарищи, у нас гости.

Большинство делегаций радует нас, разнообразя нашу жизнь и в значительной мере помогая поддерживать связь с внешним миром. Особенно приветливо встречаем харьковских рабочих, которые посещают нас большими компаниями, человек по сто и больше. Были в коммуне и негритянские и китайские делегации. Горячо приняли коммунары делегата Германского союза фронтовиков. Его восторженно чествовали на торжественном собрании и выбрали даже почетным коммунаром с зачислением в восьмой отряд.

Иностранные делегации, состоящие из выхоленных и прекрасно одетых богатых англичан или американцев, вызывают к себе тоже большой интерес, но это уже интерес особый.

Коммунары смеются:

— Хлопцы, живые буржуи в коммуне!

Вокруг «живых буржуев» всегда собирается толпа пацанов, которые, очевидно, никак не могут представить себе, что эти представители вымирающего подвида людей еще имеют возможность свободно передвигаться по земной коре и никто их не ловит и не отправляет в заповедники. Малыши рассматривают этих туристов с таким видом, как будто и в самом деле рассчитывают увидеть оскаленные челюсти, хищные движения, испачканные кровью рабочих руки, раздувшиеся животы. И выражение лиц у некоторых пацанов такое, как будто вообще находиться рядом с такими гостями, даже и в нашей стране, не совсем безопасно.

Буржуи с пацанами разговаривают ласково и даже восхищаются некоторыми физиономиями. Нужно признать, что господа осматривают коммуну очень внимательно и на каждом шагу спрашивают:

— Так вот это и есть беспризорные?

Умытые, причесанные и очень интеллигентные коммунары, совершенно головокружительная вежливость их, уменье коммунаров держаться с достоинством, чистота в здании, деловой тон в мастерских — противоречат представлениям буржуазного мира не только о наших беспризорных, но и вообще о всей нашей жизни. Отсюда и то недоверие, с каким относятся буржуи к коммуне.

Мы, правда, не отказываем себе в удовольствии поразить их. Коммунары с винтовками в вестибюле нарочно задирают повыше головы. На вопрос: Неужели все это беспризорные? — мы отвечаем через переводчика: Нет, это не беспризорные, это хозяева здесь. Все это принадлежит им: и спальни, и мастерские, и материалы.

Переводчик, улыбаясь, что-то растолковывает буржуям. Те преувеличенно вежливо кивают головами, но все же не могут скрыть небольшого смущения, тем более, что коммунары самым приветливым и самым ехидным образом посмеиваются. Еще больше приходится смущаться буржуям, когда коммунары усаживают их в кружок в зале и начинают задавать очень недипломатические вопросы:

— Работают ли у вас дети на фабриках и заводах?

— Сколько часов в день?

— Сколько они получают?

— Помогает ли им государство?

— Есть ли у вас сироты и куда они деваются?

— Помогает ли государство этим сиротам попасть в вуз?

После этих вопросов буржуи делаются и гораздо вежливее и гораздо суше. Они вынуждены отвечать довольно нечленораздельно.

— Да, конечно, у нас есть приюты... Приюты, понимаете? Там тоже мастерские, только, конечно, там дети учатся ремеслу и «приучаются не воровать»...

Рабочие делегации Запада никогда не спрашивают: «Неужели все это беспризорные?», никогда не становится их тон сухим или чрезмерно вежливым. Они в восторге от нашей коммуны и от наших ребят, они в восторге и от того, что к ним так тепло относятся эти ребята, от того, что ребятам так хорошо живется в коммуне. Они искренно, часто волнуясь, рассказывают ребятам, как тяжело живется на Западе, как тяжек там детский труд, как тяжела детская сиротская доля. Коммунары слушают их, затаив дыхание.

Гости давно уже сидят в автомобилях, но еще продолжаются расспросы, рукопожатия и шутки. Шоферы нетерпеливо оглядываются, заведующий производством волнуется, что прервали работу, но всем легко и весело. Наконец, автомобили трогаются. У передового на подножке стройная фигура коммунара, который должен показать самую прямую дорогу через лес.

Экскурсии советских рабочих в коммуне ведут себя по-хозяйски. Женщины заглядывают под одеяла, щупают подушки, осматривают кухонную посуду. Мужчины в мастерских проверяют с циркулем в руках полуфабрикат и спрашивают, почему плохо работает вентиляция. Коммунары в разговоре с ними употребляют самые специальные термины. Только и слышишь: шкив, суппорт, трансмиссия.

Придирчивость гостей никого не обижает. Мы признаем, что подушки действительно нужно бы поднабить, что с вентиляцией дело в никелировочной неладно, что шкив болтается. Эти наши гости самым приятельским образом отплясывают гопака в нашем саду под музыку улыбающихся оркестрантов. Отцы пляшут, отчего же не улыбаться! И уж действительно становится весело, когда на поддержку добродушной неповоротливой толстухе из Нарпита вылетает наш юркий и красивый Ленька Нигалев и начинает заворачивать вокруг нее такие хитрые и умопомрачительные антраша, что сидящий на скамейке в ряду других гостей худой усатый рабочий сбивает фуражку на затылок и кричит:

— Ах, ты ж, с-с-сукин сын! Это наш!..

Уходят рабочие из коммуны пешком, их провожают разговорившиеся, оживленные коммунары. Прощаются на меже у леса.

«ОКРУЖАЮЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ»

На общие собрания коммунаров почти каждый раз приходят парни и девчата села Шишковки.

С Шишковкой коммуна начала устанавливать связь давно. Вначале из этого ничего хорошего не получалось. Первые наши культуртрегеры — комсомольцы Охотников, Веренин, Нарский — возвращались из деревни в ночную пору, не только ничего не сделав, но несколько навеселе, так как Шишковка славилась своим самогоном и любила угощать дорогих гостей. Кончились эти первые походы позорно: общее собрание запретило Охотникову посещать Шишковку.

Но скоро в коммуну стали приходить девчата из деревни. Наш политрук от удовольствия только руки потирал. Девчата посещали все комсомольские собрания, постепенно приобщаясь к жизни нашей организации. Боль-

шое неудобство, правда, заключалось в том, что девчат нужно было после собрания провожать домой.

Очень скоро обнаружилось, во-первых, что Крупов страшно влюбился в какую-то Катю и возымел даже желание на ней жениться, во-вторых, что в ту же Катю влюбился и Митька, в-третьих, что Катя не порвала со старым бытом, хотя и вступила в комсомол. Она по-прежнему торговала самогоном, так же как и ее мать. Ребята явно подпали под ее влияние. Комсомольцы оказались виновными и «во-первых», и «во-вторых», и «в-третьих». Все было выяснено нашими пацанами на страницах стенной газеты, и после двух-трех бурных заседаний с этим было покончено. Но после такой истории ребята почему-то очень охладели к Шишковке.

В это именно время коммуна совершила несколько культурных походов в более далекое село Шевченки, главным образом преследуя цели антирелигиозной пропаганды. Первое наше выступление было в пасхальную ночь. Несмотря на оркестр, мы собрали мало народу. Была исключительно молодежь, но и та, когда ударили к заутрене, предпочла не ссориться со стариками и отправилась в церковь в предвкушении приятного обжорства на другой день. Однако в Шевченках был уже небольшой актив, и наши комсомольцы сумели с ним связаться и постепенно продвинуться вперед на антирелигиозном фронте. На другой год мы уже были знакомы с половиной села и смогли устроить в пасхальную ночь настоящее торжество с концертом, фейерверком, кинопостановкой. Теперь уже многие решили разговляться не после заутрени, а после нашего представления. Это было немалым шагом вперед.

Но Шевченки — Шевченками, а Шишковка все же не давала покоя нашим политическим организациям. Подошли к Шишковке с другой стороны, и очень хитро подошли.

Наш клубник Перский[1] давно толковал о том, что нужно привлечь в наш драмкружок артистов из Шишковки. В совете командиров долго возражали против этого плана, указывая на то, что Шишковка никогда артистическими силами не славилась, что шишковцы принесут в коммуну водку и будут спаивать ребят. Больше всего

---

[1] Перский — руководитель клубной работы Виктор Николаевич Терский. — *Ред.*

командиры беспокоились, что новые артисты будут плевать в здании, бросать окурки и обтирать стены. При помощи комсомола Перский своего все-таки добился. По вечерам в коммуне стали появляться новые лица. Их было человек десять, артистическими талантами они, правда, обладали небольшими, но были замечательно усердны и послушны. В сравнении с нашими актерами, не имеющими никогда времени прочитать роль, шишковцы оказались прямо золотом. Перский организовал что-то вроде театральной школы, — во всяком случае каждый вечер шишковцы с десятком коммунаров упражнялись в главном зале в дикции, ритме, позе и прочих театральных премудростях.

Работа эта оказалась своевременной и в другом отношении. У коммунаров всегда была неприязнь к театральной работе, они считали, что подготовка к спектаклю отнимает очень много сил, а получается всегда довольно слабо, что во всех отношениях кино в тысячу раз лучше театра и, наконец, в нашем зале можно поместить, кроме коммунаров и служащих, не больше двадцати человек, так что играть не для кого.

Перский поставил несколько пьес, между прочим даже «Рельсы гудят» и «Республика на колесах».

Для коммунаров смотреть эти пьесы было истинным наслаждением. Действительно, шишковцы хоть и были на сцене довольно неповоротливы и комичны, но зато они прекрасно знали роли, и суфлер всегда отставал от артистов.

Главное было сделано: ребята близко и по-деловому познакомились с селянской молодежью. Скоро нашлись и другие общие дела у нас и у шишковцев: комсомол открыл в Шишковке школу ликвидации неграмотности и кружок молодежи, откуда черпал пополнения наш комсомол. Шишковцы не ограничились участием в драмкружке. Они близко подошли к жизни коммуны и сделались постоянными посетителями наших общих собраний. Правда, они не смогли освободиться от излишнего уважения не столько к нашим коммунарам, сколько к строгости и четкости нашей жизни, и коммунары всегда посматривали на них несколько свысока.

Взаимоотношения с селами укреплялись. После первых выпусков школы ликбеза возле коммуны сплотилась целая группа действительно новой молодежи. Наши комсомольцы снабдили село библиотекой. Большое значение име-

ли наши лекции перед каждым сеансом кино — о внешней и внутренней политике, о партийных съездах, о пятилетке. О пятилетке мы прочли около двух десятков лекций, очень подробно останавливаясь на отдельных отраслях хозяйства.

У нас установилась тесная связь с рабочими организациями. Наиболее близко мы стали к клубу металлистов, в особенности к рабочим ВЭКа. Металлисты несколько раз бывали в коммуне, мы всегда с особенной торжественностью и подъемом отправлялись к ним в клуб.

Наши экскурсии на завод были настоящим праздником для коммунаров. Скоро рабочие завода перезнакомились и подружились со всеми. Эта дружба особенно укрепилась после того, как шесть товарищей из коммуны поступили работать на ВЭК. С этих пор коммунары стали рассматривать ВЭК как «свой» завод. Если вэковцы что-нибудь организуют, они обязательно приглашают и коммуну. Если на заводе что-нибудь случится, об этом в коммуне не прекращаются разговоры.

Когда же засветился Тракторострой, когда нам было поручено изготовление дверей для Тракторостроя с обязательством выпускать ежедневно сто штук, — нашим восторгам не было конца.

КАБИНЕТ

«Кабинет» в коммуне имени Дзержинского — место, о котором необходимо поговорить серьезно, потому что эта небольшая комната имеет в коммуне огромное значение.

В кабинете стоят два стола — заведующего, то есть мой, и секретаря совета командиров, три шкафа — мой, секретаря совета командиров и редколлегии стенгазеты, несколько дубовых стульев и два диванчика. Есть пишущая машинка.

Кабинет никогда не бывает пустым — в нем всегда люди и всегда шумно. Пока наше производство еще не развернулось и было много свободных коммунаров, в кабинет назначался специальный дежурный. На его обязанности было держать кабинет в чистоте, исполнять обязанности курьера и, самое главное, время от времени освобождать кабинет от лишней публики. В настоящее время специальных дежурных для кабинета выделить невоз-

можно, и поэтому удалять из кабинета лишнюю публику некому.

Откуда набирается в кабинет лишняя публика? Дело в том, что в нашем коллективе существует старая традиция — все коммунарские дела разрешать не на квартире у заведующего, как это принято в соцвосовской практике, а только в кабинете, и ни одного дела, в чем бы оно ни заключалось, не делать секретно. В полном согласии с этой традицией каждый коммунар имеет право в любое время зайти в кабинет, усесться на свободном стуле и слушать все, что ему выпадет на долю. Коммунар, понятно, не упустит случая зайти в кабинет. Он всегда найдет какое-нибудь дело, часто самое пустяковое: попросить отпуск, доложить, что возвратился из отпуска, попросить бумаги или конверт, спросить, нет ли для него писем, что-то сверить у ССК, наконец, принести забытую кем-то в саду тюбетейку или пояс. Под такими благовидными предлогами, а иногда и без всяких предлогов, коммунар задерживается в кабинете. Но, разумеется, коммунару тихонько сидеть на стуле даже и физически невозможно. Он вступает с кем-нибудь, таким же случайным гостем, в негромкую беседу в уголке. К ним присоединяется третий, и беседа разгорается.

Кроме того, в кабинет все время заходят и особы более дельные: ежеминутно забегает дежурный по коммуне с разными вопросами, ордерами, «запарками» и недоумениями, председатель столовой комиссии ругается по телефону с соседом-совхозом: утреннее молоко оказалось прокисшим, и председатель кричит, что есть мочи:

— Что у нас кони — казенные? «Отвезите!»... Давайте теперь ваших коней...

Иногда у стола собирается целый консилиум: девочки хотят сшить себе юбки «модерн» и демонстрируют покрой. Я с сомнением смотрю на узкую выгнутую юбочку и говорю:

— Мне кажется, мало подходит для коммунарки.

Инструктор швейной мастерской, маленькая, худенькая добрая Александра Яковлевна, виновато поглядывает на девчат, а девчата уступать и не собираются.

— Почему не подходит? Это вам все мальчишки наговорили?

Присутствующие тут же мальчишки поднимают перчатку:

— Тогда и хлопцы начнут модничать. Вот нашьем себе дудочки...

— Разве мы модничаем? Какая ж тут особенная мода?

— Вы их балуете, Антон Семенович, — говорят мальчишки. — Сколько уже у них платьев?

— Сколько ж у нас платьев? Ну, считай...

— Ну вот, смотри, — начинает откладывать пальцы «мальчишка». — Парусовое — раз?

— О, парусовое! Так это же парадное... Смотри ты какой!

— Парадное, не парадное, а — раз?

— Ну, раз.

— Дальше: синее суконное — два?

— Что ты! Смотри, так это ж парадное зимнее. Что ж, мы в нем ходим? Надеваем два раза в год.

— Все равно, хоть и десять раз в год. Два?

— Ну, два.

— Дальше: серенькое вот, которое такое, знаешь...

— Ну, знаем... это же спецовка.

— Спецовка там или что, а — три?

— Ну, три.

— Потом с цветочками разными — четыре.

— А что ж мы будем в школу надевать, спецовку, что ли?

— Все равно — четыре. Потом синее, рябое, полосатое, клетчатое и вот то, что юбка в складку, а кофточка...

— Что вы все выдумываете? Разве это у всех такие платья? У одной такое, у другой такое.

— Рассказывайте — такое да такое! Вот пусть об этом совет командиров поговорит, а то одна одежная комиссия, а там девчата, — что хотят, то и делают.

Девочки побаиваются совета командиров — народ там всегда очень строгий. Но и у девочек есть чем допечь мальчишек.

— Смотри ты, какие франты! Сколько у них костюмов! Парусовый — раз.

— Да что ты, парусовый! Это ж летний парадный.

— Все равно — раз?

— Ну, раз.

— Суконный синий — два.

— Ну, еще будешь считать! Сколько же мы его раз надеваем в год? Разве что седьмого ноября.

— Все равно — два?

— Ну, два.

— Черный — три. Юнгштурм — четыре.

Мальчики начинают сердиться.

— Да ты что? А что ж нам в спецовках ходить в школу?..

Споры эти — настоящие детские споры. За ними всегда скрывается робкое чувство симпатии, боящееся больше всего на свете, чтобы его никто не обнаружил.

Попробуй та же девочка показаться в клубе в слишком истрепанном платье, — со всех сторон подымается крик:

— Что это наши девочки ходят, как беспризорные. Что, им лень пошить себе новое платье?

Иногда у стола заведующего возникают дела посложнее. Виновато разводит руками инструктор литейного цеха:

— Вчера не было току, это верно.

— А сегодня?

— А сегодня этот лодырь Топчий не привез нефти из города.

— Какое нам дело до вашего Топчия! Вы отвечаете за то, что литье начинается в восемь часов, когда выходят на работу коммунары.

Инструктор бессилен снять с себя ответственность. Коммунары лежачего не бьют, — только разве кто-нибудь вставит:

— Поменьше бы в карты играл у себя в общежитии.

Особый интерес возбуждают приезжие заказчики. Какой-нибудь техрук раскладывает на столе чертежи и торгуется с Соломоном Борисовичем, а из-за их плеч просовывают носы коммунары и нюхают, чем тут пахнет.

Вообще много интересного бывает в кабинете, и зайти в эту комнату всегда полезно.

В рабочие часы в кабинете почти никого нет, разве задержится больной или дежурный зайдет по делу.

Но как только затрубили на обед или «Кончай работу», так то и дело приоткрывается дверь и чья-нибудь голова просовывается в кабинет, чтобы выяснить, есть смысл зайти или можно проходить мимо. Если я занят бумагами, ребята накапливаются в кабинете понемногу

и начинают располагаться совсем по-домашнему. Вероятно, мой занятой вид импонирует им в высшей степени. Подымаю голову. Они не только расселись на всех стульях, но уже и в шахматы идет партия на столе ССК, а рядом — кто читает газеты, кто роется в каких-то обрезках стенных газет, кто оживленно беседует в углу. В кабинете становится шумно. Иногда я начинаю сердиться:

— Ну, чего вы здесь собрались? Что это вам — клуб? Я у вас не играю на станках в шахматы?

Коммунары быстро скрываются и бросают недоконченную партию, но на меня никогда не обижаются.

Их можно выдворить и гораздо более легким способом:

— А ну, товарищи, вычищайтесь!

— Вычищаемся, Антон Семенович!

Но ровно через пятнадцать минут я отрываюсь от работы и вижу: другие уже набились в кабинет, опять — шахматы, опять — чтение, опять — споры...

Бывают дни, когда я забываю о том, что они мне мешают. За десять лет моей работы я так привык к этому, как привыкают люди, долго живущие у моря, к постоянному шуму волны. И поздно вечером, когда я остаюсь в кабинете один, в непривычно молчаливой обстановке работа у меня не спорится. Я нарочно иду в спальню или в лагери и отдыхаю в последних плесках ребячьего говора.

Но иногда от переутомления делаешься более нервным; тогда я дохожу даже до жалоб общему собранию:

— Это же ни на что не похоже! Как будто у меня в кабинете нет работы. Каждый заходит, когда ему вздумается, без всякого дела, разговаривает с товарищем, перебирает мои бумаги на столе, усаживается за машинку.

Все возмущены таким поведением коммунаров и наседают на ССК:

— А ты куда смотришь? Что, ты не знаешь, что нужно делать?

Два-три дня в кабинете непривычная тишина. Но уже на третий день появляется первая ласточка. Оглядываюсь, — под самой моей рукой сидит маленький шустрый Скребнев и читает мой доклад Правлению о необходимости приобретения хорошего кабинета учебных пособий. Его локоть лежит на папке, которую мне нужно взять.

— Товарищ, потрудитесь поднять локоть, мне нужна эта папка, — говорю я с улыбкой.

Он виновато краснеет и быстро отдергивает локоть:

— Простите.

Я беру папку, а он усаживается в кресле уютнее, забрасывает ногу на ногу и отдается чтению важного доклада. В дверь просовывается чей-то нос. Его обладатель, конечно, сразу догадывается, что эпоха неприкосновенности кабинета пришла к концу. Он орет во всю глотку:

— Антон Семенович! Вы знаете, что сегодня случилось в совхозе?

Так как я занят, то он начинает рассказывать последние новости Скребневу и еще двум-трем коммунарам, уже проникшим в кабинет.

При всей бесцеремонности по отношению к моему кабинету коммунары прямо не могут перенести, если так же бесцеремонно в кабинет заходят новенькие. Тогда со всех сторон раздается крик:

— Чего ты здесь околачиваешься? Тебя просили сюда?

Новенький в панике скрывается, а коммунары говорят мне:

— Ох, этот же Тумаков и нахальный! Смотрите, он уже здесь, как дома.

Все поддерживают:

— Это верно. Сегодня ему говорю: «Чего ты стены подпираешь?» А он: «А тебе какое дело!»

— В столовой разлил суп, я говорю ему: «Это тебе не дома. Аккуратнее», — так он спрашивает: «А ты что — легавый?»

Ребята хохочут.

Но через месяц, когда все раскусят новенького до конца, приучат не подпирать стены, не разливать суп и окончательно, раз навсегда забыть о том, что есть на свете «легавые», — его присутствие в кабинете никого не удивит.

Коммунары, очевидно, считают кабинет своим центром, считают, что каждый настоящий коммунар вправе в нем присутствовать, но что для этого все-таки нужно сделаться настоящим коммунаром.

Когда в нашу кабинетную толпу входит посторонний человек с явно деловыми намерениями, ему вежливо дают дорогу, еще вежливее предлагают стул, каким-то особым способом уменьшают толпу в кабинете на три четверти нормальной и тихонько слушают, если интересно. А неинтересно, все гуртом «вычищаются» в коридор.

СОВЕТ КОМАНДИРОВ

В кабинете собирается и совет командиров. Очередные заседания совета бывают в девятый день декады, в половине шестого после первого ужина. Обыкновенно об этом совете объявляется в приказе, и коммунары заранее подают секретарю совета заявления: о переводе из отряда в отряд, о разрешении курить, о неправильных расценках, об отпуске, о выдаче разрешения на лечение зубов и пр.

Гораздо чаще совет командиров собирается в срочном порядке. Бывают такие вопросы в жизни коммуны, разрешение которых невозможно откладывать на десять дней.

Собрать совет командиров очень легко, нужно только сказать дежурному по коммуне:

— Будь добр, прикажи трубить сбор командиров.

Через четверть минуты раздается короткий сигнал. Я не помню случая, чтобы между сигналом и открытием заседания прошло больше трех минут.

Мы стараемся созывать совет командиров в нерабочее время, чтобы не раздражать Соломона Борисовича. Да и ребята не любят отрываться от работы.

По сигналу в кабинет набивается народу видимо-невидимо. Командиры приводят с собой влиятельных членов отряда, бывших командиров и старших комсомольцев, чтобы потом не пришлось «отдуваться» в отряде. Приходят и все любители коммунарской общественности, а таких в коммуне большинство.

У нас давно привыкли на командира смотреть, как на уполномоченного отряда, и поэтому никто не придирается, если вместо командира явился какой-нибудь другой коммунар из отряда.

Заседание начинается быстрой перекличкой:

— Первый.

— Есть.

— Второй.

— Есть.

— Третий.

— Есть...

И так далее.

— Объявляю заседание совета коммунаров открытым, — заявляет ССК. — У нас такое экстренное дело.



Совет командиров

Пришло приглашение окружного отдела МОПРа провести с ними экскурсию в чугуевский лагерь. Условия предлагают такие...

Начинается самое подробное рассмотрение всех условий, предложенных МОПРом. Коммунары — все члены МОПРа и все гордятся своими мопровскими книжками, но это не мешает им с хозяйской недоверчивостью обсуждать каждую деталь предложения.

Черномазый Похожай — добродушный и умный командир девятого отряда новеньких, уже комсомолец и общий любимец, хоть ему еще и пятнадцати не стукнуло — сверкает глазами и басит:

— Знаем, чего это они к нам с приглашением. Наверное, у них оркестра нет. Вот они и просят: давайте ваших семьдесят коммунаров. А мое предложение такое: что нам делить коммуну? Если ехать, так всем ехать, а не ехать — так никому не ехать.

На полу под вешалкой сидит Ленька Алексюк из десятого отряда, политбеженец из Галиции, самый младший и смешливый коммунар. Его командир Мизяк долго соображает что-то по поводу предложения Похожая, а Ленька уже сообразил:

— Ишь, хитрые какие! Семьдесят человек... А если и мы хотим ехать?

Ленька — человек опытный и знает, что если дойдет дело до выбора, то ему скажут: «Успеешь еще, посиди в коммуне, заснешь там ночью...»

Командир третьего Васька Агеев о чем-то шепчется с непременным своим спутником Шведом, и я слышу обрывки разговора:

— Ну, так что?

— В копейку влетит, если все...

Берет слово Волчок, помощник командира первого. Волчка Фомичев почти всегда посылает в совет в трудных случаях.

— Да что тут говорить? Конечно, всем ехать...

Васька, секретарь, обращается ко мне:

— А как у нас с деньгами?

— Слабо, — говорю я.

Васька оживляется.

— Ну, так что ж тут говорить! Значит, предложение будет такое, как тут высказывались: едет сто пятьдесят коммунаров, проезд на «их» счет, и чтобы был обед в Чугуеве. Голосую...

В таких случаях решение бывает единогласным.

Но иногда разгораются страсти, в прениях принимают участие и гости и даже вся толпа не успевших занять стулья или присесть на полу. Тогда Васька «парится» и кричит:

— А ты чего голосуешь? Ты командир?

— Наш командир в городе, я — за него.

— Ты за него, а почему голосует Колька?

— А это он за компанию.

— Голосуют только командиры! — разрывается секретарь, и Ленька Алексюк опускает руку. Он всегда голосует, хотя его руку давно уже привыкли не замечать под вешалкой.

В особенности часто разделяются голоса в тех случаях, когда затрагиваются вкусы. Недавно решали, что́ покупать на лето — фуражки или тюбетейки. Народ поменьше стоял за тюбетейки, старшие настаивали на фуражках; вышло поровну. В таком случае дает перевес голос председателя. И Васька начинает важничать: долго думает, морщит лоб и отмахивается от недовольных ком-

сомольцев, которым тюбетейка почему-то кажется несимпатичной.

— Да ну же решай, чего там морщишься? Все равно никто носить не будет.

Васька сейчас же в «запарку», поддерживаемую большинством собрания:

— Как это не будешь? А если постановят? Ты мне такие разговоры не заводи, а то в бюро придется с тобой разговаривать!

Васька и сам комсомолец и член бюро, но ему только пятнадцать лет, поэтому ему мила тюбетейка. Теперь же, после угрозы не подчиниться постановлению, он решительно переходит на сторону золотой шапочки и подымает руку:

— За тюбетейку!

Бывает часто, что и мне приходится оставаться в меньшинстве. В таких случаях я обычно подчиняюсь совету командиров, и тогда ребята торжествуют и «задаются»:

— Ваша не пляшет!

Но бывает и так, что я не могу уступить большинству совета. У меня тогда остается один путь — апеллировать к общему собранию коммунаров. На общем собрании меня обычно поддерживают все старшие коммунары, бывшие командиры и почти всегда — комсомольцы, способные более тонко разбираться в вопросе.

Благодаря такой конъюнктуре командиры очень не любят, когда я угрожаю перенести вопрос на общее собрание, и недовольно бурчат:

— Ну да, конечно, на общем собрании за вас потянут. А вы здесь должны решать, а не на общем собрании. Им что, поднять руку!

В прошлом году стоял вопрос о летней экскурсии. Совет командиров настаивал на Крыме, я предлагал Москву. В совете о Москве и слышать не хотели:

— В Крыму и покупаться и отдохнуть...

— У нас мало денег для Крыма, а в Москву дешевле, — возражал я.

— Мы и в Крыму проживем дешево.

— В Москве больше увидим, многому научимся, увидим столицу.

— А Харьков не столица разве?

Я все же не помирился с советом и перенес вопрос на общее собрание. Все командиры агитировали против меня,

яркими красками рисовали прелести Крыма и отмахивались от моей поправки: «В этом году — в Москву, а в следующем — в Крым».

На общем собрании решение ехать в Москву было принято большинством трех голосов, и это дало основание в совете командиров поднять вопрос о пересмотре. При новом голосовании в совете я остался уже не в таком позорном одиночестве, а на новом общем собрании мне удалось собрать больше двух третей голосов благодаря единодушной поддержке комсомола. Только тогда оппозиция успокоилась.

Такие случаи объясняются тем, что в командирах ходят не обязательно самые авторитетные коммунары. Командир командует отрядом три месяца и на второй срок избирается очень редко. С одной стороны, это очень хорошо, так как почти все коммунары таким образом проходят через командные посты, а с другой стороны, получается, что командиры сильно ограничены влиянием старших коммунаров. Последние, в особенности комсомольцы, умеют подчиняться своим командирам в текущем деле, на работе, в строю, но зато независимо держатся в общественной жизни и в особенности на общем собрании. Здесь коммунары вообще не склонны разбирать, кто командир, а кто нет.

Исключительное значение имеет в коммуне ячейка комсомола, объединяющая больше шестидесяти коммунаров. Она никогда не вмешивается в прямую работу совета командиров, но очень сильно влияет на общественное мнение в коммуне и через свою фракцию всегда имеет возможность получить любое большинство в совете. Поэтому в вопросах, имеющих принципиальное значение, совету командиров часто приходится только оформлять то, что уже разобрано и намечено в разных комиссиях, секторах, бюро ячейки и, наконец, в общем собрании комсомола.

Но зато в повседневной работе коммуны, во всех многообразных и важных мелочах производства совет командиров всегда был на высоте положения, несмотря на свой переменный состав. Здесь большое значение имеют традиция и опыт старших поколений, уже ушедших из коммуны. Вот мы сейчас собираемся уезжать, и в совете командиров все хорошо знают, что нужно подумать и о котлах, и о ведрах, и о сорных ящиках, о правилах поведения

в вагонах, о характере работы столовой комиссии, о санитарном оборудовании похода. Во всех этих делах ребята не менее опытны, чем я, и быстрее меня ориентируются. Только поэтому мы могли в пять часов вечера окончить работу в мастерских, а в шесть выступить в московский поход.

Из особенностей работы совета необходимо указать на одну, самую важную: несмотря на все разногласия в совете командиров, раз постановление вынесено и объявлено в приказе, никому не может прийти в голову его не исполнить, в том числе и мне. Может случиться, что я или старшие комсомольцы будем разными путями добиваться его отмены, но мы совершенно не представляем себе даже разговоров о том, что оно может быть не выполнено.

В начале этого лета одно из постановлений совета прошло незначительным большинством и при этом наперекор общему настроению. Дело касалось охраны лагерей. Зимой сторожевой отряд освобождался от работы в мастерских — иначе было нельзя: коммунары занимались в школе, а из школы мы никогда ребят не снимали. Но когда настали каникулы, совет командиров возбудил вопрос об охране лагерей в порядке дополнительной нагрузки. Большинство в совете набралось очень незначительное — один или два голоса. Вся коммуна была недовольна. Еще бы: нужно вставать ночью и становиться на дневальство на два часа, и это приходится делать раз в пятидневку. Но другого выхода не было.

Дня два мы не решались объявить постановление в приказе, я даже побаивался: а вдруг не выполнят?

Наконец, решились с Васькой: чего там смотреть! Объявили в приказе давно известное всем решение.

И ни одного голоса не раздалось против, ни один человек не опоздал на дневальство и не проспал. Вопрос был исчерпан. И мы этому не удивились. Васька, подписывая приказ, недаром говорил:

— Кончено! Подписали!

НАШИ ШЕФЫ

Правление, в которое Соломон Борисович грозил перенести вопрос о копейке, имеет огромное значение в жизни коммуны. В Правлении — четыре товарища. По странному совпадению фамилии всех членов Правления

начинаются на одну букву Н. Члены Правления — чекисты. Они отнюдь не перегружены педагогической эрудицией и, вероятно, никогда не слышали о «доминанте»[1]. Но они создали нашу коммуну и блестяще руководят ею.

Все члены Правления — люди очень занятые. Они могут нам уделять лишь немного времени по вечерам или в выходной день, да и то очень редко. Несмотря на это, ни одна деталь нашей жизни не проходит мимо них, они всегда полны инициативы.

Н. приезжает в коммуну без портфеля и в дверях весело здоровается с коммунарами. Коммунары, занятые своими делами, пробегают мимо него и наскоро салютуют. Они не чувствуют перед Н. ни страха, ни смущения. Н. направляется в кухню и в столовую. Старшая хозяйка расплывается в улыбке и спрашивает:

— Может, покушаете чего?

— Потом, потом...

Н. обходит спальни. Его сопровождает случайно прицепившийся коммунар, почему-либо свободный от работы. Из седьмой спальни Н. выносит кривой «дрючок» и с укоризненным видом опирается на него, пока Сопин, украшенный красной повязкой ДК, отдает рапорт:

— В коммуне все благополучно, коммунаров сто пятьдесят один.

— Все благополучно? А это зачем в спальне?

— Наверное, для чего-нибудь надо, — уклончиво отвечает Сопин.

— Надо!.. Для чего это может понадобиться? Собак гонять?

— Почему для собак? Наверное, для чего-нибудь нужно пацану, — может быть, какое-нибудь дерево особенное.

Сопин присматривается к «дрючку», стараясь найти в нем в самом деле что-нибудь особенное.

— Дерево...— говорит Н. — Вы это обсудите в санкоме, почему в спальнях разные палки.

— Конечно, если придираться... А у вас в комнате ничего не бывает? Вот палку нашли...

— Да чудак ты! Зачем я в комнату принесу палку, такую кривую?

---

[1] «Доминанта» — основная, господствующая идея. Употребляется здесь А. С. Макаренко в ироническом смысле. —*Ред.*

— Вам не нужна, а пацану, может, нужна для чего... Больше никаких замечаний нет?

Сопин оставляет Н. Через минуту врывается в кабинет с этой самой палкой в руках и гневно говорит Ваське ССК:

— И откуда, понимаешь, понатаскивают разной дряни! На поверке, понимаешь, ничего не было, а теперь палок разных...

Васька строго смотрит на палку.

— Что? Наверно, Н. приехал?

Но Н. уже входит в кабинет в сопровождении какого-то пацана, рука его лежит у пацана на затылке, и пацан что-то лепечет, задирая вверх голову.

Васька отставляет палку в угол и салютует.

— Вы опять его балуете? Ты чего без дела?

— У меня пас лопнул, зашивают, — шепчет пацан и немедленно удаляется.

Н. усаживается за стол ССК.

— Ну, как у вас дела?

— Дела скверные, — говорит Васька. — Дуба нет, в цехах тесно, холодно, станки старые, пасы рвутся, считай, каждую минуту: все старье.

— Постой, постой, это мы знаем...

— Ну, а так все хорошо.

— Вот, подожди немножко, поправимся, построим новые цехи, все будет. Ну, пойдем в цех.

К сигналу «кончай работу» они возвращаются в кабинет. С ними приходят другие коммунары и Соломон Борисович. Соломон Борисович недоволен:

— А деньги где? А фонды?

Мы не открываем заседания. Без председателя и протокола мы в течение получаса решаем вопрос о том, где достать леса, как отеплить цех, какую спецовку выдать Леньке. Между делом Н. говорит:

— Завтра в клубе интересный концерт. Пришлите тридцать коммунаров.

Наконец, подошли и к вопросу о копейке в никелировочном. О ней докладывают Васька и Соломон Борисович с диаметрально противоположными выводами. Н. хохочет и кивает Соломону Борисовичу:

— Придется платить.

— Вам хорошо говорить, — закипает покрасневший Соломон Борисович, но ему не дают кончить коммунары.

Они тоже хохочут и теребят Соломона Борисовича за полы пиджака:

— Гóди! Теперь уже гóди!..[1]

Приблизительно раз в месяц коммуна бывает в клубе ГПУ. Коммунары рассыпаются по залам клуба, занимают первые ряды в зрительном, толпятся у стоек буфета, угощаются чаем. Беседуют со знакомыми, договариваются о каких-то делах — спортивных, литературных, комсомольских, смеются и шутят. Чекисты создали нашу коммуну, они знают в лицо многих коммунаров, для них коммуна Дзержинского — живое дело, созданное их коллективом и неуклонно развивающееся благодаря их заботе.

Сколько наговорено слов о связи детского дома с производством и с окружающим населением! Создана целая методика по этому вопросу. А оказывается, нужно просто сделать детский дом органической частью общества, создавшего его и за него ответственного. Только в таком случае создается тот необходимый фон, без которого советское воспитание невозможно.

Наши шефы — люди, занятые чрезмерно, занятые круглые сутки. Но все-таки они находят время подумать о коммунарах, и они умеют все делать, не выставляя напоказ своей заслуги. Это естественно: наша коммуна — их коммуна, и забота о ней — забота о близком и дорогом деле, которое тем дороже, чем больше на него положено сил.

Коммунары-дзержинцы имеют все основания встречать свое начальство просто и без напряжения, потому что это приезжают свои люди, близкие.

И так же просто и естественно выходит, что товарищ Н. ночью, после целого дня напряженной работы, выезжает на вокзал встречать возвращающуюся из Москвы коммуну и заботливо спрашивает:

— Никто не потерялся? Все здоровы?

ДЕЛА КОМСОМОЛЬСКИЕ

Комсомольцев в коммуне шестьдесят пять. Все они очень молоды, самому старшему семнадцать лет. Наши коммунары — плохие ораторы. Коммунарская жизнь упо-

---

[1] Годи — достаточно. — *Прим. А. С. Макаренко.*

рядочена и логична. На общих коммунарских собраниях всегда все так ясно и все так единодушны, что разговорившегося оратора немедленно останавливают и председатель и все собрание: «Довольно, знаем!» Больше всего приходится говорить ребятам на производственных совещаниях, но там такой малый и в то же время четкий круг вопросов, что разговор принимает форму беглой беседы. Ораторским способностям коммунаров негде развернуться.

Нужно сказать и еще одну правду: коммунарам зачастую бывает в высшей степени мучительно выслушивать заезжих докладчиков, способных в течение часа излагать то, что всем давно известно. Невысоко ценится в коммуне и тот кустарный пафос, которым умеет щегольнуть кое-кто из приезжих «ораторов».

Но все же коммунары всегда болезненно переживали те неловкие минуты, когда в ответ на какое-нибудь цветистое и полное «измов» приветствие никто в коммуне не мог ответить. С приходом Шведа это больное место в нашем коллективе было как будто залечено. Комсомольцы прямо назначили Шведа присяжным ответчиком и приветчиком во всех подходящих случаях.

А таких случаев бывает много в коммуне: посещение торжественных собраний в разных клубах, проведение в самой коммуне различных кампаний и т. д. Швед умеет смело выйти на трибуну, заложить одну руку в карман и начать говорить, ни разу не сбиваясь. Коммунары с восхищением смотрят на самоуверенного трибуна Шведа, такого ласкового и мягкого в нашем коммунарском быту. Но иногда Швед уж слишком разойдется, и тогда его апломб вызывает возражения в коммуне:

— Что это такое: «Я надеюсь, что ГПУ исполнит свой долг?»

Неожиданно в коммуне обнаружился и второй оратор, четырнадцатилетний Васька Камардинов. По должности ССК ему часто приходится брать слово и произносить речи.

Васька никогда не употребляет книжных выражений, всегда умеет найти живые и непритязательные слова и подкрепить их смущенным жестом и смущенной улыбкой. Он никогда не мог бы произнести такие ответственные слова, на которые с легким сердцем решается Швед:

— Перевыборы нашего самоуправления, товарищи, происходят в весьма сложной обстановке: с одной стороны, буржуазия делает последние усилия, чтобы справиться с мировым кризисом и втянуть нас в войну, с другой стороны — Советский Союз строит свою пятилетку уже не в пять лет, а в четыре года.

Кроме этих двух присяжных ораторов, есть, правда, в коммуне и другие, которые отваживаются даже при посторонних брать слово и пытаются что-нибудь высказать. Но наши доморощенные докладчики сначала весьма смущаются и лишь постепенно овладевают задачей более или менее удовлетворительно изложить на нашем русско-украинском языке (результат перехода из русской школы в украинскую и обратно) существо дела.

Но совсем другое дело на общих собраниях, в совете командиров, на производственных совещаниях, где коммунар не чувствует себя обязанным блеснуть ораторским искусством, всегда коммунары найдут там яркие и нужные экономные слова, достаточно при этом остроумные, горячие и убедительные. Застрельщиками в таких выступлениях всегда бывают комсомольцы.

Комсомольской ячейке коммунаров работы по горло. Руководство ходом соревнования и ударничества лежит на плечах нашего комсомола.

Наш взрослый состав, к сожалению, не всегда удовлетворителен во многих отношениях. Например, один из рабочих, только что поступивший на производство, ночью пьянствовал на Шишковке, а наутро оказалось, что у других рабочих пропали вещи, что в цехе не хватает двух новых рубанков.

В обеденный перерыв легкая кавалерия бросилась на Шишковку и ликвидировала целый самогонный завод, а вечером бюро до двенадцати ночи договаривалось с месткомом об увольнении рабочего.

В таких случаях местком обязательно проводит линию милосердия и прощения, а комсомольцы кроют:

— Какой он там рабочий?.. Разве это рабочий?.. Уволить — и все!

— Нельзя же, товарищи, так строго, — говорит один из воспитателей-месткомовцев.

— Почему нельзя так строго? — удивляется Сторчакова.

— Ну, все-таки в первый раз.

— Как это — в первый раз? Что ж, по-вашему, каждый по разу может украсть и пропить?

На производственных совещаниях и в комиссиях — а их в коммуне шесть — для комсомольцев самая тяжелая повседневная работа. Здесь по целым вечерам приходится биться над тонкостями сортирования материалов для отдельных частей стола, неправильностью проводки к никелировочной ванне, новыми приспособлениями у токарных зажимов, капризами расмусного станка, расхождениями отделов токарного цеха, недостатками вентиляции в литейной...

Мне их становится иногда жаль. На улице золотой радостный вечер, кто-то смеется и кто-то катается на велосипеде, а в «тихом» клубе наморщили лбы пять комсомольцев и выслушивают довольно путаные объяснения мастера, которому следовало бы в двух словах повиниться и признать, что вчера проспал и поэтому в цехе полчаса не было работы. В таких случаях я нажимаю и требую сокращения работы комиссий. Раз в две пятидневки бывает общее комсомольское собрание. На собрание приходят обычно все коммунары, даже Ленька Алексюк заранее занимает место за передним столом.

Самое трудное дело для нашего комсомола, труднее всех производственных тонкостей — дела пионерские. Не налаживается у нас с пионерами. Пока не работали малыши в производстве, еще шли у них дела. Теперь же они возгордились и считают, что в пионерах им делать нечего.

Комсомольцы их и укоряют, и убеждают, и прикрепляют к ним все новых и новых работников, но пионеры неизменно отлынивают от пионерработы. Зато почти еженедельно они подают в комсомол заявления о приеме. В самом деле, как пацану работать в пионерах, если по квалификации он перегнал своего командира, если по школе он перегнал многих комсомольцев, если в политиграх он идет впереди, если газет он читает больше? Можно вступать в комсомол с четырнадцати лет...

В пионерорганизации только одному Леньке Алексюку место, но и Ленька с удовольствием посещает комсомольские собрания и совет командиров...

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

После второго ужина в коммуне наступает час, когда вся дневная программа считается законченной, все обязанности исполненными. Но кое-где еще бьется пульс дневного напряжения.

В столовой еще ужинают: дежурства, подавальцы, опоздавшие.

У парадного входа балагурят старшие в ожидании общего собрания. Здесь же собираются и инструкторы и рабочие, любители наших общих собраний. Образуются группы вокруг наиболее веселых и говорливых товарищей. Если сегодня была сыгровка оркестра, то веселее всего тем, кто толпится вокруг Тимофея Викторовича[1], нашего капельмейстера. Ему шестьдесят лет от роду, но в то же время он самый здоровый, энергичный и общественный человек в коммуне, никогда не устает ни от работы, ни от толпы. Он пользуется огромным авторитетом не только среди музыкантов, а решительно у всех коммунаров. Тимофей Викторович — человек полный, у него подстриженные усы и нос картошкой. Он был и на японской, и империалистической, и на гражданской войнах, побывал чуть не во всех частях света. Этот умный и жизнерадостный человек любит порассказать о своих приключениях и наблюдениях.

В кабинете яблоку упасть негде. Командиры приготовляют рапорты и передают дежурному по коммуне для подтвердительной визы. Любители кабинета в этот момент собраны в наибольшем количестве. Да и трудно не зайти в кабинет, когда здесь и Соломон Борисович с последними производственными новостями и планами, восторгами и обидами, здесь и наш клубник, оригинал и фантазер Перский, всегда занятый неким изобретением, подозрительно похожим на перпетуум-мобиле; возле Перского непременный штаб, состоящий из самых недисциплинированных, самых дурашливых, предприимчивых и способных коммунаров — Ряполова, Сучкевича, Боярчука, Швыдкова.

В этот час только и можно выпросить у меня денег на какие-нибудь приспособления для изокружка, у Со-

---

[1] Тимофей Викторович — руководитель оркестра, один из организаторов клубной работы Виктор Тимофеевич Левшаков. — *Ред.*

ломона Борисовича — дикт и гвозди, у ССК — бумаги и резинок. На диване или на полу поспешно заканчивают шахматную партию наши маэстро. Среди них — физкультурник Карабанов[1], старый мой товарищ по горьковской колонии, когда-то вместе со мной закладывавший камень за камнем фундамент горьковского здания, до того — беспризорный и бандит, а теперь — один из самых влиятельных дзержинцев, по-прежнему упорный и огневой, наш чемпион в шахматах. Тут же и какой-нибудь заночевавший гость, чаще всего из учителей. Он не может постигнуть, каким образом в этом ...шуме решаются дела, пишутся бумаги, выдаются деньги, производятся расчеты и утверждаются акты.

В вестибюле в это время, то и дело поглядывая на циферблат наших главных часов, стоит дежурный сигналист.

Ровно в половине девятого сигналист поправляет рубашку и пояс и трубит сразу два сигнала — старая наша традиция — «сбор командиров» и «общее собрание». Как и все остальные сигналы, этот играется четыре раза: в вестибюле, на парадном крыльце и на двух углах здания. Когда до меня долетают последние звуки, я оставляю свой пост и выхожу из опустевшего кабинета. В конце коридора при входе в «громкий» клуб я вижу сбегающихся по сигналу коммунаров.

В «громком» клубе чинно сидят коммунары, а поперек зала стройно вытянулись в две шеренги командиры. Против них, у самой сцены — дежурный по коммуне с красной повязкой. Когда шум постепенно стихает, раздается голос дежурного:

— К рапортам встать!

Начинается церемония рапортов. Каждый командир подходит к ДК, держа в руках рапорт. Командир вытягивается в салюте сегодняшнему старшему, за ним вытягивается и весь зал: коммунары салютуют командиру и в его лице всему отряду. В зале полная тишина, и все ясно слышат рапорт:

— В седьмом отряде все благополучно.

— В девятом отряде все благополучно. Заболел Васильев.

---

[1] Карабанов — Семен Афанасьевич Калабалин, воспитанник и с 1927 года товарищ А. С. Макаренко по педагогической работе. —*Ред.*

— В десятом отряде все благополучно. В цехе было три рабочих часа простоя.

— В пятом отряде все благополучно. Во время работы поссорились Лазарева и Пономаренко.

— В одиннадцатом отряде все благополучно. В командировке Богданов.

После командиров отдают рапорты дежурный член санитарной комиссии, старшая хозяйка и командир сторожевого отряда. У ДЧСК обычные замечания: за столом четвертого отряда было грязно, Романов не чистил утром зубы. У старшей хозяйки тоже обычное: Тетерятченко разбил чашку. А у командира сторожевого: Семенов не вытер ноги, девочки не прикрывают двери, Уткина была в спальне без ордера.

Дежурный по коммуне в ответ на рапорт говорит:

— Есть.

Рапорты окончены, все опускаются на стулья, а на месте ДК появляется очередной председатель, назначенный вчерашним приказом, и секретарь.

— Объявляю общее собрание коммунаров открытым.

Председатель заглядывает в кучу рапортов с особыми замечаниями, специально отложенных ДК.

— Тетерятченко!

Тщедушный Тетерятченко выходит на середину зала. На блестящем паркетном полу под главным фонарем он становится в позу «смирно».

— В рапорте старшей хозяйки отмечено, что ты разбил чашку, — говорит председатель.

Наиболее распространенный ответ коммунаров на такое обвинение:

— Я ее не разбил. Она стояла, а я подошел к ней и хотел взять в руки, а она распалась.

Коммунары всегда помнят, что еще в прошлом году я предложил им отвечать так:

— Я посмотрел на чашку, а она распалась.

Чашек у нас уже не хватает. Многим в столовой приходится ожидать, пока освободятся чашки. Я умышленно не покупаю пополнения, и все ребята догадываются почему: бейте, значит, — посмотрим, чем это кончится. Неудобство от недостатка чашек огромное, но все знают, что меня лучше не трогать, потому что я скажу: «Чашки были пополнены три месяца назад. Денег на новое пополнение нет». Поэтому никто и не заикается о пополнении.

Волчок просит слова:

— Я думаю, что с чашками как-нибудь нужно что-то сделать. Каждый день бьют. Или не давать таким, как Тетерятченко — он, где ни повернется, так испортит что-нибудь. Надо греть таких раззяв.

Собрание склонно последовать этому совету, но у каждого на совести есть чашка или тарелка, поэтому прения не развиваются.

Я вношу предложение: придется купить алюминиевые, эти не будут биться. В зале начинают сердиться. С места говорят:

— Ну, алюминиевые!

Председатель строго говорит Тетерятченке:

— Садись ты. Да смотри, в другой раз осторожнее поворачивайся вокруг посуды.

Тетерятченко, довольный, что дешево отделался, салютует председателю и отправляется на свое место.

Председатель снова заглядывает в рапорт.

— Лазарева и Пономаренко.

На середине две небольшие девочки, однако они умеют уже кокетливо жеманиться и демонстрируют сразу и смущенную застенчивость и пренебрежение к собранию. Они — новенькие, их только недавно прислала к нам комиссия по делам несовершеннолетних. Жили они еще совсем недавно в какой-то наробразовской колонии и своим «поведением» и решительным нежеланием подчиниться авторитету педагогов заслужили удаление из колонии.

Пономаренко — постарше, у нее выцветшие прямые волосы, челка почти закрывает глаза. Она задирает голову и все время вертится.

С краев зала несколько голосов кричат:

— Стань смирно! Что ты танцуешь?

Пономаренко вихляет ногой и бурчит:

— А вам не все равно?

На сцене, где всегда заседают самые активные пацаны, кто-то не выдерживает и, не получив слова, приступает сразу к речи:

— До каких пор это будет продолжаться? Они даже на собрании вести себя не умеют.

Председатель строго осаживает горячего оратора:

— А ты чего кричишь? Тебе давали слово?

— Ну, так дай слово.

— Говори.

Со стула подымается небольшой кучерявый Гершанович и начинает говорить, жестикулируя правой рукой над головами сидящих впереди товарищей:

— Я думаю, что с Пономаренко нечего возиться. Сколько уже раз она давала слово, а все равно каждый день на середине, да еще выйдет и ломается, как будто она барышня какая. Надо отправить ее, откуда пришла. На что нам такие?

Пономаренко, окинув Гершановича сердитым взглядом, намеренно резко говорит:

— Ну и отправляйте! Что ж, подумаешь, нужно очень!

В зале подымается возмущенный шум. Со всех сторон раздается:

— А что ж, на твою челку смотреть будем?

— Да, конечно, отправить ее в комиссию!

— Пацанов сколько в коллекторе ждет вакансии в коммуне, так тех не берем, а эту держим, не видели ее ужимок!

— Пусть едет в Волчанск и там ужимается, сколько хочет!

Председатель с трудом наводит порядок в зале:

— Вот спросим, что ее командир скажет. Вехова, что сегодня случилось?

Вехова, румяная девочка лет шестнадцати, аккуратненькая и приветливая, как всегда склонив голову немного набок, подымается со стула:

— Да сегодня они с утра в мастерской всё грызлись из-за какой-то катушки. Их несколько раз и я останавливала, и Александра Яковлевна, и все девчата. Перестанут, а потом опять начинают. А сегодня после обеда, когда только что пришли на работу, они вцепились одна другой в волосы и такое подняли, что пришлось дежурного по коммуне вызывать.

В зале хохот. Сам председатель смеется. Из-под экрана кто-то из малышей старается всех перекричать:

— Их надо остричь, остричь надо, тогда не за что будет хвататься!

Слово берет Редько:

— Я думаю, что тут все девчата сами виноваты...

У девчат:

— О, придумал, уже мы виноваты!

— Да, виноваты! Как это можно не справиться с ними? Пусть у нас в цехе попробуют драться! А если у вас нет силы их примирить, так держите всегда под рукой ведро с водой или огнетушитель повесьте.

Взрыв смеха настолько заразителен, что и сами обвиняемые смеются. Редько раздражается:

— Вот смотрите, они еще смеются!

Председатель отмахивается от Редько рукой и дает слово Воленко.

Воленко всегда старается встать на сторону «униженных и оскорбленных»...

— Чего все так напали на девчат? Чем они виноваты? Только недавно прибыли, никакой культуры не нюхали. Нужно было им разъяснить.

Из угла девочек возмущаются:

— Мало им разъясняли! И мы сколько раз, и здесь на общем собрании, и воспитатели сколько уже с ними разговаривали да уговаривали, и в комсомол их вызывали, да и сам Воленко брался.

— Надо все-таки и дальше продолжать, пока они не станут культурнее, а то они еще совсем, как дикари.

Пономаренко быстро оборачивается к Воленко:

— Сам ты дикарь! Нужны кому твои разговоры!

В зале опять смех.

— Садись, Воленко, пока цел.

Слово получает Сопин. Он сегодня серьезен:

— Довольно уже с ними возиться! Я считаю, что разговаривали довольно. Надо с ними построже. Нужно запретить им работу в мастерской — вот что, раз они там себе прически только портят. Не пускать их в мастерскую, пускай уборкой занимаются.

— Правильно! — кричат со всех сторон.

Председатель видит, что вопрос выяснен.

— Можно голосовать? — спрашивает он дежурного заместителя.

Наложить взыскание имеет право и сам ДЗ единолично, если проступок не представляет собой ничего необыкновенного, но всегда считается полезным передать карательные полномочия общему собранию. Для голосования наказания все-таки необходимо согласие ДЗ.

— Не возражаю.

Предложение Сопина принимается единогласно. Пономаренко и Лазарева направляются к своим местам, но председатель останавливает:

— А салют?

Они нехотя салютуют.

На другой день они убирают в саду и в коридорах, но уже к вечеру приходит ко мне Вехова и говорит:

— Там Пономаренко и Лазарева просят, чтобы их простили. Говорят, что никогда так не будут делать.

— Так я же не могу, ведь общее собрание постановило.

— И я им говорила, а они все-таки просят.

— Ну вот, сегодня на собрании поговорим.

Вехова уходит, а через пять минут в кабинет потихоньку просовываются Пономаренко и Лазарева и, увидев, что в кабинете никого нет, шепчут:

— Если вы нас не можете простить, так не нужно на общее собрание ставить вопрос.

— Почему?

— А ну их! Эти хлопцы опять смеяться будут.

— Ну, а в самом деле, разве не смешно, что вы в мастерской в драку вступаете, как петухи? Что же делать! Общему собранию трудно не покориться. Я советую вам все-таки сегодня как-нибудь помириться с собранием.

Они молча уходят.

На собрании я сообщаю, после выяснения всех очередных вопросов:

— Вчера мы довольно строго наказали двух девочек. Сегодня они хорошо работали на уборке и просили меня и командира шестого, чтобы с них наказание сняли. Больше драться они, конечно, не будут.

— Ну что ж, можно и амнистировать, — спокойно басит Похожай, командир девятого.

Волчок хлопает по плечу сидящую рядом с ним Пономаренко и говорит:

— Такая славная девочка, только бы на басу играть, а она — в прическу.

В зале улыбаются.

Председатель мирно спрашивает:

— Так что ж, может, и в самом деле на этот раз?..

Редько со смеющимся, всегда довольным лицом поворачивается во все стороны:

— Оно и не следовало б прощать, да так уже, для хорошего вечера...

— Возражений нет?

— Нет! — кричит весь зал.

Председатель обращается в ту сторону, где спрятались за спинами товарищей виновницы торжества:

— Ну, смотрите, собрание вас прощает. Ну, а если еще такие драки будут...

— Ладно, — говорит Пономаренко.

Редько серьезно поправляет:

— Не ладно, а есть.

— Ну, есть.

В зале смех.

Почти каждое общее собрание начинается с вызова бенефициантов на середину. Но большею частью их бывает очень немного и притом с пустяковыми провинностями. А бывает не раз, что командиры только быстро чеканят салюты:

— Все благополучно.

— Все благополучно.

— Все благополучно...

Я налагаю наказания очень редко. Чаще всего — по рапортам дежурных заместителей. Последние довольно строги, но возможности у них ограниченны: «два наряда», «без киносеанса»; «без отпуска». Попавшие «в наряд» записываются контролем коммуны в его блокнот и по требованию дежурного по коммуне посылаются на дополнительные работы: им приходится убирать в день отдыха здание, отправляться в командировку в город, подметать в саду.

Наиболее легко отделываются назначенные «без кино». Когда должен начаться киносеанс и все коммунары собрались уже в зале и выслушивают очередной короткий политобзор, оставленные без кино вертятся у дверей и окон коридора и делают вид, будто они интересуются вечерним пейзажем. Это действует на меня или на того заместителя, который их наказал.

— Ты чего здесь вертишься? — спрашивает дежурный.

— Мы без кино.

— Ну так и идите спать.

На это предложение угрюмо отмалчиваются.

Я кричу в дверь залы:

— Никитин, этих пусти, пусть в последний раз посмотрят картину, все равно завтра снова попадутся!

— А может, и не попадемся!

После разбора рапортов каждый коммунар может поднять на собрании любой вопрос: о пище, об одежде, о производстве, о работе кружков, о распределении занятий, да и мало ли о чем. Главным толкачом здесь бывает всегда комсомол.

ПОЛОВАЯ ПРОБЛЕМА

Наши посетители, в особенности педагоги, часто спрашивают, как обстоит у нас дело с половой проблемой.

Что можно ответить такому педагогу? В самом деле, известно, что в детских домах было много случаев, когда создавалась нездоровая обстановка.

У нас, как в любой здоровой семье, живут вместе девочки и мальчики, и это не вызывает никаких осложнений. Всякое здоровое детское общество может прекрасно развиваться в этих условиях.

Если же это не так, значит, данное общество детей недостаточно здорово, то есть не спаяно в одну семью, не занято, не имеет перспективы, не развивается, недисциплинированно, обкормлено или недокормлено, а во главе его стоят люди, которых дети не уважают.

Отношения между девочками и мальчиками у нас исключительно товарищеские.

Девочки-коммунарки выглядят гораздо подобраннее и аккуратнее мальчиков, но никогда не выделяются в особое общество. Года три назад мы еще замечали, что девочки несколько дичатся ребят, стараются держаться от них особняком. С другой стороны, и мальчики старались показать, что для них девочки совершенно не нужны, что можно было бы и без них обойтись, что вообще «девчонки здесь лишние». Бывали и случаи проявления несколько грубоватого, но все же исключительного внимания к некоторым девочкам, принесшим с собою немного безобидной кокетливости. Но дальше этого дело не пошло.

Совет командиров, по моему настоянию, лишил отряды девочек права иметь отдельные столы в столовой. Это было сделано под тем предлогом, что во многих отрядах мальчики не умеют аккуратно есть. Чтобы научить их аккуратности, привлекли на помощь к командиру

по две, по три девочки. Девочки сначала стеснялись и жеманились, но потом дело пошло как по маслу. Хотя в отрядах и называли девочек «хозяйками», на самом деле никаких хозяйственных функций девочкам поручено не было. Но эта мера приблизила девочек к ребятам, приблизила в очень хорошей обстановке и форме коллектив к коллективу. С тех пор всякая отчужденность между девочками и мальчиками исчезла.

Все это вовсе не значит, что в коммуне совершенно не заметно отличительных особенностей совместного воспитания. Не подлежит сомнению, что многим мальчикам и девочкам уже доводится переживать пробуждение каких-то особых симпатий. Но нам, педагогам, беспокоиться совершенно не приходится, хотя мы прекрасно понимаем, что стоит ослабить связующие скрепы коллектива, хотя бы в самой небольшой мере, и у нас сразу вырастет половая проблема, взаимное половое тяготение будет осознано отдельными парами, появится желание близости и т. д. Нужно сказать, что подчинение ребят законам коллектива — акт, отнюдь не бессознательный.

Ни для кого из коммунаров не тайна сущность половых отношений. Но зато для всех является абсолютно непреложным наш закон — закон нашей коммуны: в нашей коммуне не может быть никаких половых отношений. Этот закон вытекает из ясного представления об интересах коммуны, из представления об интересах отдельной личности, из мыслей о доброй славе коммуны, и выражается этот закон в ощущении ответственности перед общим собранием, в ощущении настолько реальном, что одна мысль о возможности отвечать в этом вопросе перед собранием — страшнее всех прочих бед. Наиболее строгими блюстителями этого закона являются пацаны. Общественное мнение, формирующееся среди этого народа, настолько требовательно и выразительно, что даже мысли о каком-нибудь споре быть не может.

Года два назад кто-то из пацанов на общем собрании поднял вопрос:

— А почему после сигнала «спать» Иванов гуляет в саду с Николаевой?

Иванов, красный, как клюква, вышел на середину и объяснил собранию, что эти пацаны лезут без всяких оснований, что Николаева попросила его объяснить задачу. Но его перебили ехидными замечаниями:

— Видно, трудная задача, долго что-то объяснялся. Я уж ждал-ждал, заснул, проснулся, а они все объясняются... Ухаживать тут начинают...

Кто-то из старших пытался изменить настроение собрания:

— В самом деле, у нас нельзя поговорить с девочкой, сейчас же начинают...

Но пацаны крыли немилосердно:

— Бросьте там — поговорить! Мало вам разговаривать днем? Сколько хочешь разговаривай, никто за тобой не ходит и не слушает и даже внимания никто не обращает. А если уж в сад выбрались разговаривать, значит, тут секреты. Мое мнение такое: запретить всякие такие прогулки в парочках после сигнала «спать» — и все!

Председатель проголосовал. Предложение было принято единогласно, потому что ни у кого рука не могла подняться против.

Иванов после этого долго отдувался: было стыдно, что так основательно посадили пацаны на общем собрании. А спрос с них невелик, даже поколотить нельзя — у каждого пацана глотка большая и защитников множество, да и отряд не позволит.

В прошлом году прислала комиссия по делам несовершеннолетних новую воспитанницу в коммуну: восемнадцатилетнюю Шуткину.

Шуткина развязна, хороша собой. С первых дней она показала себя. Когда она в воскресенье вернулась из отпуска, на общем собрании откуда-то из-под экрана спросили:

— А пускай Шуткина скажет, куда она ходит в отпуск, почему она гуляет с кавалерами и почему у нее были губы накрашены?

Бывалая Шуткина — в контратаку:

— А ты видел? Ты много понимаешь — накрашены!

— А что ж тут не понимать? Я сам в художественном кружке... А почему с кавалером?

— А что ж, нельзя с человеком встретиться?

Я остановил ребят: нельзя, в самом деле, так придираться.

На другое воскресенье Шуткина снова ушла в отпуск. Часов в девять вечера меня позвали к телефону. Женский голос передал, что говорит подруга Шуткиной, что Шут-

кина не может возвратиться в коммуну, потому что у нее температура, она останется ночевать у подруги.

Я командировал в город двух ребят с поручением нанять извозчика, привезти Шуткину в коммуну, показать врачу и положить в больничку.

Ребята возвратились расстроенные: Шуткиной дома не застали, а квартирная хозяйка сказала, что обе подруги ушли гулять.

Еще через неделю Шуткину вызвали на середину и сказали:

— Опять с пижонами ходишь?

— С какими пижонами? Что вы все выдумываете!

Ей перечислили с какими. Оказывается, осведомленность у ребят была исчерпывающая.

Пацаны крыли прямо:

— Если ты женатая, так переходи на производство, хоть и в коммуне. А чего ты в коммунарки пришла да еще всех обманываешь, больной прикидываешься!

Шуткина послушалась совета и на другой день попросила меня отправить ее на производство.

Однако в коммуне умеют оценить настоящую любовь.

Весной двадцать девятого года зацепили пацаны на собрании Крупова — зачем ухаживает за Орловой. Крупов, кандидат на рабфак, густо покраснел и пробурчал:

— Да ничего такого нет... Ну хорошо, больше не будет.

Но любовь, как известно, не картошка. Снова Крупов с Орловой глаз не сводит, а чуть вечер, так и усаживаются на скамейке в саду и уже никого не боятся.

На собрании — опять:

— Что ж это такое? То говорил, что больше такого не будет, а потом опять то же самое...

Кто-то из собрания — в голос:

— Так они влюблены! Все знают, ничего не поделаешь!

Я прекратил прения, сказав, что поговорю с ними потом.

У Крупова я прямо спросил:

— Влюблены?

Крупов опустил голову и руками развел.

— Да, в этом роде...

На следующем собрании я доложил:

— Действительно влюблены, ничего не поделаешь.

— Женить надо, — сказал кто-то.

Ничего как будто и не решали, но уже после этого никто не приставал к парочке, — напротив, все сочувственно на них поглядывали, и через месяц отправили Крупова на рабфак, Орлова вышла на фабрику. Наняли для молодоженов квартиру, назначили приданое; специальная комиссия этим делом занималась: стол, стулья, кровати, белье, немного денег.

Этой весной пришла в коммуну Орлова, принесла показать своего первенца. Новый человек возился в кружевных пеленках, и Петька Романов, внимательно разглядев его, сказал:

— О, какой буржуй!.. Кружево!

КЛУБРАБОТА

Как полагается в приличном детском доме, мы организовали кружки: драматический, литературный, художественный и т. д.

В детских домах вся клубная работа сосредоточивается обычно в драмкружке. Но регулярные киносеансы в коммуне лишили драматическую работу решительно всех стимулов. Как зрелище — кино для ребят и интереснее и проще. На постановку пьесы сколько-нибудь ценной приходится тратить столько сил, что в глазах ребят это ничем не оправдывается. Правда, сами участвующие получают некоторое удовлетворение, но для всех остальных ребят драматическая игра товарищей представляет мало интересного, к тому же репертуарный кризис ухудшает положение. У нас есть пьесы либо для взрослых, либо для детей; для юношества, собственно говоря, ничего нет. То, что есть, совершенно не заслуживает ни разучивания, ни траты денег.

Работа литературных кружков у нас, как часто бывает, сбивалась на какой-то повторительный курс того, что проходится в школе, и увенчивалась, как то нередко случается, одним литературным судом и изданием одного номера журнала.

В художественном кружке писание натюрмортов и рисование кувшинов в разных положениях было гораздо менее интересным, чем работа на уроках рисования в школе, где ребята с увлечением чертили или рисовали детали машины, шкив, шестеренку, станину.

Одним словом, клубная работа не клеилась.

Пригласили мы в коммуну нашего Перского — человека, преданного клубной работе и великого мастера сих дел.

Это очень высокий и очень худой человек... С первого же взгляда на него становится ясно, что ничего, кроме работы, Перский не знает и собственная персона для него менее всего занимательна. Перский хорошо рисует, пишет стихи, умеет обращаться со всеми существующими инструментами, знает правила всех спортивных и неспортивных игр, знаком с устройством всех машин. Поражает эрудиция его во всех решительно отраслях знания. Но никогда Перский не выставляет напоказ своих познаний, всегда они у него обнаруживаются как бы случайно, поэтому ни у кого он не вызывает раздражения и никому не надоедает. И, наконец, главное достоинство Перского — он настоящий ребенок: во время самой несложной игры он может заиграться, забыв о жене, о детях, о самом себе; он может волноваться и размахивать руками, из-за пустяков заспорив с Петькой Романовым.

Теория клубной работы у Перского самая простая:

— Никакой клубной работы, — говорит он. — Живут вот коммунары, сто пятьдесят человек или сколько там, и ты живи с ними, вот тебе и вся клубная работа.

Мы ему говорим:

— Ну, это все парадоксы! Мало ли чего — живут. Так ведь вот у них школа, вот мастерские, вот быт, и мы все-таки видим, что вот это — ни то, ни другое, ни третье, а что-то особенное: клубная работа. Здесь есть и отличительные признаки. Здесь обязательные элементы творчества, самоорганизации и т. д.

— Ну, понесли уже педагогическую бузу! Вы вот, педагоги, свяжете человека по рукам и ногам и смотрите на него: отчего это у него активности нет? А вот в клубной работе его нужно развязать. Просто живет себе человек, и больше ничего.

Мы доказываем ему, что он сам педагог, раз он дает ребятам и темы, и планы, и методы. Но Перский всегда отрицает это с негодованием:

— Тоже все выдумали, шкрабы несчастные! Я только взрослый человек и больше видел, вот и вся разница. А ребята, брат, хоть и моложе меня, да у них без меня хватает и тем, и планов, и методов.

Когда Перский начал свою работу, никакого плана,

казалось, у него действительно не было. Сегодня он собирается ловить рыбу в озере в двух километрах, и вместе с ним собирается два десятка ребят; завтра, смотришь, Перский уже мастерит из разного древесного хлама какие-то поплавки, чтобы ездить на них по тому же озеру, и вокруг этой затеи развертывается деятельность целых отрядов. Кто-то из ребят сказал, что ночью в лесу видел волка, — и организуется целая экспедиция в поисках хищника, заготовляется провизия, выпрашиваются винтовки и охотничьи ружья. Целая рота отправляется на поиски волка, бродят двое суток и возвращаются голодные и довольные, хотя волка никакого и не видели. Не успеешь оглянуться — новая эпидемия: вся коммуна строит и чертит перпетуум-мобиле. Даже старые мастера-инструкторы носятся с самыми невероятными проектами, пристают к Перскому, потом ко мне и к заведующему производством. Перский серьезно разбирает каждый проект и доказывает:

— Вот в этом месте, пожалуй, остановится. А жалко, понимаете! Если бы не эта чертовинка, он бы крутился.

Обалдевший от умственного напряжения и, кажется, даже бессонных ночей, многосемейный слесарь Чеченко чешет «потылыцю» и что-то долго соображает.

Я говорю Перскому:

— Для чего ты людям голову морочишь? Ведь знаешь же, что ничего не выйдет.

— Пусть поморочатся. Это не вредно. Это вы, шкрабы, привыкли все готовенькое зазубривать.

Но затем неожиданно добавляет:

— А вдруг кто-нибудь придумает... Вот будет история!

— Как это придумает? Что с тобой?

— Да все, знаешь, может быть. А вдруг ученые чего недосмотрели...

Однажды ночью на заднем дворе загорелись какие-то костры. Ночной сторож протестует, завхоз жалуется, жители волнуются, а, оказывается, дело простое: Перский рассказывал сказки. Когда об этих сказках услышали в соцвосе, началось чуть ли не целое следствие: в явной опасности оказалась идеология, до сих пор якобы надежно охранявшаяся бдительным оком соцвоса. Перскому пришлось оправдываться. Это только название такое «сказки», а на самом деле это импровизация, нечто вроде научно-фантастического рассказа, к примеру, о

будущей войне или о значении радиоактивности. Успокоились в соцвосе, но на будущее время Перскому запретили рассказывать сказки.

Давил на Перского и я. При всем моем уважении к его талантам я все-таки не мог терпеть отсутствия учета. Последнее приводило к тому, что часть ребят в свободные часы оказывалась предоставленной самой себе, и никакими способами нельзя было установить, чем они занимаются. Появились любители залезть в кочегарку и просто валяться там... Появились любители картежной игры и похабного анекдота. Эту опасность на общем собрании удалось вскрыть в самом начале, но от Перского я решительно потребовал плана и учета. Это оказалось полезным и для дела и для самого Перского. С тех пор он сам получил у нас основательное воспитание, и теперь уже наша клубная работа представляет собой очень разветвленную систему, имеющую точный календарный план. Перскому все это было, впрочем, нетрудно организовать. Его постоянная изобретательность, огромная активность главных кадров его последователей-коммунаров превратили план и учет в целую симфонию разных работ и выдумок. Кружковая работа благодаря этим выдумкам стала у нас живым и веселым делом. Даже драмкружок зажил новой жизнью. Перский решительно восстал против разучивания готовых пьес, — только импровизацию он признавал театральным искусством.

Свои постановки Перский готовил в глубокой тайне с группой ребят человек в двадцать. Неожиданно на всех дверях и окнах появляются афиши, приглашающие коммунаров на спектакль. Пьеса идет в разных концах зала: белогвардейцы, партизаны, нэпманы и честные советские рабочие вылезают буквально из всех щелей и попадают в чрезвычайно сложные, часто безвыходные положения, так что и зрители вынуждены бывают приходить на помощь. Разрешается все это к общему благополучию при помощи неожиданного трюка или остроумной выдумки одного из персонажей. В этих спектаклях бывало много ошибок и несообразностей, но это делало представление только веселее и занимательнее. Одно и то же лицо в постановке именуется то генералом, то полковником, родственные связи часто запутываются до последней степени, но зато после спектакля никто не чувствует усталости, и по всей коммуне разносится хохот и оживленные споры.

Наиболее боевым органом Перского незаметно сделался так называемый изокружок. В коммуне признали его юридические права, только после того как он потребовал у совета командиров отдельную комнату. До тех пор он находил себе место в каком-нибудь закоулке главного здания.

В изокружке делают все, что угодно, для чего угодно и из чего угодно. В последнее время кружок «заимел» свои инструменты; с самого же начала он пробавлялся тем, что его членам удавалось притащить из мастерских. Материал и в последнее время, несмотря на то, что отпускаются изокружку и деньги и перевозочные средства, добывается контрабандным способом, потому что материала нужно много и притом самого разнообразного: дикт[1], сталь, листовое железо, медь, резина, материя, дуб, гвозди, клей, пух, вата. Одно время увлекались постройкой моделей аэроплана. После того как был поставлен рекорд и аэроплан Ряполова пролетел семьдесят метров, на моделях осталось немного народу. Часть занялась выпиловкой, кое-кто остановился на моделях паровой машины и двигателях внутреннего сгорания. Особенно много сил было положено на изобретение и производство военной игры. В настоящее время эта игра имеет несколько вариантов и представляет собой великой важности дело. Для нормальной игры требуется теперь несколько сот красных и синих металлических пехотинцев, две-три сотни кавалеристов на красивых лошадях, легкая артиллерия, тяжелая артиллерия, десятка три броневиков, санитарных автомобилей, несколько аэропланов, множество пулеметов, приспособления для удушливых газов и дымовых завес, зенитные орудия и многое другое. Игра производится на полу большого зала: на всем пространстве его расставляются леса, проводятся реки и перекидываются мосты, строятся города и прокладываются окопы. С каждой стороны участвуют огромные силы, так как под каждым пехотинцем нужно разуметь целую воинскую часть. Принимающие участие в игре коммунары получают высокие назначения: один командует кавалерийской дивизией, второй — артиллерийским полком и т. д. Противник уничтожается не условно, а с помощью пушек, пулеметов и броневиков. Правила игры в точности

[1] Дикт — фанера. — *Ред.*

повторяют законы военных действий, победа возможна только при умелом соединении тактических, стратегических и механических средств. Обходы флангов, прорывы, разведка — все принято во внимание. Ребята иногда задерживаются за игрой на полу зала до позднего часа, и приходится принудительно прекращать побоище и требовать от судьи немедленного решения, кто победил.

Родным братом изокружка является ребусник. Что такое ребусник — трудно даже определить. Во всяком случае — это организация, насчитывающая в некоторые периоды и до ста коммунаров. Когда начинается ребусник, каждый коммунар имеет право предложить для него любую задачу, но непременно оригинальную. Художественно оформленный ребусник вывешивается на общем листе, назначается число очков, которое полагается за каждое решение. Это число очков делится между всеми решившими, и такое же число засчитывается автору задачи. Задачи можно давать самые разнообразные — от простой арифметической до сложной производственной. Даются и шуточные задачи. Таких задач на ребусном листе появляется больше двухсот. Ребусник заканчивается после трех сигналов, а сигналы бывают приблизительно такие.

Первый: где-то в коммуне будет спрятана последняя задача; кто ее найдет — получает столько-то очков, а кто решит — столько-то.

Второй: в кармане у Соломона Борисовича окажется интересная, но совершенно лишняя вещь.

Третий: в один из дней в четыре часа Перский будет находиться на северо-запад от коммуны в расстоянии семи с половиной километров и будет ожидать товарища, который его найдет и сможет ему по секрету сказать, название какой реки имеет двенадцать букв, начинается на г и оканчивается на р (Гвадалквивир).

После третьего сигнала ребусник снимается, и в дальнейшем ни задачи, ни решения не принимаются. Редколлегия ребусника подсчитывает заслуги авторов и решавших. Но это еще не все. Наибольшее число очков не дает еще права на первенство. Мало — уметь решать задачи. Нужно быть и физически развитым человеком. Дополнительно устраивается состязание в разных видах спорта, требующих ловкости и увертливости. Наконец приходит день, когда в главном зале устраивается специальное заседание, играет оркестр и под звуки туша победители



Занятия группы оркестра

получают премии: ножики, книги, инструменты, записные книжки, рисовальные принадлежности, альбомы.

Насколько эти ребусники захватывают всю коммуну, можно судить по тому, что редколлегии приходится пересмотреть около десяти тысяч решений.

Кружковая работа, сосредоточенная зимой в разных кружках, на каждом шагу сталкивается с физкультурой. Сам Перский и его помощники все симпатии отдают ей. Поэтому заядлые литераторы, эсперантисты, артисты и художники зимой начинают жаловаться, что им не дают работать. Главный вид спорта в коммуне — лыжи. Окружающая нас местность очень удобна для лыжного бега, а лыжи достали мы очень просто. Было у нас пар двадцать. Правление общества «Динамо» пригласило нас на какое-то лыжное торжество и снабдило лыжами. Коммунары на этом торжестве показали себя дисциплинированными ребятами, во всяком случае ни один не отстал. В разгаре разных состязаний была дана команда коммуне построиться и ехать домой. Коммунары все уехали на лыжах. «Динамо», правда, вскоре потребовало возвращения лыж, но они остались в коммуне. На лыжах коммунары уходят очень далеко от коммуны и возвращаются только к собранию.

У парадного входа каток. Но с коньками коммунарам труднее, так как пара коньков приходится на трех коммунаров.

Весь апрель возятся коммунары с разными площадками: волейбольной, футбольной, гандбольной, крокетной. Больше всего отнимает времени и энергии площадка для горлёта. Уже в феврале покупают ребята пряжу и плетут сетки, чтобы не особенно отягощать наш небогатый бюджет. С начала мая устанавливается горлётная площадка.

Горлёт — это наша игра, которую мы считаем самой интересной и самой нужной пролетариату игрой. Она похожа на теннис, но отличается от него тем, что это игра коллективная: восемь на восемь. Ракетки — не дорогие теннисные, а сделанные из дикта. Правила горлёта выработаны в коммуне в течение ряда лет, и мы все уверены, что игра развивает ловкость, умение коллективно действовать, находчивость, инициативу.

Горлётных команд у нас шестнадцать.

ПОХОДЫ

В большие революционные праздники коммуна выступает в поход в город. Главные походы — Седьмого ноября и Первого мая. Во время съездов и слетов, в дни взаимных приветствий и смычек, в дни посещения клуба ГПУ, в дни динамовских спортивных празднеств по сигналу «общий сбор» считается ликвидированной рабочая организация коммуны и вступает в силу военная. Уже нет в коммуне отрядов, а есть пять взводов во главе с взводными командирами, назначенными советом командиров. Одним из этих взводов является оркестр.

Строевой устав коммуны давно выработан и закреплен, как и полагается для военного устава. Поэтому собраться в поход, построиться и выступить коммуна в случае надобности может в течение трех минут. Большею же частью накануне отдается приказ:

«Немедленно после ужина по сигналу «сбор» коммуне построиться в обычном порядке у парадного фасада, имея на правом фланге оркестр и знаменную бригаду. Форма одежды парадная».

Парадная форма одежды — это значит синие суконные блузы и черные брюки. Блузы спрятаны в брюки, а



Знаменосцы

брюки — в гамаши, на талии блестящий черный узенький поясок, на голове темно-синяя суконная кепка или «чепа», как говорят коммунары. К воротнику блузы пристегивается белый широкий воротник. В таком костюме коммунары имеют вид выхоленных английских мальчиков.

Особенно любим мы в коммуне день Первого мая.

Первое мая коммунары начинают ждать с ноября, как только отпразднуют Октябрь.

Уже в феврале предлагает ССК на общем собрании избрать первомайскую комиссию. Все приятно удивлены:

— Как, уже первомайскую?

ССК серьезно доказывает, что времени осталось мало, и комиссия избирается без возражений. В комиссию вхо-

дят самые матерые дзержинцы. Теперь им каждый раз дается шутливый приказ:

— Смотрите же, чтобы было с промежутками!

Это повелось с тех пор, как в двадцать восьмом году первомайская комиссия предложила на утверждение собрания план кормежки коммуны в дни первомайских торжеств. Выходило, что получают пищу коммунары раз пять в день, и всё вещи самые вкусные и богатые: свинину, яйца, какао, пироги, и комиссия еще добавляла на каждый день: «В промежутках — яблоки, конфеты, пряники, пирожное».

Тогда много смеялись на собрании и стали в дальнейшем называть такое обилие специальным термином «с промежутками».

От «промежутков», между прочим, тогда отказались: уж очень выходило дорого!

Первомайской комиссии и без «промежутков» хлопот много. Нужно пересмотреть, купить и заготовить коммунарскую одежду, чтобы потом не о чем было беспокоиться. Обыкновенно к весеннему празднику производится ревизия всего гардероба коммунаров, и выпадает это на долю первомайской комиссии. Нужно приготовить меню и запастись продуктами на несколько дней, пока коммунары будут в городе. Нужно организовать доставку этих продуктов в город, хранение и раздачу. Обеспечить коммуну подходящим помещением, наметить план посещений театров, кино и смычек. Наконец, необходимо коммуну упорядочить в маршевом отношении, то есть приучить новеньких к строю. Нужно не забыть мельчайших деталей, чтобы в майские дни ни за чем не нужно было бегать.

Комиссия выделяет из своей среды несколько подкомиссий — одежную, столовую, парадную, культурную, хозяйственную, кооптирует в свой состав коммунаров, получает и расходует деньги и время от времени докладывает собранию о ходе своих работ. Перед самым выходом в город представляется на утверждение собрания так называемый комендантский отряд, человек двенадцать во главе с командиром. На обязанности этого отряда лежит уборка того помещения, где будет стоять коммуна. Никто не должен иметь хоть малейшего повода обвинить коммуну в нечистоплотности. Комендантский отряд захватывает с собой несколько ведер, сорных ящи-

ков, метел, веников, тряпок. В походе он производит уборку и является санитарной милицией. Компенсируется его дополнительная нагрузка только возможной благодарностью в приказе, если все будет в отряде благополучно.

Работа первомайской комиссии, несмотря на то, что отнимает много времени у коммунаров, совершенно не изменяет течения рабочих дней коммуны. Уже упакована большая часть обоза, уже отряды успели получить все, что они берут в поход, уже в городе все приготовлено. Уже двадцать девятое число, а коммуна работает полным ходом, как будто никакой особенной подготовки не совершается.

В городе коммуна проводит три дня. Третьего коммуна должна быть уже на работе.

Завтракают тридцатого еще в коммуне. После завтрака проходит час, во время которого все должно быть приведено в порядок. Ровно в десять часов все коммунары — в парадных костюмах, и только кое-где на лестницах и в спальнях можно видеть пары: коммунар высоко поднял голову, а одна из девочек пришивает к его гимнастерке белый воротничок. Прибегают запоздавшие с костюмами, те, кто грузил обоз или убирал в столовой. В оркестре Волчок проверяет инструменты: хорошо ли натянута кожа на большом барабане, не измялись ли флаги на фанфарах. У черного хода стоят нагруженные и покрытые брезентом две-три подводы с продуктами, постелями и запасами белья. В знаменном отряде надевают на знамя только что отглаженный чехол: сегодня еще не праздник, и знамя пойдет в чехле. Мне непривычно нечего делать, разве какой-нибудь зёва вроде Тетерятченко подойдет ко мне с заявлением:

— У меня пояс пропал...

Но немедленно на него зыкнет случайно пробегающий коммунар:

— Пояс пропал, шляпа! Целое утро носили по коммуне пояс, спрашивали — чей. Сам забыл в саду.

Тетерятченко и раньше знал, что с поясом именно так окончится. Я не успеваю ему ничего сказать. Раздаются звуки рожка. Сегодня сигнал играет сам Волчок. Он берет на октаву выше других ребят и умеет особенно четко и в то же время заливчато вывести последние ноты сигнала.

Я выхожу. В парадные двери вбегают коммунары, с лестницы спускается не спеша знаменная бригада — знаменщик и два ассистента с винтовками — и останавливается на площадке. Ко мне подходит дежурный по коммуне в новенькой повязке, франтоватый, как и все, с чистеньким платочком, кокетливо выглядывающим из кармана блузы.

— Знамя в чехле? — спрашивает он, хотя и сам довольно хорошо знает, что в чехле. Но так уже требуется для красоты дня.

— В чехле.

Параллельно парадному фасаду вытянулись в одну шеренгу коммунары. На правом фланге колонна оркестра, и Волчок впереди.

— Становись!

Но команда эта излишня. Уже все стоят на своих местах, и комвзводы проверяют состав. Пробегает по рядам Тетерятченко и застегивает на ходу пояс. Его провожают сочувственные возгласы:

— Вот человеку не везет!

— Да вот пояс насилу нашел. А утром положил штаны на чужую кровать и полчаса ко всем приставал: «Кто взял мои штаны?» Его Похожай чуть не побил.

Черномазый блестящий Похожай, сегодня особенно красочный и оживленный, потому что он — еще и командир третьего взвода, басит:

— Я его обязательно когда-нибудь отлуплю, этого Тетерятченко, так и знайте, Антон Семенович. Без этого из коммуны не выйду...

Но Тетерятченко смотрит на Похожая и улыбается. Он любит Похожая за красоту и удачливость и знает, что тот его не только не отлупит, а и другому не даст в обиду.

— Равняйсь! — гремит Карабанов.

Все готово. От Карабанова отходит и направляется к зданию дежурный по коммуне. В оркестре подымают трубы, и фанфаристы расцвечивают утро красными полотнищами флагов. Волчок настороженно поднимает руку.

— Под знамя, смирно! Равнение налево!

Оркестр гремит знаменный салют, все коммунары поднимают руки, перед фронтом замирает Карабанов. Служащие, провожающие колонну, тоже козыряют. Из парадных дверей выходит дежурный по коммуне и с ру-



В большие революционные праздники коммуна выступает в поход в город (Харьков, 1932)

кой у козырька фуражки «ведет» знамя. Три коммунара бережно и подчеркнуто изящно проносят знамя по фронту и устанавливают его на правом фланге. Знамя держат почти вертикально: если оно без чехла, то оно не развевается, а красивыми мягкими складками падает на плечи знаменщика, и при движении линии этих складок почти не меняются. Древко только касается плеча, вся тяжесть приходится на руку, а двумя руками держать знамя неприлично. Поэтому быть знаменщиком — дело довольно трудное.

Знамя на месте. Салют окончен. Карабанов последним «орлиным» взором оглядывает фронт. Пора. К левому флангу подошел обоз, и командир комендантского, в спецовке, уже сидит на первом возу.

— Справа по шести вправо... шагом... марш!

Коммунары прямо с развернутого фронта переходят в марш, на ходу перестраиваясь в колонну. Наш постоянный строй по шести, расстояние между рядами просторное — шагов до трех. Командиры взводов впереди, а между взводами интервал шесть шагов.

Гремит радостный марш: начался наш праздник.

Через час колонна подходит к городу. Между высокими домами улицы Либкнехта наш большой оркестр разрывает воздух.

Колонна занимает улицу. На тротуарах собираются толпы. Нам машут руками. С задорной улыбкой слушают наш марш девушки, приветливо-серьезно поглядывают на нас мужчины, улыбаются мамаши и корреспонденты газет. То с той, то с другой стороны подлетает новый человек:

— Что за организация?

Коммунару в строю нельзя разговаривать. Он из вежливости бросает поскорее:

— Дзержинцы.

Но харьковцы уже знают дзержинцев.

То и дело до меня долетает с тротуара:

— Это дзержинцы!

А один раз серьезный пацан лет четырнадцати показал другому:

— Это дзержинцы, а вон и сам Дзержинский.

Идущие за мной знаменщики не выдержали:

— Вот чудаки! Антона Семеновича за Дзержинского приняли.

Сегодня мы вошли в город со знаменем в чехле. Завтра мы первые с развернутым знаменем пройдем мимо трибуны и гордо посмотрим на тех, кто на трибуне: «Мы тоже пролетариат, мы тоже рабочие, сегодня — наш праздник!»

Вечером коммунары разбредаются по всем улицам. Вежливо разговаривают коммунары с публикой; как взрослые, покупают на свои карманные деньги пирожное и, как дети, любуются иллюминацией.

В дверях тридцать шестой школы — дневальный с винтовкой: школа занята нами, и вход в нее без разрешения дежурного по коммуне посторонним воспрещен. В одной из комнат столовая комиссия готовит ужин и между делом вспоминает сегодняшний день:

— ...нет, а вот та батарея, которая на белых лошадях... Ох, и здорово же!

МОСКВА

7 июля 1929 года в шесть часов утра колонна коммунаров тронулась с площади Курского вокзала на свою московскую квартиру. На утренних улицах, свежих и пустынных, гремел наш оркестр. Еще не совсем проснувшиеся глаза вглядывались в лицо московских улиц. Вот

она, великая Москва, о которой мечтали целый год, о которой было столько споров!

Направились к центру. На углу какого-то бульвара— «Стой!»

Отдыхать не отдыхали, а скорее собирались с чувствами.

Меня окружили:

— Вот это такая Москва? —недовольно тянул Похожай, — не лучше Харькова!

Сторонники Крыма поддерживали его, но это всё — так, «для разговора», а все ощущали какую-то торжественную приподнятость и были полны бодрости.

— Шагом марш!

Притихли все на асфальте Мясницкой. Глянула Москва на нас столичным важным взглядом, глянула сочными, солидными витринами, перспективой улиц... Притихли в нашей колонне. Впереди — зубцы Китай-города.

— Э, нет, это действительно Москва! — пробормотал за моей спиной знаменщик. И замолк.

Карабанов скомандовал:

— Государственному политическому управлению салют, товарищи коммунары!

Весело и задорно отсалютовали нашим старшим родичам и повернули на Большую Лубянку, теперь улицу Дзержинского. На этой улице наша квартира — школа Транспортного отдела ОГПУ.

Ничто нам так дорого не далось, как эта квартира. Пока ребята входили в улицу Дзержинского, вспомнилось все.

Целую неделю пробыл в Москве наш агент Яков Абрамович Горовский, а мы в коммуне сидели на чемоданах и ожидали от него телеграммы, в которой бы сообщалось, что квартира есть — можно выезжать.

Но Горовский ежедневно присылал нечто непонятное и неожиданное:

«С квартирой плохо. Есть надежда на завтра».

«Задержался еще на один день. Отсутствует нужное лицо».

«Наркомпрос отказал. Выясню завтра»...

Меньше всего мы ожидали, что нам откажут в квартире.

Но шестого вечером приехал Горовский и рассказал нам обидные и возмутительные вещи.

В экскурс-базе, в Наркомпросе, в Моно, в союзе Рабпрос — везде с готовностью соглашались предоставить на две недели помещение для коммуны ГПУ, но после такой любезности следовал вопрос:

— А это что за дети?

— Дети? Исключительно беспризорные.

Горовский гордился тем, что наши дети все — беспризорные, что тем не менее они организованно едут в Москву и он, Горовский, подыскивает для них квартиру. Но как только московские просветители, такие симпатичные, такие даже сентиментальные в своих книжках, так любящие ребенка и так его знающие, узнавали, что эти самые «цветы жизни» просятся к ним на ночевку, они приходили в трепет.

— Беспризорные? Ни за что! Об этом нельзя даже и говорить! На две недели? Что вы, товарищ, шутите? Что вы в самом деле?

Горовский не столько огорчался, что нет квартиры, сколько оскорблялся. Как это так? Те самые коммунары, которые не впускали Горовского в дом, если он недостаточно вытер ноги, здесь, в Москве, считаются вандалами, способными уничтожить всю наробразовскую цивилизацию?

И только когда бросил Яков Абрамович ходить по просветительному ведомству, улыбнулось ему счастье: Транспортная школа предоставила для нас общежитие с постелями, с кроватями.

Колонна во дворе школы.

— Стоять вольно!

Сигналист играет сбор командиров. Командиры отправляются делить помещение между взводами. Через три минуты они вводят свои взводы в спальни. По коридорам общежития расставляются наши плевательницы и сорные ящики, комендантский отряд уже побежал по коридорам и переходам с вениками и ведрами: прежде всего коммунары наводят лоск на то помещение, в котором будем жить. Здесь месяца полтора никого не было. Еще через пять минут дежурство дает общий сбор, и начинается авральная работа уборки. Моют стекла в окнах, уничтожается пыль.

В девять часов все коммунары в парадных костюмах уже гуляют на улице. Прибежали из столовой клуба ОГПУ члены столовой комиссии.

Все готово. Можно идти на завтрак.

Серые рубашки летних парадных костюмов, синенькие трусики, голубые носки. Круглые радостные мальчишеские головы, ноги, как на пружинах.

Все полны радостного оживления и в то же время сдержанного достоинства.

В столовой — цветы и скатерти, уют. Коммунары расположились вокруг столов и не дичатся, не боятся чистоты и цветов.

Началась череда славных московских дней.

После завтрака вышли со знаменем в Парк культуры и отдыха — благо, сегодня воскресенье — посмотреть, какой такой московский пролетариат и как он отдыхает.

На московских улицах наша колонна — верх стройности и изящества. По тротуарам движутся толпы, и Тимофею Викторовичу приходится пробивать дорогу. Расспрашиваем, как пройти к парку.

Гляжу через головы музыкантов. Рядом с Тимофеем Викторовичем, не отставая, маячит белый верх чьей-то капитанской фуражки. Подхожу.

— А вот товарищ туда идет, он нам покажет дорогу.

Товарищ лет сорока, со стрижеными усами — оживлен и торжественен.

— Я покажу, покажу, вы не беспокойтесь.

Подходим к воротам парка. Направляюсь к кассе, но рука человека в капитанской фуражке меня останавливает.

— Платить? Что вы! Зачем же? Мы сейчас это устроим. Дайте ваш документ.

Я даже растерялся, но документ отдал. Капитанская фуражка немедленно исчезла за воротами. Ждем, ждем...

— Разойдись до сигнала «сбор».

Наша дисциплина позволяет нам быть совершенно свободными и никогда не мучить коммунаров лишним стоянием в строю.

Коммунары рассыпаются, завязываются знакомства, начинаются расспросы. Смотрим, наш проводник вприпрыжку несется из парка и размахивает возбужденно какой-то бумажкой.

— Вот! Не только можно, но и очень рады, сегодня интернациональный митинг. Очень рады!

— Играй сбор!

Входим в парк и попадаем сразу на митинг. На широкой сцене — президиум; наши подошли как раз к сцене. Это хорошо, сразу попали в нужную обстановку.

Митинг не окончился, а капитанская фуражка уже отводит меня в сторону.

— Там я устроил для ребят завтрак: там, знаете, стакан чаю, бутерброд... Даром, даром, не беспокойтесь, даром!

Ребята окружили, улыбаются.

С митинга идем на завтрак. Я спрашиваю капитанскую фуражку:

— Вы здесь работаете?

— Нет, я во флоте работал, а теперь в отставку выхожу, буду здесь, в Москве, работать в одном учреждении.

Я в затруднении: как спросить, чего это он бегом гоняет из-за какой-то коммуны?

— Да, но вот вы так заботитесь о нас...

— Это вы хотите знать, чего я к вам привязался? Понравилось мне, знаете, ужасно понравилось! По правде сказать, мы здесь такого не видели.

С того дня «капитан», как его прозвали ребята, уже с нами не расставался. Рано утром он приходил к коммуну, будил коммунаров, принимал участие во всех наших совещаниях и заседаниях, настойчиво требовал, чтобы мы не тратили лишних денег. После завтрака, от которого всегда отказывался, он брал двух-трех коммунаров и куда-то летел устраивать бесплатные билеты на трамвай, доставать лодки для катанья, добывать разрешение осмотреть Кремль.

После обеда в сопровождении «капитана» мы куда-нибудь отправлялись.

На другой день после приезда были у гроба Ленина, сыграли около Мавзолея «Интернационал». Потом были в Кремле, в Музее Революции, в редакции «Комсомольской правды», Третьяковке, в Зоопарке.

Москва поразила коммунаров обилием людей, домов, стилей и пространства. После официальных часов они, не уставая, бродили по Москве и только к двенадцати ночи собирались на ночлег. Карманные деньги позволили им объездить город в трамваях, заглянуть во все улицы и переулки. Почти всем Москва страшно понравилась, но все затруднялись определить, чем именно. Трудно было, конечно, сразу охватить и выразить все впечатления от

нашей столицы. Даже и взрослому человеку это не так легко.

С другой стороны, и коммунары понравились Москве. Наша колонна на Кузнецком мосту, на Театральной площади, на Тверской была действительно хороша. А оркестр ребячий, четкая и бодрая ухватка коммунаров, подтянутость и дисциплина, видимо, в самом деле радовали глаз. Очень часто какая-нибудь впечатлительная душа бросала ребятам с тротуара розочку или гвоздику. Один какой-то немолодой уже чудак смотрел-смотрел и вдруг бросил в оркестр целый букет роз. Было так неловко: оркестр как раз играл марш, и все розы чудака были безжалостно растоптаны, а через минуту он и сам потерялся в толпе.

Радушное отношение к нам москвичей мы встречали на каждом шагу, и это, разумеется, делало Москву для нас приятнее и теплее.

За пятнадцать дней мы достаточно насмотрелись и поистратились. Собрались в обратный путь. Приготовили свой багаж к погрузке, выстроились против дверей Транспортной школы, попросили выйти к нам начальника и от души поблагодарили его за помещение. Начальник в прочувствованном ответном слове выразил свою радость по поводу того, что мы у него остановились, что школа ничем не пострадала, что помещение мы оставляем даже в лучшем состоянии, чем получили.

Прошли еще сутки — и ночью, в проливной дождь, подкатили мы к Харьковскому вокзалу. Выглянули на площадь, — людей нет, одни лужи и дождь. А мы было нарядились в парадные костюмы, чтобы в родной Харьков явиться в порядке.

Дождь. Что тут будешь делать? Выпросили у какого-то начальства комнатку, чтобы сложить наши корзины, а сами решили отправляться домой, в коммуну. До парка нам дали три вагона трамвая. Но ведь от парка еще три с лишним километра, из них больше километра лесом, по тропинкам.

У коммунаров тем не менее настроение было прямо торжественное.

— Становись!

— Равняйсь!

— Шагом марш!

Барабанщик, прозванный почему-то Булькой, ударил в намокший барабан. Волчок, не долго думая, бахнул

какую-то веселую польку. Пошли под польку в коммуну. Дождь все усиливался, и ребятам было уже безразлично, куда течет вода: все равно и сверху, и под блузами, и в ботинках — вода. Темно, не видно соседнего ряда. К лесу подошли — безлюдно, и все завоевано дождем.

— Стой! Вперед через лес четвертый взвод, за ним оркестр и знамя.

Гуськом, держась друг за друга, перебрались и вышли на поле. В коммуне были зажжены все фонари, нас ожидали, но дождь обратился в ливень настолько частый и напористый, что приходилось силой преодолевать сопротивление падающей воды.

По одному, по два подходили мы к коммуне. В дом не входили: по заведенному порядку в дом нужно раньше внести знамя. Построились. Карабанов особенно строго скомандовал:

— Смирно!

Вокруг все журчало, лопотало, булькало, свистело, волнами воды колотило по земле, тротуару, стенам, окнам, по строю коммунаров.

Но веселые, радостные лица ребят только жмурились.

— Товарищи! Поздравляю вас с концом славного московского похода! Мы много видели, многому научились и, самое главное, увидели, что мы крепко живем и что нам никакие походы не страшны. Не забудем же никогда этого нашего удачливого дела. Да здравствует наш Союз, да здравствует наша коммуна!

По-настоящему заревели ребята «ура», а свидетелями были только ливень да промокшая фигура сторожа у парадного входа.

Грянул Волчок «Интернационал», и не как-нибудь, не парадный отрывок, а полный, с настоящим концом:

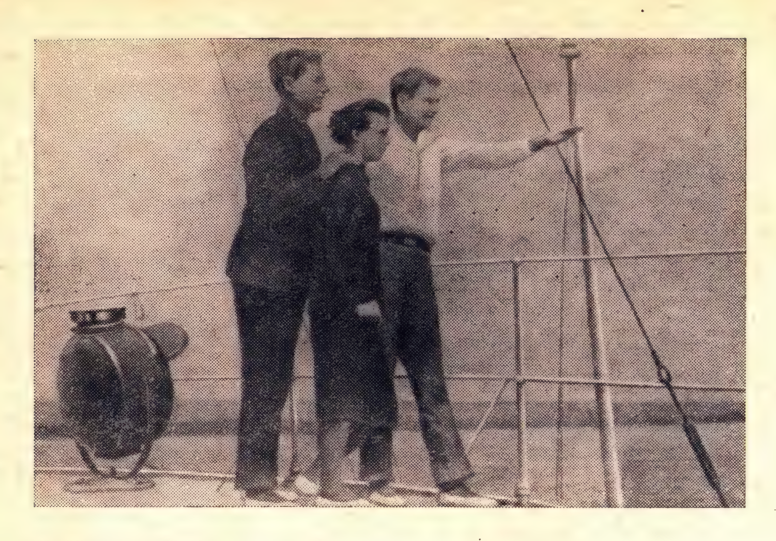
... воспрянет род людской!

Строгими изваяниями замерли коммунары в салюте нашему гимну. Накрытые ночью, небом и ливнем, мы задорно и радостно заглянули в сердце нашего рабочего государства.

— Под знамя, смирно! Равнение направо!

Закрытое чехлом знамя черным силуэтом прошло мимо наших лиц.

— Вольно!



По Волге (1933)

И только тогда заговорили, засмеялись, зашумели ребята:

— Вот сюда, сюда, здесь тряпки!

— А какие там тряпки? Снимай всё в вестибюле, пусть девчата отойдут в сторонку.

Свалили все, пропитанное водой, в кучу, — завтра начнем приводить в порядок. Еще веселее стало. Даже дождь заиграл что-то похожее на гопак. Прибежал в дом кладовщик с ворохом свежего белья.

Девчата, мокрые, в сверкающих на электрическом свете каплях:

— А мы ж как?

— И вы ж так.

— Так убирайтесь!

В столовой уже накрыт ужин. Дежурный по коммуне, в новых трусиках, с красной повязкой на голой руке, спрашивает:

— Можно давать ужин?

Ах, хорошее было дело — наш московский поход! Из Москвы мы приехали новыми, иными — более сильными, уверенными, еще больше чувствуя связь со всем пролетариатом нашего Союза.

ФИЛЬКА

Самый молодой и самый активный член коммуны со времени ее основания — Филька Куслия.

Ему двенадцать лет. У него всегда обветренное лицо. Умные и серьезные глаза. Он напускает на себя серьезность и даже немного надувается. Это потому, что он прежде всего актер.

Среди ребят часто попадаются артисты, но большинство из них очень скоро губит свой талант, используя его как средство подыграться к «доброму дяде», изобразить что-нибудь похвальное и занимательное, подработать на милом выражении лица.

Но Филька со взрослыми всегда был недоверчив и горд. В коммуне Филька всегда был вождем сепаратистски настроенных пацанов. Вокруг него всегда вертелись пацаны, занятые предприятиями и разговорами, в которые старшие коммунары, не говорю о взрослых, обыкновенно не посвящались.

В этом узком кругу Филька бывал всегда деятелен, стремителен и весел, его смех взрывался то там, то здесь. Его неудачные последователи, вроде Котляра или Алексюка, всегда «засыпались» и попадали в тот или другой рапорт, но сам Филька при встрече со старшими неизменно напускал на себя солидность и разговаривал только недовольным баском. При попытке ближе подойти к «душе ребенка» он бычком наклонял голову и что-то бурчал под нос.

Изменял своей тактике и делался доверчивым и ласковым Филька только во время репетиций малого драмкружка, самым активным членом которого он всегда был.

Но пионерские пьесы, упрощенные и неинтересные, Фильку не удовлетворяли. Он стремился в старший драмкружок, неизменно присутствовал на всех его заседаниях и непривычно для него смело и настойчиво требовал всегда выбора такой пьесы, в которой и для него находилась роль. На репетициях Филька веселел и удивлял всех особой способностью точно схватывать и повторять тон, данный ему режиссером. Обращал он на себя внимание и своим мальчишеским дискантом и свежестью своей живой мордочки.

Тем не менее прямо можно было сказать, что все очарование Филькиной игры никогда не было очарованием

драматического таланта. Только вот эта детская искренность и свежесть и делали Филькину игру занимательной.

Филька, однако, был иного мнения. Он еще весной стал важничать и заявлять, что если бы его пустили в киноактеры, так он показал бы, как нужно играть.

Мне уже не раз приходилось наблюдать увлечение кинокарьерой, но в таком молодом возрасте я это увидел впервые. Пожалуй, наша вина была в том, что мы слишком баловали Фильку и позволили ему слишком занестись. Пробовали Фильку уговаривать:

— Да что ты, Филя! Что там хорошего в киноартистах, что у них за игра? Немые, как рыбы...

Но разве в таких случаях можно что-нибудь доказать? Да и разве можно было убедить Фильку в том, что все его достоинство в симпатичнейшем дисканте, который Фильке дан не на долгое время.

Филька примолк. А в Москве, во время свободных прогулок по городу, он нашел нужных ему людей и переговорил с ними. Потом явился ко мне и по обыкновению недовольным басом забурчал:

— Вот тут есть такой человек, так он говорит, что мне можно поступить на кинофабрику.

Окружавшие нас комсомольцы рассмеялись:

— Вот смотри ты, артист какой! На что ты ему сдался? Подметать двор тебя заставит, и в лавочку будешь бегать за лаком.

— Ну что ж, и побегу, зато и играть буду.

— Кого ты будешь играть? — рассердился даже кто-то.

— Как кого? Пацанов буду играть.

— А потом?

— Что потом?

— А потом, когда вырастешь?

— Ну-у, — протянул, уже явно сдерживая слезы, Филька, — «когда вырастешь»!.. Потом тоже найдется. А ты что будешь потом? — вдруг разозлился Филька. — Ты, может, будешь грузчиком!

— Он уже сейчас слесарь, грузчиком не будет, а ты все-таки брось. Забили мальчишке голову, он и карежится. Артист!

Я Фильке сказал:

— Не могу я так тебя отпустить. Я считаю, что это дело пустяковое. Артистом ты не будешь, да ты еще и

маленький учиться в студии. Тебя возьмут, пока у тебя рожица детская, а потом выставят, будешь ты ни артист, ни мастер.

Филька ничего не сказал. Но по приезде в Харьков отправился Филька жаловаться на меня члену Правления товарищу Н.

— А если я хочу быть артистом, так что ж такое? Может, у меня талант. Нужно меня отпустить.

— Куда?

— На кинофабрику.

— Если ты хочешь быть артистом, так нужно учиться на драматических курсах, а для этого ты еще маленький. А что ж на фабрике? Нет, поживи еще в коммуне, а там видно будет.

— Видно, видно!

И от Н. Филька не в коммуну направился, а на вокзал. Вспомнил старину: влез на крышу, поехал, только почему-то не в Москву, а в Одессу.

В коммуне с горестью констатировали:

— Филька убежал.

В течение двух-трех недель ничего о Фильке не было слышно, убежал — и все. Мало кому приходило в голову, что Филька поехал искать актерского счастья, — думали, просто сорвался пацан, надоела коммунарская дисциплина.

Через две недели возвратился Филька в Харьков и каким-то образом объявился в колонии имени Горького, — захватили его, видно, в очередной облаве.

В коммуне о нем говорили разно. Кто — сдержанно:

— Сорвался-таки пацан, теперь уже пойдет бродить.

Другие отзывались с осуждением и обидой...

Филька тем временем спокойно сидел в колонии имени Горького и старался не попадаться нашим на глаза, когда наши ходили в гости к горьковцам. А через какого-то «корешка» передал, что он бы и пришел в коммуну, да ему стыдно. И, говорят, прибавлял:

— Чего там развозить! Убежал — и все. Проситься не приду.

У коммунаров первоначальная обида на Фильку прошла, даже жалели его, но никому и в голову не приходило зазывать беглеца в коммуну. О его возвращении и просто не говорили. И вдруг месяца уже через четыре пришел в коммуну Филька. Я возвращался из города и уви-

дел его возле крыльца. Он салютнул по-нашему и улыбнулся. Ребята весело показали на него:

— Вот киноартист!

Филька отвернулся с улыбкой.

— Как же тебе живется?

— Так, ничего...

Филька сделался серьезным.

— Живется ничего... А вы на меня сердитесь? Правда?

— Конечно, сержусь. А ты что ж думал?

— Да я ж так и думал...

— Погулять к нам пришел?

— Немножко погулять...

— Ну, погуляй.

Через час Филька вошел в кабинет, прикрыл дверь и вытянулся перед моим столом:

— Я не погулять пришел...

— Ты хочешь опять жить в коммуне?

— Хочу.

— Но ведь ты знаешь, что принять тебя может только совет командиров.

— Я знаю. Так вы попросите совет, чтобы меня приняли.

— А в колонии Горького?

— Так в колонии там все чужие, а тут свои...

— Хорошо. Позови дежурного по коммуне.

Пришел дежурный.

— Что, принимать будем киноартиста?

— Да вот же явился. Нужно совет командиров потрубить!

— Есть!

В совете командиров Фильку не терзали лишними вопросами. Попросили только рассказать, как он ездил в Одессу. Филька неохотно повествовал:

— Да что ж там... Как Н. меня на захотел отправить на кинофабрику, я и подумал: «Что ж идти в коммуну? Будут пацаны смеяться. Все равно уже поеду в Одессу. Может, что и выйдет». Пришел на вокзал и сразу полез на крышу, только в Лозовой меня оттуда прогнали... Ну, подождал следующего поезда и опять залез на крышу. Так и приехал в Одессу. Пошел к директору, а директор и говорит: «Нужно раньше учиться в школе». А пацанов у них играть — сколько угодно своих, так те живут у родных. Он говорит: «Если хочешь — играй, может, ког-

да и подойдет тебе, только жить у нас негде». Так я пошел в помдет и попросил, чтобы отправили меня в Харьков. Ну, меня и отправили в колонию Горького.

— А почему не к нам? — спросил кто-то.

— Так я ж не сказал, что я дзержинец.

— Почему ж ты не пришел к нам?

— Стыдно было, да и боялся, что не примут: подержат на середине, а потом скажут: «Иди, куда хочешь».

— А почему теперь пришел?

— А теперь?.. — Филька затруднился ответом. — Теперь, может, другое дело. Что ж, я четыре месяца прожил в колонии Горького.

— В колонии плохо?

Филька наклонил голову и шепнул:

— Плохо.

Сразу заговорило несколько голосов.

— Да чего вы к нему пристали?

— Вот, подумаешь, преступника нашли!..

ССК заулыбался:

— Принять, значит?

— Да ясно, в тот же самый отряд.

— Значит, нет возражений? Объявляю заседание закрытым.

Фильку кто-то схватил за шею:

— Эх ты, Гарри Пиль!

СЯВКИ

У многих коммунаров есть в прошлом... одним словом, есть «прошлое». Не будем о нем распространяться. Сейчас в коллективе дзержинцев оно как будто совершенно забыто. Иногда только прорвется блатное слово, а некоторые слова сделались почти официальными, например: «пацан».., «чепа». В этих словах уже нет ничего блатного, — просто слова, как и все прочие.

Коммунары никогда не вспоминают своей беспризорной жизни, никогда они не ведут разговоров и бесед о прошлом. Оно, может быть, и не забыто, но настойчиво, упорно игнорируется. Мы также подчиняемся этому правилу. Воспитателям запрещено напоминать коммунарам о прошлом. Благодаря этому ничто не нарушает общего нашего тона, ничто не вызывает у нас сомнений в полноценности и незапятнанности нашей жизни. Иногда только какой-нибудь бестактный приезжий говорун вдруг зальется

восторгами по случаю разительных перемен, происшедших «в душах» наших коммунаров.

— Вот, вы были последними людьми, вы валялись на улицах, вам приходилось и красть...

Коммунары с хмурой деликатностью выслушивают подобные восторги, но никогда никто ни одним словом на них не отзовется.

Однако еще живые щупальцы пытаются присосаться к нашему коллективу. В такие моменты коммуна вдруг охватывается лихорадкой, она, как заболевший организм, быстро и тревожно мобилизует все силы, чтобы в опасном месте потушить развитие каких-то социальных бактерий.

Социальную инфекцию, напоминающую нам наше прошлое, приносят к нам чаще всего новенькие.

Новенький воспитанник в коммуне сильно чувствует общий тон коллектива и никогда не посмеет открыто проповедовать что-либо, напоминающее блатную идеологию, он даже никогда не осмелится иронически взглянуть на нашу жизнь. Но у него есть привычки и симпатии, вкусы и выражения, от которых он сразу не в состоянии избавиться. Часто он даже не понимает, от чего и почему ему нужно избавиться. Наиболее часто это бывает у мальчиков с пониженным интеллектом и слабой волей. Такой новенький просто неловко чувствует себя в среде подтянутых, дисциплинированных и бодрых коммунаров: он не в состоянии понять законы взаимной связи и взаимного уважения. Ему на каждом шагу мерещится несправедливость, он всегда по старой привычке считает необходимым принять защитно-угрожающую позу, в каждом слове и в движении других он видит что-то опасное и вредное для себя, и во всем коллективе он готов каждую минуту видеть чуждые и враждебные силы. В то же время, даже когда он полон желания работать, он лишен какой бы то ни было способности заставить себя пережить самое небольшое напряжение. Еще в коллекторе полный намерениями «исправиться» он рефлективно не способен пройти мимо «плохо лежащей» вещи, чтобы ее не присвоить, успокоив себя на первый раз убедительными соображениями, что «никто ни за что не узнает». Точно размеренный коммунарский день, точно указанные и настойчиво напоминаемые правила ношения одежды, гигиены, вежливости — все это с первого дня кажется ему настолько утомительным, настолько придирчивым, что уже начинает

вспоминаться улица или беспорядочный заброшенный детский дом, где каждому вольно делать, что хочется.

Контраст полудикого анархического прозябания «на воле» и свободы в организованном коллективе настолько разителен и тяжел, что каждому новенькому первые дни обязательно даются тяжело. Но большинство ребят очень быстро и активно входит в коллектив. Их подтягивает больше всего, может быть, серьезность предъявляемых требований. Обычно бывает, что ребята бунтуют только до первого «рапорта». Новенький пробует немного «побузить», нарочно толкнет девочку, уйдет с работы, возьмет чужую вещь, замахнется кулаком, ответит ненужной грубостью. На замечание другого коммунара удивится:

— А ты что? А тебе болит?

Первый же «рапорт» производит на него совершенно ошеломляющее впечатление. Когда председатель общего собрания спокойно называет его фамилию, он еще немного топорщится, недовольно поворачивается на стуле и пробует все так же защищаться:

— Ну что?

Но у председателя уже сталь в голосе:

— Что? Иди на середину!

Неохотно поднимается с места и делает несколько шагов, развязно покачиваясь и опуская пояс пониже бедер, как это принято у холодногорских франтов. Одна рука — в бок, другая — в кармане, ноги в какой-то балетной позиции, вообще во всей фигуре достоинство и независимость.

Но весь зал вдруг гремит негодующим, железным требованием:

— Стань смирно!

Он растерянно оглядывается, но немедленно вытягивается, хотя одна рука еще в кармане.

Председатель наносит ему следующий удар:

— Вынь руку из кармана.

Наконец, он в полном порядке, и можно с ним говорить:

— Ты как обращаешься с девочками?

— Ничего подобного! Она шла...

— Как ничего подобного? В рапорте вот написано...

Он совершенно одинок и беспомощен на середине.

Последний удар наношу ему я, это моя обязанность. После суровых слов председателя, после саркастических

замечаний Редько, после задирающего смеха пацанов я получаю слово. Стараюсь ничего не подчеркивать:

— Что касается Сосновского, то о нем говорить нечего. Он еще новенький и, конечно, не умеет вести себя в культурном обществе. Но он, кажется, парень способный, и я уверен, что скоро научится, тем более, что и ребята ему помогут, как новому товарищу.

Заканчиваю я все-таки сурово, обращаясь прямо к Сосновскому:

— А ты старайся прислушиваться и приглядываться к тому, что делается в коммуне. Ты не теленок, должен сам все понять.

Когда собрание кончается и все идут к дверям, кто-нибудь берет его за плечи и смеется:

— Ну, вот ты теперь настоящий коммунар, потому что уже отдувался на общем. В первый раз это действительно неприятно, а потом ничего... Только стоять нужно действительно смирно, потому, знаешь — председатель...

Самые неудачные новички никогда не доживают до выхода на середину. Поживет в коммуне три-четыре дня, полазит, понюхает, скучный, запущенный, бледный, и уйдет неизвестно когда, неизвестно куда, как будто его и не было.

Коммунары таких определяют с первого взгляда:

— Этот не жилец: сявка.

«Сявка» — старое блатное слово. Это мелкий воришка, трусливый, дохлый, готовый скорее выпросить, чем украсть, и не способный ни на какие подвиги.

Коммунары вкладывают в слово «сявка» несколько иное содержание. Сявка — это ничего не стоящий человек, не имеющий никакого достоинства, никакой чести, никакого уважения к себе, бессильное существо, которое ни за что не отвечает и на которое положиться нельзя.

У нас таких сявок было за три года очень немного, человека три всего. Коммунары о них давно забыли, и только в дневниках коммуны остался их след.

Гораздо хуже бывало, когда вдруг нам приходилось ставить вопрос о старом коммунаре, на которого все привыкли смотреть, как на своего, и у которого вдруг обнаруживались позорные черты.

Самый тяжелый случай был у нас с Грунским.

Грунский живет в коммуне с самого начала ее. У него красивое лицо, тонкое и выразительное. Он в старшей

группе и учится прекрасно. Всегда он ко всем расположен, вежлив, в меру оживлен и активен. Его без всяких затруднений приняли в комсомол, а через год был уже он командиром первого отряда, и его всегда выбирали во все комиссии. На работе он — прямо образец, всякое дело умеет делать добросовестно и весело.

Во время московского похода обнаружилось неприятное дело: в поезде, по дороге в Москву, пропало у Волчка пять рублей. Ночью положил кошелек рядом с собой, посторонние в наши вагоны не заходили, а утром проснулся — кошелька и денег нет.

Дневальными в вагоне ночью были четыре коммунара, в том числе и Грунский.

Как только расположились в Москве в общежитии, собрали общее собрание.

В огромной спальне Транспортной школы притихли. Дело безобразное: у товарища украли последние деньги, да еще во время похода, которого так долго ждали и на который так много было надежд. Назвать прямо перед всеми фамилию подозреваемого трудно: слишком уж тяжелое оскорбление. Четверо дневальных вышли вперед.

— Я денег этих не брал.

Так сказал каждый. Так сказал и Грунский.

В спальне было тихо. Все чувствовали себя подавленными.

Тогда попросил слово Фомичев и сказал:

— Первый отряд уверен, что деньги взял Грунский.

Еще тише стало в спальне. Я спросил:

— А доказательства?

— Доказательств нет, но мы уверены.

Грунский вдруг заплакал.

— Я могу свои отдать деньги, но денег я не брал.

Никто ничего не прибавил, так и разошлись. Я выдал Волчку новые пять рублей.

В Москве и на обратном пути Грунский был оживлен и доволен, но я заметил, что тратит он гораздо больше, чем было ему по карману; его финансовые дела были мне известны. Он покупал конфеты, молоко, пирожное и в особенности кутил на станциях: на каждой остановке можно было видеть на подножке вагона Грунского, торгующего у бабы или мальчишки какую-нибудь снедь.

Я поручил нескольким коммунарам запомнить кое-какие его покупки. Как только мы приехали в коммуну, я

собрал совет командиров и попросил Грунского объяснить некоторые арифметические неувязки. Грунский быстро запутался в цифрах. Выходило, что денег истрачено было им гораздо больше, чем допускалось наличием. Пришлось ему перестраивать защиту и придумывать небылицы о присланных какой-то родственницей в письме пяти рублях. Но это было уже безнадежно.

И пришлось Грунскому опустить свою белокурую голову и сказать:

— Это я взял деньги Волчка.

Среди командиров только Редько нашел слова для возмущения:

— Как же ты, гад, взял? Тебе же говорили, а ты еще и плакал, а потом на глазах у всех молоком заливался!

Общее собрание в тот день было похоже на траурное заседание. Грунский кое-как вышел на середину. Председатель только и нашелся спросить его:

— Как же ты?

Но ни у председателя не нашлось больше вопросов, ни у Грунского — что отвечать.

— Кто выскажется?

Тогда вышел к середине Похожай и сказал Грунскому в глаза:

— Сявка!

И только тогда заплакал Грунский по-настоящему, а председатель сказал:

— Объявляю собрание закрытым.

С тех пор прошло больше года. Грунский, как и прежде, носит по коммуне свою белокурую красивую голову, всегда он в меру оживлен и весел, всегда вежлив и прекрасно настроен, и никогда ни один коммунар не напомнит Грунскому о московском случае. Но ни на одном собрании никто не назвал имени Грунского как лица, достойного получить хотя бы самое маленькое полномочие.

Будто сговорились.

ЮХИМ

Юхим Шишко был найден коммунарами при таких обстоятельствах.

Повесили пацаны с Перским горлётную сетку на лужайке возле леса, там, где всегда разбиваются наши летние лагери. Наша часть леса огорожена со всех сторон

колючей проволокой, и селянские коровы к нам заходить не могут.

Но раз случилась оказия: даже не корова, а теленок-бычок не только прорвал проволочное препятствие, но попал и в горлётную сетку, разорвал ее всю и сам в ней безнадежно запутался.

Пока прибежали коммунары, от горлёта ничего не осталось, пропали труды целой зимы и летние надежды.

Бычка арестовали и заперли в конюшне.

Только к вечеру явился хозяин, солидный человек в городском пиджаке, и напал на коммунаров:

— Что это за безобразие! Хватают скотину, запирают, голодом морят. Я к самому Петровскому пойду! Вас научат, как обращаться с трудящимися.

Но коммунары подошли к вопросу с юридической стороны:

— Заплатите сначала за сетку, тогда мы вам отдадим бычка.

— Сколько же вам заплатить? — спросил недоверчиво хозяин.

В кабинете собралось целое совещание под председательством Перского.

Перский считал:

— Нитки стоят всего полтора рубля, ну, а работы там будет рублей на двадцать по самому бедному счету.

Ребята заявили:

— Вот, двадцать один рубль пятьдесят копеек.

— Да что вы, сказились? — выпалил хозяин. — За что я буду платить? Бычок того не стоит.

— Ну, так и не получите бычка.

— Я не отвечаю за потраву, это пастух пускай вам платит. Я ему плачу жалованье, он и отвечает.

Ребята оживились.

— Как пастух? Пастух у вас наемный?

— Ну, а как же! Плачу ж ему, он и отвечает.

— Ага! А сколько у вас стада?

Хозяин уклонился от искреннего ответа:

— Какое там стадо! Стадо...

— Ну, все-таки.

— Да нечего мне с вами талдычить! Давайте теленка, а то пойду просто в милицию, так вы еще и штраф заплатите.

ССК прекратил прения:

— Знаешь что, дядя, ты тут губами не шлепай, а либо давай двадцать один рубль пятьдесят копеек, либо иди, куда хочешь.

— Ну, добре, — сказал хозяин. — Мы еще поговорим!

Он ушел. На другой день к вечеру ввалилось в кабинет существо первобытное, немытое со времени гражданской войны, нечесанное от рождения и совершенно не умеющее говорить. В кабинете им заинтересовались:

— Ты откуда такой взялся?

— Га? — спросило существо.

Но звук этот был чем-то средним между «га», «ы», «а», «хе»...

— А чего тебе нужно?

— Та пышьок, хасяин касалы, витталы шьоп.

— А-а, это пастух знаменитый!

С трудом выяснили, что этот самый пастух пасет целое стадо, состоящее из трех коров, нескольких телят и жеребенка. Сказали ему:

— Иди к хозяину, скажи: двадцать один рубль пятьдесят копеек пусть гонит.

Пастух кивнул и ушел.

Возвратился он только к общему собранию, и его вывели на середину плачущего, хныкающего и подавленного. Рот у него почему-то не закрывался, вероятно, от обилия всяких чувств. Пастух объявил:

— Хасяин попылы, касалы — иды сопи, быка, значиться, узялы, так хай и пастуха запыраюгь.

Ситуация была настолько комической, что при всем своем сочувствии пастуху зал расхохотался.

Из коммунаров кто-то предложил задорно:

— А что ж, посмотрим! Давай и пастуха... Смотри, до чего довели человека!.. Побил, говоришь?

— Эхе, — попробовал сказать Юхим, не закрывая рта.

— Да что его принимать? — запротестовал Редько. — Он же совсем дикий. Ты знаешь, кто такой Ленин?

Юхим замотал головой, глядя не отрываясь на Редько:

— Ни.

Кто-то крикнул через зал:

— А, може, ты чув, шо воно за революция?

Юхим снова замотал отрицательно головой с открытым ртом, но вдруг остановился.

— Цэ як с херманьцями воювалы...

В зале облегченно вздохнули. Все-таки хоть говорит по-человечески.

Многие выступали против приема Юхима, но общее решение было — принять.

Приняли-таки Юхима. А бычка на другой день зарезали и съели.

Юхима остригли, вымыли, одели — все сделали, чтобы стал он похожим на коммунара. Послали его в столярный цех, но инструктор на другой день запротестовал:

— Ну его совсем! Того и гляди, в пас запутается.

Юхим и сам отрицательно отнесся к станкам, тем более, что в коммуне нашлось для него более привлекательное дело. Держали мы на откорме кабанчика. Как увидел его Юхим, задрожал даже:

— Ось я путу за ным хотыты.

— Ну ходи, что ж с тобой поделаешь.

Юхим за кабанчиком ходил, как за родным. Юхим не чувствовал себя наймитом и даже пробовал сражаться с кухонным начальством и с конюхом, отстаивая преимущественные права своего питомца. В его походке вдруг откуда-то взялись деловитость и озабоченность. В свинарне Юхим устроил настоящий райский уголок, натыкал веточек, посыпал песочку...

К счастью Юхима, его сельскохозяйственная деятельность в коммуне все-таки прекратилась.

В один прекрасный день Юхим не нашел в свинарне своего питомца. Бросился в лес и по дороге с гневом обрушился на конюха.

Наш конюх, могучий, самоуверенный и спокойный Митько, старый мясник и селянский богатырь, добродушно рассмеялся.

Юхим унесся в лес. Бродил он в лесу и обед прозевал, пришел изморенный и к каждому служащему и коммунару приставал с вопросом:

— Дэ кабан? Чи не бачыли кабана?

И только придя на кухню обедать, он узнал истину: кабана еще на рассвете зарезал Митько. Когда Юхиму предлагала кусок свинины старшая хозяйка, ехидный и веселый Редько передразнил Юхима:

— «Дэ кабан?» Раззява несчастная! Ось кабан, кушай!

Как громом был поражен Юхим всей этой историей, не стал обедать и бросился в кабинет с жалобой. Я с большим напряжением понял, о чем он лопочет:

— Заризалы ранком, нихто й не знав, отой Митько, крав, крав помый, насмихався...

Несколько дней коммунары спрашивали у Юхима:

— Дэ кабан?

Но у Юхима уже прошел гнев, и он отвечал, улыбаясь доверчиво:

— Заризалы.

Гибель кабана от руки Митько окончательно порвала связь Юхима со скотным двором. Сделался Юхим рабочим литейного цеха. Сейчас он работает на щетковальном станке. Юхим — уже старый коммунар и изучает премудрости третьей группы.

ВЕЧЕР

Протрубил трубач у двух углов:

> Спать пора, спать пора, коммунары.
> День закончен, день закончен трудовой...

По парадной лестнице пробежали коммунары в спальни, и уже сменился караул у парадного входа. Новый дневальный записывает в свой блокнотик, кого и когда будить, и одновременно убеждает командира сторожевого в том, что, если командир отдаст ему карманные часы, они вовсе не будут испорчены.

Заведующий светом проходит по коридору и тушит электричество. Скоро только у дневального останется лампочка. У дверей одного из классов группа девочек требует:

— А если нам нужно заниматься?

— Знаю, как вы занимаетесь! — говорит грубоватый курносый, но хорошенький Козырь. — Заснете, а электричество будет гореть всю ночь.

— А мы разве засыпали когда?

— А почем я знаю, я за вами не слежу.

Но девочки получают подкрепление. Суровая Сторчакова разрешает спор молниеносно:

— Ну, убирайся!

Козырь убирается и заглядывает в «тихий» клуб, делая вид, что его авторитет ничуть не поколеблен. Однако за плечами его снова Сторчакова:

— Тут будет заседание бюро, прекрасно знаешь.

— Ну, знаю. Так что ж?

— Ну, нечего мудрить! Зажги свет.

Козырь послушно действует выключателями, но не уходит. Когда соберется бюро, он отомстит, обязательно пристанет к секретарю:

— Кто потушит свет?

— А тебе не все равно? Потушим.

— Нет, ты скажи — кто. Я должен знать, кто отвечает.

— Я потушу.

Козырь не будет спать или будет просыпаться через каждые четверть часа, спускаться в «тихий» клуб и смотреть, не забыли ли потушить свет. Надежды очень мало сегодня. Наверняка Сторчакова потушит. Уж очень она аккуратный человек. Но Козырь знает, что такое теория вероятности. Он будет и сегодня следить, и завтра, и много раз, и, наконец, настанет такой счастливый вечер, когда он на общем собрании отчеканит рапорт дежурному:

— В коммуне за сутки электроэнергии израсходовано двадцать киловатт-часов. Особое замечание: секретарь комсомольской ячейки Сторчакова после заседания бюро не выключила свет, и «тихий» клуб «горел» до утра.

Сторчакова выйдет на середину и скажет.

— Да, я виновата...

Ничего Сторчаковой не будет, это верно, но Козырю ничего особенного и не нужно. Он и так получит много. Он получит право сказать секретарю:

— Знаем, как вы тушите! — В помещении коммуны появляется еще тень и ругает Володьку за то, что рано в коммуне потушен свет. Это представитель дежурного отряда. Дежурный отряд следит за порядком в клубах и отвечает за то, чтобы во всем здании, кроме, разумеется, спален, были на ночь закрыты окна. Наконец, и Володька и дежурный отряд уходят в спальню.

В кабинете еще идет работа — какая-нибудь комиссия. В «тихом» клубе располагается бюро, а это значит, что «тихий» клуб полон. На бюро кто-нибудь коротко отчитывается, кто-нибудь зачитывает небольшой проект, кто-нибудь «отдувается», что-нибудь организуется.

Сегодня именинник литейный цех. Производственное совещание цеха. Мастера, Соломон Борисович — всего человек двенадцать. В цехе прорыв: что-то прибавилось браку, вчера не было литья, глина оказалась неподходящей.

Коммунары полегоньку нажимают на Соломона Борисовича и основательно наседают на мастеров; мастера кивают на Соломона Борисовича и оправдываются перед

коммунарами; Соломон Борисович машет руками и наседает и на тех и на других. Через полчаса вопрос ясен: прорыв ликвидировать совсем не трудно, и тревога, в сущности, напрасна, но все-таки хорошо, что поговорили. Выяснилось, что коммунар Белостоцкий поленивается, что мастер Везерянский — шляпа, что Соломон Борисович должен, скрепя сердце, выложить сто рублей на новый точильный камень. Под шумок маленького спора сорвали с Соломона Борисовича обещание перевести что-то на мотор, договорились насчет новой работы и помечтали об отдельной литейной.

В кабинете тоже окончили. Председатель столовой комиссии складывает в папку бумажки и говорит:

— Конечно, нужны горчичницы. Будем нажимать.

Все расходятся.

Дневальный принимает ключи от кабинета и говорит:

— Спокойной ночи.

Во дворе неслышно прохаживается сторож. У конюшни голоса: двое коммунаров кому-то рассказывают о чудесах, совершенных Митькой-конюхом:

— Ну, так разве ж его можно взять! Раз трое на него наскочили с кольями, а у одного железный лом... Так что ж? Они на него с ломом — по голове, аж голова гудит, а он все-таки их всех поразгонял.

— Коммунары, спать пора!

— Идем уже, идем...

В последнем окне погас свет: кто-то дочитал книжку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сейчас осень. Коммуна только что возвратилась из крымского похода.

Крымский поход достоин того, чтобы о нем написать книгу — книгу о новой молодости, о молодости нового общества, о радостях новых людей, сделавшихся частью живого коллектива.

Утром пятого августа в четыре часа коммуна вышла из Байдар. Впереди — проводник, разговорчивый татарин, данный нам байдарским комсомолом. Мы решили идти через Чертову лестницу, но нужно посмотреть на знаменитые Байдарские ворота.

Ахнули, посмотрели, влезли на крышу ворот и чинно уселись на барьере крыши, как будто собирались проси-

деть там до вечера. Слезли через минуту, сыграли «Интернационал» восходящему солнцу и пошли. Через пятьдесят шагов проводник неожиданно полез на какую-то кручу. Не успел я опомниться, как уже коммунары перегнали его, только кто-то из оркестрантов с тяжелым басом цеплялся за корни. Я разругал проводника:

— Разве это дорога? Разве можно вести по этой дороге сто пятьдесят ребят, да еще с оркестром?

Но коммунары на меня смотрели с удивлением:

— А чего? Хорошая дорога!

Кое-как и мы с Тимофеем Викторовичем, ругаясь и задыхаясь, выбрались на Яйлу.

Часа через два шли с пригорка на пригорок по волнистым вершинам Яйлы и наконец подошли к Чертовой лестнице.

Смотрим вниз. Какой-то застывший поток разбросанных повсюду острых камней. По ним нужно спускаться. Ребята нас обогнали давно. От Байдар уже сделали километров двадцать, а тут еще нужно прыгать на круглую макушку камня, смотрящего откуда-то снизу в полутора метрах. Прыгаем.

Тимофей Викторович возмущается:

— Проводнику не нужно платить, мерзавцу!

Спускались мы с ним часа полтора, так, по крайней мере, нам показалось. Но как только спустились к ожидавшим нас на шоссе коммунарам, Тимофей Викторович расплылся в улыбке:

— Замечательная дорога! Какая прелесть!

Голоногие коммунары смеются, понимая, в чем дело. Тимофей Викторович на этом самом участке шоссе с радостью закончил бы переход. Но нужно идти дальше, потому что коммунары уже скрываются из виду. Им приказано остановиться только в Кикенеизе, а до Кикенеиза еще километров восемь.

В Кикенеизе маршрутная комиссия достала разрешение остановиться в школе. Обоза еще нет, и коммунары отправились купаться к морю, до которого километра четыре. Наконец, приходит обоз. Карабанов дурашливо обнимается с коммунарами, конвоирующими обоз, столовая комиссия бросается снимать с арб обед.

Я спрашиваю:

— Здесь заночуем, наверно?

— Дальше! — кричат коммунары.



Лагерь коммуны в Сочи (1931)

В шесть часов трогаемся дальше. Уже начинает темнеть, когда мы подходим к обсерватории на горе Кошка. До Симеиза километров пять. Директор разрешает осмотреть обсерваторию, и ребята устремляются к дверям. Нам уже впору отдохнуть, и мы с Тимофеем Викторовичем усаживаемся на скамье. Хорошо бы здесь и заночевать, но Карабанов уже выстраивает колонну. Техник обсерватории предлагает показать ближайший спуск в Симеиз. Мы с ним отправляемся вперед, но через минуту нас галопом обгоняют все сто пятьдесят коммунаров. Они летят по крутому спуску, как конница Буденного, не останавливаясь на поворотах и не упираясь на кручах, просто сбегают свободным бегом, как будто для них не существует законов тяжести и инерции. Любезный техник останавливается над каким-то обрывом и показывает мне дальнейшие извилины спуска, но вдруг безнадежно машет рукой:

— Э, да вам показывать не нужно!

Впереди вся Кошка покрыта парусиновыми рубахами коммунаров.

Мы с Тимофеем Викторовичем только через полчаса добираемся до подошвы. Еще через десять минут наш

оркестр гремит на верхних террасах симеизского шоссе. Симеиз в сверкающем ожерелье — все ближе и ближе.

После сорокакилометрового перехода и двух перевалов коммунары с музыкой входят в Симеиз. Их движения так же упруги, как и утром в четыре часа в Байдарах. Так же торжественно колышется впереди знамя, по бокам его также острятся штыки, и так же развевается флажок у флаженера левого фланга, Алексюка.

Симеизская публика из квартала в квартал провожает нас аплодисментами. Кто-то любезно бросается подыскивать для нас ночлег. Через полчаса коммунары входят в великолепный клуб союза строителей, и караульный начальник разводит ночные караулы.

Тридцать первого августа в шесть утра мы вернулись домой. Кончился наш отпуск. Перед нами — новый год и карты новых переходов.

В отрядах коммунаров уже сменились командиры. В первом отряде снова командует Волчок, а на месте ССК уже не Васька Камардинов, а Коммуна Харланова, особа выдержанная, серьезная и образованная. Теперь Соломону Борисовичу еще меньше будет свободы в совете командиров.

Соломон Борисович строится. Все площади нашего двора завалены строительными материалами, сразу в не-



Группа педагогов коммуны (1932)

скольких местах возводятся стены новых домов — общежитий, контор, складов и цехов. Все планы, намеченные перед отъездом в Крым, Соломоном Борисовичем выполняются, и это обстоятельство окончательно роднит его с коммунарами.

Вернувшись из крымпохода, побежали коммунары после команды «разойдись» осматривать новое строительство. Великолепный новый сборный цех длиною в семьдесят метров их совершенно удовлетворяет:

— Грубо́й цех будет! — говорит командир третьего.

Довольны и формовщики: новая литейная почти готова, на стропилах уже ползают кровельщики, и на траве в саду разложены масленые листы железа.

Но это еще не все. Самое главное вот что: в коммуне открывается рабфак. Настоящий рабфак Машиностроительного института. Первый и второй курсы. Это великое событие произошло чуть ли не случайно. Бросились наши кандидаты в рабфаки — оказывается: то стипендии нет, то общежития. Возникло решение открыть собственный рабфак. И Наркомпрос и ВСНХ пошли навстречу желаниям коммунаров. Через три дня начинаются на рабфаке занятия. Новые наши студенты продолжают оставаться коммунарами. Все чрезвычайно довольны: не нужно никуда уходить, не нужно бросать родную коммуну, можно продолжать работать на нашем производстве.

В рабфаке будет семьдесят коммунаров.

В педагогическом совете затруднялись: как быть с такими, как Панов. И по возрасту и по росту — совсем мальчик, а по способностям и коммунарскому стажу — заслуженный товарищ. Ребята в педсовете настояли:

— Ну так что же? Кончит рабфак, ему же шестнадцать будет. Чем не студент? Такие нам и нужны.

Сегодня в коммуну свозят много хороших вещей: физический кабинет, химический кабинет, новые книги. Соломон Борисович измеряет комнаты: надо делать шкафы, столы, стулья для новых кабинетов.

Соломону Борисовичу теперь есть чем гордиться: в коммуне рабфак; не успеем оглянуться — будут собственные инженеры. А на текущем счету уже лежат двести тысяч рублей. Взяли мы еще в июле заказ на оборудование Энергетического института, заказ стоит полмиллиона.

ИЗ ИСТОРИИ КОММУНЫ

УКРАШЕННЫЕ БУДНИ

Харьков. Из Харькова бежит шоссе на Белгород. Впереди по шоссе обычный для нашего времени вид: целый новый город — к нему уже суетливо поспешают трамвайные вагончики, а справа и слева — молодой дубняк. Здесь хорошо: и ново все, и строимся, и воздух не харьковский.

Вдруг справа у вас арка, почти триумфальная — два обелиска, наивно скрывающих под серой краской сосновый материал, а на обелисках повешена сетчатая вывеска: «Трудовая коммуна имени Дзержинского»; дело сразу становится понятным: арку строили коммунары.

Коммунары-дзержинцы? Они способны построить именно такую арку, очень скромную, веселую и в то же время почти триумфальную.

Коммунаров-дзержинцев знают не только в Харькове, народ это подвижной и склонный к путешествию. Это, может, и не все знают, но зато каждый видел этих стройных мальчиков и девочек, марширующих по шести в ряд за своим великолепным оркестром с полным стариком-дирижером впереди. 1 Мая и 7 ноября они всегда открывают марш рабочих организаций и, проходя мимо трибуны, по-детски грациозно подбрасывают вверх руки, салютуя правительству.

А это въезд в их владения. Арка открывает дорогу, проложенную в лесу, дорогу правильную, вымощенную, снабженную телефонными столбами и электрическим освещением.

Через лес [идти] не долго. За лесом поле, а в конце его виден целый ряд серых корпусов, отдельным новым миром стоящих впереди темного леса. Два красных флага реют над ними. Скоро рядом с вами начинает мелькать узорчатая ограда, корпуса все ближе и ближе, и ваша машина останавливается у кирпичных ворот.

Широкий асфальтовый тротуар ведет к дому, справа и слева от вас протянулись в стороны широкие обильные цветники и дорожки.

Здесь и живут коммунары-дзержинцы.

В дверях вы обязательно столкнетесь с подтянутым ловким мальчиком, который машинально уступит вам дорогу и немедленно забудет о вашем существовании, улетая куда-то по своим важным коммунарским делам.

В вестибюле часовой с винтовкой только в том случае обратит на вас внимание, если вы не сняли галош. Если же вы человек культурный, не бойтесь часового, и можете даже осведомиться у него, к кому обратиться, чтобы посмотреть коммуну. Он вас направит к начальнику коммуны, или к его помощнику, или к дежурному командиру, или просто передаст на руки первому свободному коммунару. Вы теперь обеспечены любезным чичероне, вас проведут по всем помещениям коммуны, покажут клубы, спальни, завод, школьные кабинеты и ответят на все ваши вопросы, даже самые ехидные и недоверчивые.

Если вы попали в рабочее время, вы почти не увидите коммунаров в коридорах или в спальнях. Только случайно вас может нагнать звонок на переменку, и мимо вас прольется из классов мальчишеский гомон, девичий смех и резиновые мячики малышей. Зато на заводе вы попадете в среду, щедро наполненную шумом, работой, движением, материалом, запахом серьезного большого завода и самое главное — коммунарами.

И на заводе, и в спальнях, и в клубах, и в столовой вас обязательно поразит какая-то совершенно исключительная опрятность и нарядность этого особого мира — мира до конца социалистического. Все здесь блестит и радуется: безукоризненный паркет, зеркала, блестящие никелем и чистотой станки, правильно сложенные детали и полуфабрикаты, портреты, гардины и цветы, солнечные пятна на каждой стене, сверкающие улыбки молодежи, снова цветы и снова улыбки. Цветов много: в столовой, в спальнях, в клубах; много и радости, но все это каким-то чудесным образом не кажется вам праздником. Нет, это будни, это вы чувствуете на каждом шагу, так много здесь делового движения, так мало здесь торчащего излишества, так все по-деловому прилажено и скромно.

Да, это совершенно новый мир, здесь новая радость, даже цветы кажутся новыми. И это мир рабочий.

Вам непременно захочется проникнуть в самое существо этого мира. Что это за коммунары-дзержинцы?

ИДИЛЛИЯ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ!

Вам захочется проникнуть в самое существо этого мира. Вас к тому же немного смущает внешняя идилличность коммуны, и вы не можете связать ее с другими вашими впечатлениями: с серьезной заводской работой, с уверенным и четким ритмом коммунарской жизни. Поэтому и самый завод, и ритм, и настоящий рабфак вам иногда начинают казаться тоже идиллией. Потом вы начинаете догадываться, что идилличны не коммунары, а вы сами. Они вас растрогали и удивили, а пока вы стоите и умиляетесь, они разбежались куда-то по своим делам и забыли о вас, — им некогда. Вы начинаете соображать, что они счастливы тем счастьем, за которое и вы, может быть, боролись и истратили не один метр ваших нервов.

И тогда ваша мысль поневоле направляется к источнику этого прекрасного дела: кто это придумал, кто это так разумно, с такой любовью к детям, с таким уверенным знанием создал это детское счастье, кто это смог не испугаться идиллии, советской идиллии, о которой и вы мечтали и которая, как потом оказалось, называется социализмом. Счастье здесь не от папашиного капитала, не от жизни беззаботной, не от паразитического обжорства, не в слое разведенного жирка, покрывающего мускулы, а счастье в рабочем усилии, в ощущении самих мускулов, в просторной дороге вперед, по которой идут миллионы трудящихся, в этом слиянии с мировым делом. Счастье в том, что уже не может быть стыдно от паркета, цветов и зеркал, счастье в настоящей человеческой свободе.

И вы начинаете понимать, что это и ваше дело, что это дело нашей революции, что фундаменты его заложены на неизмеримых полях великих и победных классовых битв. А чекисты были последовательны и логичны: увековечить память Дзержинского после его смерти они решили этим уголком социализма, тем более что социализм — это не остановка, это тоже движение, и движение вперед.

Коммуна открыта 29 декабря 1927 года. Чекисты Украины вовсе не были так богаты, чтобы строить дорогой

завод, большие корпуса. Все дело в том, что чекисты обладали очень небольшими средствами, собранными путем вычетов из их жалованья. Они вложили в дело другой капитал: силы своего коллектива, свою мысль, свое преклонение перед памятью Дзержинского, они реализовали новые представления о человеке, позволяющие беспризорного поставить в первые ряды общества, в первые ряды не только по характеру прав, но и по характеру обязанностей, по требованию к человеку.

Коммуна 1927 года была совсем маленьким детским коллективом — всего на 50 человек, он владел только одним домом, небольшой мастерской полукустарного типа, в которой даже эти 50 поместиться не могли. Дети эти не умели работать и не знали, что они должны делать, они были малограмотны и малокультурны: «цветы» интервенции и войны, беспризорные.

Но чекистский коллектив в эту небольшую ячейку вложил большие запасы энергии, большевистской настойчивости и возможности далекого развития, вложил в форме крупной человеческой заботы и мысли о детях. Коммунары пришли в светлые солнечные комнаты, в уют и тепло, им были сказаны настоящие человеческие слова о работе и жизни, и полдесятка станков и две классные комнаты были поставлены перед ними как отправная точка будущей их работы.

Было это небольшое хозяйство до конца продумано, прилажено, строго проверено до последней мелочи, и в него была уже с первого дня вложена идея того же счастья, о которой мы говорили выше.

Сейчас, когда прошло пять лет, когда коммуна живет полной жизнью, коммунары вспоминают имена своих первых начинателей с благодарностью и любовью.

Скажите перед коммунарами эти имена — и коммунарские лица расцветают улыбками, гремят аплодисменты, и после того еще долго не может замереть щебетанье детских, девичьих, юношеских голосов, взволнованных родными образами, возбужденными перед ними. Тогда в коммуне ярко вспоминаются и первые детские дни, и первые годы, наполненные проблемами и стремлениями, иногда недалекие и от нужды, бороться с которой коммунары были всегда в силах, тем более, что нужда тоже возбуждалась стремлением вперед и сознательным отказом от некоторых вещей. Вспоминаются и первые «достиже-

ния» — кустарная мебельная фабрика и арматурный цех,— и напряженная борьба за настоящий завод, годами проводившаяся в деревянных худых цехах, среди чахоточных дряхлых станков, борьба с кустарщиной и дешевкой. Вспоминаются и поражения, и победы: поражения учили коммунаров работать, победы вели к новым победам, вели вперед.

ТАКОВА НАША ИСТОРИЯ

В 1927 году на заседании коллегии ГПУ УССР было решено увековечить память тов. Ф. Э. Дзержинского открытием в Харьковском лесопарке детской коммуны его имени.

В октябре назначили обслуживающий персонал. Штат работников был невелик: заведующим коммуной стал я, воспитателем Т. Д. Татаринов, завхозом Оприщко из Ахтырки, повар был тоже оттуда.

В декабре в коммуну прибывает первая партия беспризорных из колонии имени Горького, среди которых было 50 мальчиков и 10 девочек.

В январе 1928 года в коммуну прибывают еще 40 новых беспризорных, подобранных с улицы. В настоящее время они составляют правящий актив коммуны, многие уже вышли в самостоятельную жизнь.

В это же время организуется первый духовой оркестр, составивший первое музыкальное богатство коммунаров. Руководить оркестром пришлось В. Т. Левшакову, который у нас в коммуне с тех пор является несменным капельмейстером.

В сентябре в коммуну с улицы и из детских домов приняли снова 50 новых коммунаров. В коммуне стало гораздо теснее и веселее.

В декабре 1929 года в коммуне организован пошивочный цех и расширены деревообделочные цехи. Вскоре приобретены 3 стареньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки, делали стандартную мебель, тысячами шили трусики — это во всяком случае было производство.

Введение зарплаты для коммунаров повысило ответственность за работу и производительность труда. С этого времени коммуна переходит на полную самоокупаемость. В результате производительного труда в коммуне появ-

ляются денежные накопления, что дало возможность значительно расширить цехи деревообделочной мастерской. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи стульев, чертежных столов и др. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы 3000 рублей.

В сентябре 1930 года состоялось торжественное открытие рабфака при коммуне. Это был чрезвычайно важный шаг вперед, который открывал большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства.

В этом же году в коммуне были уничтожены должности воспитателей, так как коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуну.

В мае 1931 года состоялась закладка корпуса новых спален и завода электроинструментов.

В ноябре снова состоялся массовый набор беспризорных с вокзала. Взвод беспризорников вместе с коммунарами с маршем был приведен в коммуну. Здесь было совершено торжественное сожжение одежды беспризорников, которые с этого дня стали равноправными членами коммуны.

В январе 1932 года при участии всеукраинского старосты Григория Ивановича Петровского был пущен первый в Союзе завод электросверлилок коммуны имени Феликса Дзержинского. И какой радостью была для коммунаров выпущенная первая электросверлилка! С этого дня началась организованная борьба коллектива коммунаров за освоение годовой программы в 7 тысяч электросверлилок. 28 мая в первый раз за все время коммунаровцы достигли наивысшей производительности, выпустив 50 электросверлилок в день.

Немного позже, в июне месяце, коммунаровцы задумали производство фотоаппаратов типа «Лейка» (ФЭД). Было организовано специальное экспериментальное бюро по разработке пленочного аппарата. И только в октябре были выпущены первые 3 таких аппарата.

Экспертизой профессоров и специалистов фотоаппарат «ФЭД» признан хорошим аппаратом, не уступающим заграничному, с некоторым преимуществом в оптической части.

В ноябре приступили к изготовлению технического проекта завода пленочного аппарата типа «ФЭД» производительностью в 30 тысяч аппаратов в год, и уже в де-

кабре была выпущена первая в СССР серия пленочных фотоаппаратов.

Огромная работа проведена по жилищно-культурно-бытовому строительству.

Новые корпуса спален, бани, прачечной, домов ИТР выросли за это время.

Развиваясь в течение семи лет, коммуна прошла большой интересный жизненный путь. В настоящее время она представляет собой одно из ведущих педагогических учреждений и далеко известна не только в СССР, но и в Европе, Америке. До 214 делегаций посетили коммуну, из которых две трети были делегациями Германии, Франции, Англии, Америки, Китая, Австралии и многих других стран.

Сосредоточивая в себе контингент ребят возрастом от 11 до 20 лет, коммуна в то же время настойчиво утверждает принципы совместного воспитания мальчиков и девочек. В настоящее время из 400 коммунаров в ней около 100 девушек.

Все последующие годы коммунаровцы энергично боролись за освоение программы выпуска электросверл, пленочных аппаратов, добившись к первому августа выполнения программы по электросверлам в 20 тысяч штук.

Огромное внимание уделено учебе. Коммуна давно уже в собственных стенах имеет рабфак Харьковского машиностроительного института. Почти половина коммунаров, учащихся рабфака, ушла на учебу в вузы и втузы. В этом году рабфак коммуны преобразовывается в техникум с двумя отделениями: электромеханическим и оптико-механическим.

Имея годовой промфинплан на двух своих заводах, достигающий 20 миллионов рублей в год, коммунары производят чрезвычайно важную в общей экономике страны продукцию, одновременно готовя стране грамотные высококвалифицированные кадры.

КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ ФЭД

На общих собраниях коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, в органах комсомола и самоуправления, в быту и практике в течение пятилетней работы коммуны выработались правила и нормы, которые составляют как бы не-

писанную нашу конституцию, они определяют весь распорядок и ход жизни в коммуне.

Основные из них состоят в следующем:

Каждый вновь прибывающий в коммуну товарищ впредь до особого постановления совета командиров не имеет звания коммунара и считается воспитанником коммуны.

Воспитанник по прибытии в коммуну не может быть допущен в спальни и на работу до осмотра его врачом, купанья в бане и получения свежего белья и коммунарской одежды.

Воспитанник вступает в отряд коммунаров, и командир отряда должен немедленно назначить к нему одного из старых коммунаров для ознакомления его с коммуной и правилами коммунарской жизни и для помощи новичку на первое время.

Независимо от этого бюро комсомольского коллектива, в свою очередь, назначает к новичку товарища для руководства его поведением до получения новичком звания коммунара, для наблюдения за его первым ростом в коммуне и развитием.

Воспитанник в отличие от коммунара может уходить из коммуны только с письменным отпуском; он может получать деньги на руки из своего заработка каждый раз только с разрешения совета командиров; он не имеет права заходить в спальни в течение дня без письменного разрешения; он не может быть избран ни в один орган коммунарского самоуправления и не может быть членом сторожевого отряда в коммуне. Однако в общем собрании коммунаров воспитанник участвует с правом решающего голоса.

Совет командиров или бюро комсомольского коллектива имеет право перевести в воспитанники товарища, уже имеющего звание коммунара, за проступки, лишающие его доверия коммунаров, за грубое нарушение интересов коммуны, за всякий поступок, позорящий коммуну и звание коммунара.

Коммунар имеет право уходить из коммуны в отпуск в свое свободное время, но должен предварительно доложить об этом начальнику коммуны, или его помощнику, или ССК. Уход в отпуск без такого доклада считается самовольным оставлением коммуны.

На производстве, в быту, в школе, во всех видах работы и в поручениях начальника коммуны, его помощника,

преподавателей, мастеров и начальника завода, ССК, своего командира и его помощника каждый коммунар должен всегда быть исполнительным и точным, он должен всегда строго и точно выполнять правила коммуны и в каждом деле прежде всего отстаивать и наблюдать интересы всей коммуны, а потом уже свои собственные или отдельных товарищей.

Всякое приказание, законно изданное, коммунар должен немедленно выполнить, в знак чего, получая приказание, должен салютовать в ответ «есть».

Получая на заводе зарплату, коммунар обязан вносить ежемесячно определенную часть ее за свое содержание в коммуне; половину остатка вносить в сберкассу на свое имя до окончания коммуны, а оставшиеся деньги как карманные он может расходовать по своему усмотрению, исключая покупку вина или покупку одежды, нарушающей коммунарскую форму...

Общее собрание, как правило, должно быть всегда открытым. Присутствие всех коммунаров и воспитанников на собрании обязательно. Председательствует на общем собрании секретарь совета командиров или его заместитель.

Каждый коммунар может возбудить на общем собрании любой вопрос, но обсуждение его может быть поставлено или не поставлено председателем, передано совету командиров или другой организации.

Ведению общего собрания подлежат все вопросы коммунарской жизни, его решения считаются окончательными и могут быть изменены только Правлением коммуны.

Общее собрание имеет право накладывать на коммунаров в случае особенно тяжелых поступков взыскания: лишение отпусков, лишение звания коммунара, лишение карманных денег, выговоры, замечания, дополнительные работы, снятие с работы и с производства, снятие с командирской работы, наконец, ходатайствовать об увольнении из коммуны перед Правлением.

Все коммунары делятся на отряды. Число отрядов и число коммунаров в каждом отряде, а также вопрос о принципе подбора коммунаров в отряде решается общим собранием по представлению совета командиров.

Отряду предоставляется несколько или одна спальня с точным по числу членов отряда количеством постелей и шкафов.

Отрядом командует командир отряда, у которого может быть один или несколько помощников. В каждой спальне должен быть один помощник на правах старшего по спальне.

Командир отряда избирается на шесть месяцев на общем собрании коммунаров (на специальном общем собрании). Каждый отряд выдвигает своего кандидата в командиры отряда.

Помощники командиров избираются советом командиров из состава отряда по представлению командира отряда на срок, равный сроку выбора командиров.

В случае надобности совет командиров имеет право отстранить командира от командования отрядом и избрать на его место другого коммунара с последующим утверждением этого на общем собрании коммунаров.

Командир отряда имеет право приказания в отряде в течение рабочего дня в школе, в спальне, в быту. Он отвечает за дисциплину в отряде, за чистоту спален, классов, постелей, одежды, лица, рук, за проветривание помещений и за сохранность оборудования спален и классов.

Он заботится об отряде, следит, чтобы все полагающееся отряду было выдано в срок и нормального качества, представляет все требовательные списки по заказу хозяйственной части.

Он назначает в совете командиров на работу. Каждый командир состоит членом совета командиров. Каждый день он обязан сдавать рапорт дежурному командиру.

В начале месяца командир должен составить распределение труда коммунаров по общей уборке, в течение месяца следить за правильным выполнением этого распределения. Он должен наблюдать за поведением отдельных коммунаров, беседовать с ними в случае их ошибок, следить за успехами их в школе и помогать им не отставать путем личной помощи или назначения отдельных старших товарищей из отряда.

Отряд, если он избран по принципу школьной группы, отвечает за определенный класс, его чистоту и сохранность оборудования.

На производстве все коммунары разделяются на бригады согласно производственной расстановке коммунаров. Бригада объединяет коммунаров, работающих на определенной группе станков в первую и вторую смену.

Бригада выделяет из своей среды бригадира, согласовывая его избрание с администрацией завода. Бригадир является руководителем бригады на производстве в области порядка и дисциплины.

Группа бригад, объединяющих определенный отрезок завода, руководится командиром группы, избираемым на тех же основаниях, как и командиры отрядов, участвующих в совете командиров и сдающих ежедневные рапорты на общих основаниях.

Командир группы отвечает за работу группы и прежде всего за выполнение промфинплана.

Командир отряда и командир группы не освобождаются от производственной и школьной работы и несут свои обязанности дополнительно и бесплатно.

На каждый месяц совет командиров избирает сторожевой отряд с отдельным командиром.

В совет командиров, кроме избранных командиров, входят с правом решающего голоса: начальник коммуны, помначальника коммуны, начальник хозяйственной части, начальник завода, врач, секретарь комсомольского коллектива, члены Правления коммуны.

Председательствует в совете командиров секретарь совета (ССК), избираемый общим собранием коммунаров вместе с командирами на шесть месяцев.

Совет командиров является главным руководящим органом коммунарского самоуправления, и все остальные органы обязаны перед советом отчетом и руководятся его указаниями и постановлениями.

Секретарь совета командиров (ССК) освобождается от работы на производстве и получает зарплату, равную его среднему заработку на производстве в момент его выборов.

ССК обязан приводить в исполнение все постановления совета командиров, наблюдать за работой дежурных командиров, издавать приказы от имени совета командиров и участвовать в решении всех текущих вопросов вместе с начальником коммуны.

ССК имеет право единолично накладывать взыскания и давать отпуска коммунарам и воспитанникам, посещать уроки всех курсов, имеет право приказания в течение дня.

Все командиры отрядов и бригад дежурят по коммуне по порядку номеров своих отрядов по двое каждый день.

Дежурный командир (ДК) на день своего дежурства освобождается от работы на заводе и получает зарплату

в размере среднего дневного заработка за данный месяц. ДК ведет весь рабочий день коммуны.

ДК подымает коммуну от сна в 6 часов утра, принимает рапорт ДЧСК о проведенной уборке коммуны, проводит поверку коммунаров, дает распоряжение о сигналах «на работу», «кончай работу», «в столовую», «на рапорты», «в клуб» и пр.

Он следит за своевременным приготовлением пищи, в столовой наблюдает за порядком, за правильным распределением пищи и ее подачей на столы.

ДК наблюдает за поведением коммунаров в течение дня, принимает гостей и делегации, наблюдает за порядком вечером в клубах и в классных помещениях, принимает рапорты командиров отрядов и отдает рапорт начальнику коммуны или его помощнику о прошедшем дне.

Все распоряжения ДК должны беспрекословно выполняться всеми коммунарами. Он имеет право снять с работы, с классной группы и удалить из столовой, клуба и другого помещения коммунара, нарушающего порядок и не подчиняющегося его приказаниям. ДК должен всегда находиться в парадной форме и иметь на левом рукаве красную повязку.

Санитарная комиссия избирается общим собранием коммунаров одновременно с советом командиров в составе семи членов. Она устанавливает правила поддержания чистоты в коммуне, чистоты одежды и тела коммунаров, порядок уборки, порядок смены белья и пользования баней, делает выводы о санитарном состоянии целых отрядов, отдельных коммунаров и помещений в коммуне. Все члены санкомиссии дежурят по очереди в течение одного рабочего дня.

Дежурный член санитарной комиссии (ДЧСК) свое дежурство проводит вместе с ДК и является главным его помощником.

ДЧСК принимает утреннюю уборку коммуны и классов после конца занятий каждой смены, принимает станки после конца работы, наблюдает за сохранением чистоты в коммуне, в столовой, отдает вечером обычный рапорт ДК. ДЧСК носит повязку на левой руке с красным крестом. Утренняя уборка коммуны распределяется в совете командиров на месяц вперед между отрядами коммунаров; распределение ее между членами отряда производится самим отрядом.

Столовая комиссия избирается общим собранием коммунаров в составе трех коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев.

Столовая комиссия вместе с начальником хозяйственной части устанавливает сметы расходов на пищу, устанавливает меню на каждый день, следит за его выполнением. Руководство свое столовая комиссия проводит через старшую хозяйку, назначаемую советом командиров на каждый месяц. Старшая хозяйка освобождается от работы на производстве и получает зарплату по среднему сдельному за прошлый месяц.

На обязанности старшей хозяйки лежит: наблюдение за правильным получением продуктов на кухне, правильным их использованием и за выдачей пищи в столовую.

Каждый коммунар должен приходить в столовую в свою смену и занимать принадлежащее ему место, ожидая, пока ему подадут пищу.

Хозяйственная комиссия избирается общим собранием коммунаров вместе с советом коммунаров сроком на шесть месяцев в составе трех командиров. Хозкомиссия вместе с начальником хозчасти, комендантом и кастеляншей ведет учет и ведает заготовлением и распределением одежды коммунаров, следит за правильностью ее носки и вынесением в расход. Она ведет учет мебели в коммуне, ведает ее распределением в помещениях коммуны, ее целостью и сохранностью, вовремя отдает ее в ремонт или чистку.

Клубный совет, ведающий всей клубной самодеятельной работой, избирается общим собранием на шесть месяцев в составе пяти коммунаров.

На каждый день клубный совет выделяет дежурного члена клубного совета, на обязанности которого лежит наблюдение за дневным течением клубной работы и отдача рапорта вечером ДК.

Оркестр выделен из ведения клубного совета и непосредственно подчиняется совету командиров. В оркестр коммунары входят по своему добровольному желанию, но, один раз записавшись в оркестр, коммунар не имеет права оставить его до своего выхода из коммуны. Во главе оркестра стоит командир оркестра, который отвечает за дисциплину в оркестре, за исправность инструментов, за порядок в музыкальной комнате и помогает капельмейстеру в его учебной и концертной работе.

Штаб соцсоревнования избирается общим собранием коммунаров сроком на шесть месяцев в составе трех лиц. Штаб соцсоревнования вырабатывает нормы измерения успехов соревнования по школе, быту и дисциплине и в постоянном согласовании с педагогическим советом, учетным аппаратом производства и советом командиров ведет учет показателей по всем линиям соревнования, отображает их на специальной диаграмме, вырабатывает модусы премирования и список премируемых лиц и представляет их в Правление коммуны. Лучшие отряды по быту и школе в порядке премирования получают одно из двух коммунарских знамен. Каждого первого числа заканчивается цикл премирования и передача знамен.

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ СТРАНИЦЫ

(Вехи, события, факты)

1927 ГОД

Апреля 9. Заседание Коллегии ГПУ УССР, на котором постановлено увековечить память вождя и учителя Ф. Э. Дзержинского открытием детской трудовой коммуны его имени.

Октября 20. Назначение первого персонала в коммуну. Этот персонал был невелик: заведующий коммуной А. С. Макаренко, воспитатель Т. Д. Татаринов, завхоз из Ахтырки — Опришко и из Ахтырки же повар.

Декабря 25. Прибытие в коммуну первой партии коммунаров из колонии имени Горького — 50 мальчиков и 10 девочек...

Декабря 28. Выборы первого созыва совета командиров. Секретарем был избран Митя Чевелий, человек черноглазый, энергичный в высшей степени. Первым делом совета командиров было организовать коммунарский быт, распределить коммунаров по мастерским. Это было сделано в течение часа. Сейчас Митя Чевелий учится в одном из институтов в Ленинграде.

Декабря 29. Торжественное открытие Трудовой коммуны имени Дзержинского и вручение коммунарского знамени коммунарам от Коллегии ГПУ УССР.

1928 ГОД

Января 9. Избрано первое правление коммуны.

Января 11. Прием из коллектора новых коммунаров,

взятых с улицы, в количестве 40 человек. Коммунарскому коллективу пришлось истратить много сил на приведение их в порядок. В настоящее время все они составляют правящий актив коммуны, многие уже вышли в самостоятельную жизнь. В эту группу входят Фомичев, Миша Бондаренко, Ряполов и др.

Января 15. Организация оркестра коммунаров. Около 30 труб белого металла составили первое музыкальное богатство коммунаров. Появился и В. Т. Левшаков — несменяемый с тех пор капельмейстер. Первые звуки музыкантов причинили много страданий всему коллективу: некуда было спрятаться от душераздирающих звуков.

В настоящее время коммунарский оркестр — один из лучших самодеятельных оркестров в Харькове и на Украине, исполняет Бетховена, Шуберта, Листа, Моцарта, Мусоргского.

Января 15. В коммуне организован комсомольский коллектив.

Января 15. Первое заседание новой комсомольской ячейки коммунаров-дзержинцев. Всего комсомольцев организовалось 15 человек. Первым секретарем комсомольской ячейки был избран коммунар Крупов, ныне студент Инхоза в Харькове.

Первой заботой комсомольской ячейки было организовать пионеротряд. Большинство коммунаров принадлежало к пионерскому лагерю.

Января 16. Правлением трудкоммуны были утверждены план и программа учебно-воспитательной работы и правила приема в коммуну.

Января 16. Посещение коммуны членами правительства.

Февраля 4. Утверждение Правлением «Конституции Коммуны».

Февраля 12. Посещение коммуны секретарем ЦК КП(б)У тов. Постышевым.

Апреля 27. Выборы совета командиров II созыва, — секретарь Боков. Ваня Боков очень не хотел быть ССК, но общее собрание сильно на него обиделось: как это так не хочет. Ваня всегда был убежденным металлистом, и «бюрократическая деятельность» вызывала у него презрение.

Мая 1. Первый поход коммунаров на майские торжества со своим оркестром. Оркестр играл 2 марша. Сейчас Лев-

шаков уверяет, что он не играл, а «репижил». Это не мешало коммунарам в то время гордиться своим оркестром...

Мая 9. Ваня Боков решительно подал в отставку, тем более что и слесарная мастерская протестовала против слишком сильного оголения слесарного фронта. А слесарная мастерская в это время уже выполняла сдельный заказ: делала ячейки для билетов городской станции железных дорог.

Общее собрание уступило просьбе Вани Бокова и на его место выбрало Нину Ледак. О, это был командир! Коммунарским неряхам и лежебокам с этого дня не стало простора в коммуне. Очень строгая была девочка, а на вид всегда веселая, улыбающаяся. Сейчас ни Нины, ни Вани в коммуне нет. Ваня во главе ремонтного цеха ф-ки «Динамо», а Нина Ледак заканчивает вуз в Ленинграде.

Мая 11. Правлением дана установка коммуне: воспитать классово-сознательного и грамотного пролетария со средней производственной квалификацией.

*Мая 21.*Коммуну посетили шахтеры брянских и первомайских рудников.

Июня 7. Постановление СНК об утверждении — по ходатайству ГПУ УССР — организации Детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Июля 8. Встреча коммуной на Харьковском вокзале Максима Горького. Коммунары выстроились на перроне со знаменем и оркестром и заставили прослезиться Алексея Максимовича.

Июля 9. Посещение коммуны Максимом Горьким. Для встречи коммунары выстроились с большими интервалами по всей дороге, но не выдержали парадных поз и вслед за машиной просто побежали в коммуну. Алексей Максимович с любовью осмотрел коммуну и сказал ребятам, что он всегда с молодым поколением, потому что оно лучше всех идет вперед.

Июля 31. Коммуну посетила ленинградская пионерская делегация.

Августа 23. Коммуну посетила французская делегация Конгресса Коминтерна.

Сентября 1. Выборы совета командиров III созыва. ССК был избран Вася Дашевский — деревообделочник. Вася был покладистый человек, веселый, и его избрание обозначало усиление демократических начал...

Сентября 1—15. Прием в коммуну с улицы и из детских домов 50 новых коммунаров, из них 20 девочек. В коммуне стало гораздо теснее и веселее. Заметно прибавилось девочек, пришли самые основные «девчачьи» кадры — Харланова, Сторчакова, Вехова.

Октября 1. Посещение коммуны эстонской рабочей делегацией.

1929 ГОД

Января 1. Комсомольская ячейка достигла 32 человек. Она уже развернула школу в подшефном хуторе Шишковке и начала руководить работой внутри коммуны. Секретарем избран коммунар Менде. Теперь он киномеханик на юге Украины.

Января 23. Коммуну посетила делегация бакинских рабочих.

Февраля 1. Выборы совета командиров IV созыва. ССК — Теренин. Это было время упадка коммунарского самоуправления и общего тона жизни коммунарского коллектива. Производство коммуны — деревообделочная, слесарная и швейная мастерские — топталось на месте. Делали какие-то шкафы, делали вручную; они выходили дорого и давали убыток. Слесарная мастерская просто не знала, что делать. Были тиски, фрезерный и револьверный станки. Коммунарский коллектив начинал уже скучать. Совет командиров Теренина был вялым и тащился в хвосте. Коммунарская энергия пошла больше на всякие игры, начали случаться кражи.

Мая 5. Выборы совета командиров V созыва. ССК — Таликов Петро. Таликов сразу повернул дело по-новому, да и совет командиров был с ним энергичный. На горизонте встало путешествие в Москву, и это сразу подняло дух коммунаров. На место зав. производством никого не прислали, но у нас был заказ на театральную мебель для нового клуба строителей в Харькове. Эту мебель — тысячу с лишним мест — мы делали напряженно и страстно. В мастерской деревообделочной работали все: столяры, слесари, девочки и педагоги, работали по 8 часов в день, заказ подвигался к победоносному концу.

Июля 13. Приветствие коммуны слетом пионеров в Харькове. Это был прекрасный вечер. Было уже чем похвалиться перед пионерами.

Июля 16. Заказ строителей сдан благополучно. Коммунары получили наличными несколько тысяч рублей. Рассчитались с главными долгами, и у нас осталось чистых 4000 рублей. Это — на московский поход.

Июля 17. Отпуск. Коммуна отбыла в Москву. У каждого коммунара есть карманные деньги, не больше, однако, 5 рублей, но с непривычки это огромная сумма.

Июля 20. И вот коммунары в Москве. Прежде всего посетили Мавзолей Ленина. Притихли под сводами Мавзолея. Этого момента давно с напряжением ждали.

Июля 30. Возвращение коммуны в Харьков.

Августа 9. Коммуну посетила китайская пионерская делегация.

Августа 14. Посещение коммуны американской пионерской делегацией.

Августа 25. Посещение коммуны делегацией жен рабочих Краснозаводского района Харькова.

Августа 30. Выборы совета командиров VI созыва. ССК переизбран Петро Таликов. Петро был хороший руководитель нашего самоуправления, бодрый, напористый и разумный. Но дни для коммуны настали трудные — новый зав. производством был человек ленивый, он продолжал производство клубной мебели, но все у него валилось из рук; как ни старались коммунары, а все убытки и убытки. Материала нет, мастеров хороших нет, договоры невыгодные, а спросить не с кого.

Сентября 1. Кризис в комсомольской ячейке. Менде был бездеятельным секретарем, и работа ячейки замерла. Секретарем избран в составе нового бюро Сергей Фролов. Это был очень добросовестный человек, но малоактивный и без инициативы. Комсомольские дела все же скоро пошли лучше благодаря назначению политруководителя коммуны.

Сентября 1. Открытие в коммуне вместо трудовой школы кустпромшколы. Это была пробная затея. Она не принесла хороших результатов и свидетельствовала только о нашей растерянности. Выходило так: производство кустарное, пусть уже и школа будет кустарная. Заниматься начали все же с завидным рвением — всякое знание полезно.

Ноября 17. Выборы совета командиров VII созыва. ССК — Митя Анисимов, улыбающийся, добросовестный и всегда оптимистически настроенный. Митя и его коман-

диры не могли улучшить положения коммуны. Комсомольская организация проявила в это время замечательную энергию, но нас заедала плохая организация производства. Зав. производством крыли на каждом общем собрании, крыло бюро, а он твердил только одно: подождите, все будет прекрасно.

Декабря 24. Организация в коммуне пошивочного цеха и расширение деревообделочного цеха.

1930 ГОД

Февраля 1. Выборы совета командиров VIII созыва. ССК — Разумовский Николай Павлович. Николай Павлович большой аккуратист, и его правительство привело коммуну в идеальный порядок со стороны всякой чистоты. Но бедны мы были тогда, как мыши. Убытки становились все больше и больше, сплошь и рядом в коммуне нельзя было достать рубля. Это было время нашей бедности.

Февраля 15. Перевыборы бюро комсомольской ячейки. Секретарем бюро избран Алексеенко. Это был второй неудачный выбор. Это обнаружилось очень скоро, а между тем в это время от комсомола требовалась большая работа.

Марта 12. Выборы секретаря ячейки ЛКСМ коммунарки Сторчаковой. В это время комсомол достиг уже 70 членов организации. Сторчакова дала работе комсомола серьезное направление. Этому соответствовали и ставшие перед комсомолом задачи — появление в коммуне настоящих производственных установок. Главным видом работы комсомола в это время сделалось управление коммуной в момент очень трудного операционного поворота. Комсомол с этим делом справился во всех отношениях блестяще.

Марта 13. Коммуна приобрела 3 старeньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки, делали стандартную мебель, тысячами шили трусики — это во всяком случае было производство.

Апреля 10. Введение зарплаты для коммунаров. Это была большая реформа. Усилилась ответственность коммунара, усилилась производительность.

Апреля 10. Выборы совета командиров IX созыва. ССК — Вася Камардинов. Командиры IX созыва сразу

начали борьбу с неполадками производства (за лучшее качество, за своевременное выполнение заказов и т. д.).

Июня 1. Переход коммуны на полную самоокупаемость. В коммуне сразу появился капитал — необходимое следствие производительного труда.

Июня 1. Начало постройки сборного цеха деревообделочной мастерской. Он был выстроен из всякой чепухи — дикта, обрезков, тряпок и земли, но имел колоссальные размеры. Коммунары в шутку называли его «стадионом». В связи с этим цехом много драм было в коммуне. Но этот цех все же дал возможность выпустить массовую продукцию. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи столов, стульев, чертежных столов и прочее. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы в 3000 рублей.

Июля 6. Выборы совета командиров X созыва. ССК — Харланова. Это был серьезный совет командиров. Он продолжал политику Камардинова, но борьба шла уже за лучшее будущее. На горизонте появился будущий завод — еще неизвестно какой, но некустарный. Ближайшая перспектива украсилась крымским походом. Средства для этого у коммунаров уже были.

Июля 12. Посещение коммуны чехословацкой рабочей делегацией.

Июля 29. Выезд коммунаров в крымский поход. Отправились тремя эшелонами.

Июля 30. Коммунары прибыли в Севастополь. Последний эшелон прибыл в Севастополь в 2 часа ночи; ночевать коммунарам было негде, поэтому построились и двинулись в ночной поход. В 7 верстах от города остановились в горах и заночевали.

Августа 1. Прибытие коммунаров в Байдары. Смычка с байдарским комсомолом.

Августа 2. Знаменитый переход коммунаров через Чертову лестницу и 40-верстный марш в Симеиз. В Симеиз пришли в 10 часов вечера и разбудили публику громом своего оркестра. Ночевали в рабочем клубе.

Августа 3. Прибытие коммуны в Ялту. Остановились в лагере на самом берегу моря.

Августа 31. Возвратились в Харьков, отдохнули, покупались, поправились и с новой энергией набросились на новую работу. Главным событием в коммуне в это время было открытие собственного рабфака.

Сентября 9. Перевыборы бюро комсомола. Секретарь

ячейки ЛКСМ — Акимов. Акимов был хороший производственник и ударник. Производственный рост коммуны правильно выдвинул его во главу комсомола. Комсомол принял самое деятельное участие в производстве. Нужно отметить вообще большое оживление комсомольской работы в это время — по связи с селом и городом, по работе рабфака и политучебе. Именно в это время комсомол в коммуне стал действительным руководителем коллектива.

Сентября 15. Торжественное открытие рабфака при коммуне. Это был чрезвычайно важный шаг вперед. Открытие рабфака Машиностроительного института сообщало коммуне характер серьезного политехнически-гармонированного учебно-производственного комбината и открывало большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства.

Сентября 25. Посещение коммуны пограничниками.

Октября 15. Начало постройки дороги к Белгородскому шоссе. Сейчас мы не замечаем этого блага, а тогда коммуна много страдала от отсутствия дороги. При малейшем дожде, особенно осенью и весной, добраться до коммуны было невозможно. От этого в особенности страдало производство, нельзя было доставить материалы, нельзя было просто поехать в город. Шоссе строилось при большом участии коммунаров.

Октября 16. Уничтожение в коммуне должностей воспитателей. Коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами поддерживать в коммуне установленный порядок и дисциплину.

Октября 17. Выборы совета командиров XI созыва. ССК — Дорошенко. Это был совет командиров, состоящий из интеллигентов. Полукустарное производство перестало удовлетворять коммунаров, они на нем добросовестно работали, но увлекались рабфаком. Школа и образование стали наиболее притягательным приложением их энергии.

Декабря 3. Посещение коммуны красными фронтовиками Германии.

1931 ГОД

Февраля 7. Выборы совета командиров XII созыва. ССК — Никитин. Началась эпоха реализации давней

мечты о новом заводе. В коммуне появилась группа инженеров, — началась напряженная работа мысли: какой нам нужен завод? Скоро мы решили, что будем строить завод электроинструментов. На многих заседаниях Правления и совета командиров обсуждались детали этого завода, материальные возможности и возможности рабочие.

Марта 13. Утверждение проекта строительства нового завода, общежития, клуба и гаража.

Марта 22. Посещение коммуны делегацией рабочих-ударников харьковских предприятий.

Апреля 20. Организация комсомольских цеховых ячеек в коммуне.

Мая 1. Посещение коммуны коллективом ГПУ УССР.

Мая 10. Положено основание в коммуне парторганизации, основана партгруппа.

Мая 13. Торжественная закладка корпуса новых спален и завода электроинструментов. Коммунары выстроились при знамени и оркестре, и Ленька Алексюк, самый молодой коммунар, заложил первый камень.

Июля 14. Начало кавказского похода. Кавказский поход давно значился в плане — еще осенью прошлого года. Сейчас нужно было выезжать поневоле. Все корпуса коммуны были разорены — началась перестройка и приспособление коммуны для нового большого коллектива коммунаров. Коммунары после прощального вечера в ГПУ отправились ночью на вокзал и выехали утром на юг.

Июля 16. Прибытие коммуны во Владикавказ. Кавказ нас встретил проливным дождем. Нельзя было организовать обоз, нельзя было просто выйти из вагона. Только на другой день — 17 июля коммунары выступили в поход по Военно-Грузинской дороге, сопровождаемые обозом из 6 парных арб. На 8-м километре вышли из дождя и весело зашагали по направлению к Тифлису. Ночевали в тесной школе в Ларсе.

Июля 19. Уже подходили к станции Казбек, в 50 километрах от города, как вдруг обнаружилось, что дорога вконец размыта Тереком и переправиться через разлив невозможно. Общее собрание у замка Тамары небольшим большинством постановило направиться в Тифлис через Баку. Отошли к деревне Чми, в 25 километрах от города, и остановились на ночевку, а во Владикавказ послали разведку позаботиться о поезде.

Июля 21. Только на другой день нам обещали вагоны, но обещания не выполнили, и колонне коммунаров со всеми вещами и провизией, заготовленной на всю дорогу до Тифлиса, пришлось садиться в переполненный поезд. Эта «трагическая», но славная история известна в коммуне под названием «Посадка в Беслане».

Июля 21. Утверждение проекта реорганизации производства. Утверждение нового набора в коммуну в 150 человек.

Июля 23—25. Коммунары в Баку. На промысле Биби-Эйбат коммунары хорошо познакомились с нефтяниками и их делом. Салютовали знамени Биби-Эйбата, подаренному Харьковским горсоветом. Вечером были в рабочем парке, где провели смычку с рабочими.

Июля 26—28. Тифлис. Древности Тифлиса, музеи, вечера в клубе ГПУ.

Июля 29. Коммунары в Батуме. Здесь нас особенно ласково приняли, угостили катанием на озере. Ночь просидели на пристани, а утром были уже на борту «Абхазии», чтобы плыть в Сочи.

Июля 31. Прибытие коммунаров в Сочи; разбит лагерь; целый месяц коммунары купались, отдыхали, дружили с обитателями домов отдыха и санаториев, ловили медведей, лазили по горам и с горячим интересом читали письма из коммуны, в которых описывались дела строительные. Эти дела определенно затягивались, и коммунары уже начинали нервничать. Выходило так, что возвращаться в коммуну некуда.

Сентября 1. Месяц в Сочи кончился. Решили поехать в Одессу, пожить там недельку и познакомиться с этим городом. Ночью погрузились на теплоход, и 3 сентября были уже в Одессе. Пребывание в Одессе было испорчено плохой столовой, а самое главное — плохими вестями из коммуны. Наконец коммунары заявили, что они все равно едут домой, чтобы скорей помочь окончанию строительства.

Сентября 17. Возвращение коммуны в Харьков. Спать негде, есть негде, учиться негде; расположились прямо на полу столовой.

Сентября 17. Утверждение проекта строительства дома ИТР коммуны. Установлен срок выпуска первой электросверлилки на 1 апреля 1932 года.

Сентября 18. Объявлен первый коммунарский штурм окончанию строительства. Штурмовые колонны коммунаров бросились на непривычную работу: бетонирование, подноска кирпичей, разборка лесов, планирование площадок, устройство цветников. Конец работы был назначен на 7 ноября, но в успехе многие сомневались.

Сентября 22. Выборы совета командиров XIII созыва. ССК — Швед. Это был самый энергичный, самый боевой и самый победоносный совет. Очень трудная работа по строительству была еще более отягчена приемом новеньких, которых нужно было приготовить для работы на заводе.

Сентября 30. Посылка вербовочной комиссии по Украине для набора новеньких.

Октября 1—19. Прием в коммуну первой полусотни новых коммунаров.

Ноября 7. На торжественном заседании коммуна рапортует об успешном окончании строительства завода и спален и монтаже станков.

Ноября 13. Массовый набор беспризорных с вокзала. Взвод беспризорных стал в строй коммунаров и с маршем был приведен в коммуну. Здесь было совершено торжественное сожжение их одеяний, и они вступили в коммунарский коллектив.

Ноября 27. Посещение коммуны председателем ВЦСПС тов. Шверником.

1932 ГОД

Января 7. Торжественный пуск председателем ВУЦИКа Г. И. Петровским первого в Союзе завода электросверлилок коммуны имени Дзержинского.

Января 11. Выпущена первая электросверлилка.

Января 18. Объявлен второй коммунарский штурм по случаю неудовлетворительного выпуска продукции.

Января 20. Число коммунаров достигло 300 человек.

Февраля 2. Утверждение годовой программы выпуска 7000 штук электросверлилок.

Февраля 21. Посещение коммуны делегацией писателей, литераторов и поэтов Москвы и Ленинграда.

Мая 10. Выборы совета командиров XIV созыва. ССК— Землянский.

Мая 28. В первый раз заводом выпущено 50 электросверлилок в день.

Мая 29. Новый подбор на вокзале 30 новых воспитанников.

Июня 2. Начало проектирования производства фотоаппарата типа «Лейка» (ФЭД).

Июня 21. Введение в учебный план коммуны военизации коммуны.

Июня 21. Постановление Правления о начале проектирования электрошлифовалки и более мощной электросверлилки типа «Блек и Деккер».

Организация специального экспериментального бюро по разработке пленочного фотоаппарата типа «Лейка».

Перевод завода на хозрасчет.

Утверждение строительства бани-прачечной, водопровода и канализации.

Июля 6. Постановление о переходе цехов на хозрасчет.

Июля 16. Начало 3-го коммунарского штурма за 1000 сверлилок в июле.

Июля 30. Выпуск в июле 1002 сверлилок.

Июля 31. Выезд коммунаров в отпуск в Бердянск.

Августа 31. Возвращение коммунаров из Бердянска.

Сентября 8. Перевыборы бюро комсомольского коллектива.

Секретарем избран Швед.

Коммуна имела уже три цеховые ячейки, и общее число комсомольцев достигло 180 человек. Комсомольская организация уже имеет большой опыт производственной и организационной работы.

Сентября 15. Пять коммунаров вступили в военно-инженерные институты и 13 — в Харьковский машиностроительный институт.

Сентября 20. Выборы совета командиров XV созыва. ССК — Волченко. Этому созыву выпала честь праздновать 15-летие Октября и 5-летие коммуны. В коммуне снова большие планы впереди.

Октября 26. Выпуск первых трех фотоаппаратов.

Октября 31. Экспертизой профессоров и специалистов по фотоаппарату «ФЭД» признан хорошим, не уступающим заграничному образцу, с некоторым преимуществом в оптической части (исследование ГОИ).

Ноября 9. Начало постройки жилого дома для инженерного и рабочего коллектива завода фотоаппаратуры.

Ноября 9. Организовано управление строительством завода фотоаппаратуры «ФЭД» при коммуне.

Ноября 14. Начало изготовления технического проекта завода пленочного аппарата типа «ФЭД» производительностью 30 000 аппаратов в год.

Ноября 16. Утверждение новой схемы управления электроинструментального завода.

Тогда же — организация оргбюро по постройке завода пленочной фотоаппаратуры.

Ноября 27. Утверждение контрольных цифр промфинплана на 1933 год:

электросверлилок «ФД-1» — 7000 штук, электрошлифовалок «ФД-2» — 1500, электросверлилок «ФД-3» — 1000, штативов «ФД-1» — 1750, штативов «ФД-3» — 250.

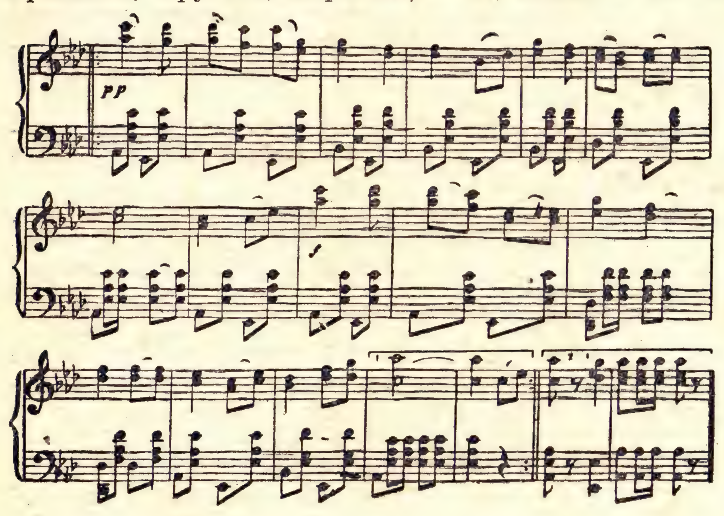
Декабря 13. Организация в коммуне ИТС.

Декабря 26. Закончена годовая производственная программа.

Декабря 28. Выпуск в СССР первой серии пленочных фотоаппаратов типа «ФЭД».

Декабря 29. Пятилетие коммуны.

За пять лет существования Трудкоммуны имени Ф. Э. Дзержинского последнюю посетили 214 делегаций: СССР — 87, Германия — 37, Франция — 16, Англия — 17, Южная Америка (Перу, Чили, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай) — 11, САСШ — 8, Испа-



Ноты марша Дзержинец.

ния — 7, Чехословакия — 4, Бельгия — 3, Польша — 3, Галиция — 2, Швеция — 2, Дания — 2, Швейцария — 2, Венгрия — 1, Китай — 1, Индокитай — 1, Голландия — 1, Норвегия — 1, Австралия — 1, Филиппины — 1, Египет — 1, Эстония — 1, эсперантистов — 4.



Ноты марша Дзержинец

МАРШ ДЗЕРЖИНЕЦ

Муз. *В. Левшакова*

Дзержинцы, дни прекрасные
Впереди цветут.
Вас знамена красные
К лучшим дням ведут.

Великими дорогами
Коммуна пусть идет,
Эй, веселей, эй, веселей...
Трубами вперед!

Дни тяжелые забыты,
С лучшей долей, с лучшей волей
Наши жизни перевиты
Песней молодой.

Коммунары, трудовой дорогой,
Вспоминая подвиги отцов,
Бодрым маршем идите к жизни новой,
Маршем радостным новых борцов.

СЛОВО УЧАСТНИКАМ МАРША

В. Н. ТЕРСКИЙ

Терский Виктор Николаевич (1898—1965).

Соратник А. С. Макаренко, заслуженный учитель школы РСФСР, работал в колонии имени А. М. Горького с 1924 года и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского до 1939 года. Педагог огромной эрудиции и разносторонних умений, В. Н. Терский руководил в колонии и коммуне клубной работой. Последние двадцать пять лет В. Н. Терский работал в детских воспитательных учреждениях Подмосковья, Урала и Калининградской области.

Учительскую и общественную деятельность В. Н. Терский сочетал с разработкой вопросов творческого использования и развития идей А. С. Макаренко. Основные книги: «Игра. Творчество. Жизнь», «Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко».

Я понимаю «Марш 30 года» как описание основных элементов деловой педагогической системы. Я понимаю систему Макаренко как систему работы воспитательного коллектива, созданную коллективом и применявшуюся коллективом.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что «Марш 30 года» написал не только превосходный писатель, а и великий педагог, который поставил перед собою цель: научить людей воспитывать детей по-новому, по-коммунистически. Н. Г. Чернышевский требовал от настоящей книги, чтобы она была учебником жизни. «Марш 30 года» А. С. Макаренко — это учебник нашей жизни и созидания, это учебник воспитания поколений будущего.

КАЧЕСТВО

К описанному Антоном Семеновичем я постараюсь добавить то, что сам лично знаю и что считаю существенным.

А. С. Макаренко начинает «Марш» с описания главного здания коммуны. И это не случайно. Уже в том, как было построено здание, мы, работники и воспитанники коммуны, видели реальное воплощение наших планов, проектов и требований. Поэтому мы были так счастливы и горды. Мы получили то, о чем могли только мечтать.

Все в коммуне было размещено очень умно, представляло собой стройный ансамбль. Не выходя на улицу и не занося пыли со двора, можно было пройти из кабинета Антона Семеновича в его квартиру, в читальню и библиотеку, в столовую и на кухню, в спортзал и мастерские, в туалетные комнаты с душами и мраморными умывальниками, о которых давно мечтал Антон Семенович, в зрительный зал театра, за его кулисы, на балкон и на сцену, в комнаты клуба, в спальни мальчиков и девочек, в любой класс школы, пройти по широким, светлым коридорам с отличной вентиляцией. Все время мы будем идти по блестящему паркету, нигде не увидим ни пылинки, ни соринки, все будет всегда в исправности. Мы побываем на двух этажах, с этажа на этаж мы поднимемся по широкой светлой лестнице, по мягкому, всегда чистому ковру.

Позже, когда был построен завод электроинструмента, и туда можно было пройти по крытой галерее, не выходя во двор.

До женитьбы Антон Семенович жил в главном здании коммуны. Квартир для сотрудников не хватало, и первое время (1927 и 1928 годы) я жил вместе с Антоном Семеновичем в одной комнате. Позже ее переоборудовали под больничку.

Эта комната была на перепутье всех дорог в здании. Она была у главного входа как раз за вестибюлем, через коридор. Он вел и в столовую, комнату совета командиров, в кабинет А. С. Макаренко, в классы школы и библиотеку. А поперек этого коридора, прямо из вестибюля шла лестница — на второй этаж: в клуб, спальни коммунаров, душевую; если не подниматься по лестнице, а идти от входа прямо, то вы попадали в спортзал и мастерские.

Таким образом, проходя из квартиры в свой кабинет, Антон Семенович постоянно встречался с коммунарами, постоянно сам был на виду и видел всех, находился в самом центре коммунарской жизни. Такое местопребывание Антона Семеновича в первые годы существования коммуны имело большой смысл во многих отношениях. От квартиры до кабинета было не более шести шагов, в кабинете был телефон, обеспечивающий постоянную связь с Харьковом.

Пребывание Антона Семеновича в самом здании общежития имело смысл не только как мера обеспечения по-

рядка налаживающейся жизни коммуны, но и как гарантия выполнения его моментальных распоряжений и организованных действий коммунарской массы.

Коммуна, особенно в 1932—1935 годах, располагала большими материальными возможностями, но никогда в коммуне ни в чем и ни у кого излишеств не было. Все было в рамках высоких потребностей и разумного. Ничего лишнего. Это был принцип.

Отрицая роскошь, Макаренко добивался полного и подлинного комфорта. В 1930 году педагоги, живущие при коммуне, перебрались в отлично по тому времени оборудованный дом инженерно-технических работников. Новый четырехэтажный дом имел балкончики, паркетные полы, большие окна и очень хорошую мебель.

Антон Семенович не спросил меня, как мне нравится новая квартира, а спросил — чего мне не хватает. Я сказал, что мне не хватает ванной комнаты. И через два дня я был переселен в квартиру с ванной. Такая квартира в доме ИТР была единственной. Ванна мне действительно была очень нужна в связи с частыми заболеваниями легких. Вынужден заметить, что никто из руководителей, с которыми я имел дело после Макаренко, не мог признать такое мое желание естественным; многие даже взрывались гневом, как будто я хотел Луну с неба, хотя возможностей у них было больше, чем у Макаренко, а болеть с возрастом я стал чаще.

Я увлекался изобразительными искусствами и всевозможным конструированием. Поэтому у меня в квартире и во всех комнатах коммуны было множество шкафов, набитых кистями, красками, гипсовыми пособиями, бумагой, картоном, инструментами, материалами, книгами, приспособлениями, моделями и прочим. Антон Семенович всегда интересовался: не надо ли еще чего-нибудь, и работа редко приостанавливалась из-за отсутствия нужного материала. Клуб снабжался материалами и всем необходимым наравне со школой и заводами; для отдела снабжения обеспечивать клуб было также обязательно. Но практически мы все нужное для клуба приобретали зачастую быстрее за счет собственной деятельности клуба.

Стоило пожить несколько дней в коммуне, как вы замечали и такую особенность: всегда и везде чисто и все исправно.

В те времена в иных учреждениях, и не только детских, бывало так: чистота постоянно наводилась, но постоянно было грязно. Одни моют и убирают, другие пачкают и сорят, как на вокзале, где нет соответствующей организации, где нет человека, который не пустит никого в помещение с грязными ногами. В коммуне на посту дежурный. Он вежливо скажет: «Вытрите ноги — вот у входа решетка, щетка, тряпки — все, что надо для того, чтобы сделать ноги совершенно чистыми». Все организовано. Попробуйте ухитриться незаметно насорить: бросить окурок, бумажку, плюнуть в угол и т. д. Это вам не удастся. Так же как невозможно незаметно стащить рояль из фойе театра. Обязательно кто-нибудь из малышей остановит вас и заставит убрать за собой. И вы это сделаете непременно, потому что в случае малейшего сопротивления с вашей стороны вы увидите уже не одного малыша, а неизвестно откуда появившуюся, словно выросшую из-под земли группу коммунаров, настроенную явно решительно.

Сорить и пачкать, портить что-нибудь тут просто нельзя, невозможно, и всякий, кто этого еще не знает, почувствует это сразу.

Тут везде всегда чисто не потому, что все время идет уборка, а потому, что никто не сорит и не пачкает. Уборка делается утром, авральная. Вы ее не заметите, так быстро она проходит, хотя все убирается и чистится очень тщательно. Это тоже организация плюс техника. Организация в том, что каждый отряд и каждый человек точно знает, где и как он убирает, за что он персонально отвечает.

Техника же — в чуланчике под лестницей, где все необходимые для уборки инструменты и материалы и всегда все на месте, потому что до деталей продуман порядок выдачи, пользования, хранения, проверки. Все так точно и разумно, что никто не надрывается и не нервничает. Все так спокойно и непринужденно действуют, что вы и не заметите напряжения коммуны, потому что и стиль труда настоящий — высокий рабочий стиль. Попробуйте только показать, что вы много работаете, и на вас посмотрят с презрением. Он много работает! Много работает тот, кто не умеет работать! Хороший мастер работает не много, а делает много, укладываясь в норму времени. Много работают неумейки! Вот если вы умеете

много, а главное, хорошо делать — это совсем иное дело! За это вас будут уважать и ценить. А если вы еще делаете это все весело, не кряхтите и не охаете, то тут уж в вас будут влюблены. И совсем шикарно, если вы ухитряетесь делать все незаметно, неизвестно когда. Дело сделано, а вы вроде бы и не работали, а гуляли. Это вызовет восторг.

В коммуне было 12 велосипедов на 960 ребят. И эти велосипеды всегда были в исправности, потому что ребята, которые ими пользовались, были прежде научены правильно пользоваться велосипедом, а потом уже катались.

Так же я сделал в Знаменском детском доме в 1951 году. Шефы подарили детям велосипеды. Мы разбирали один из них и собирали. Все по очереди, пока ребята не поняли устройства этой несложной машины. Освоили чистку, смазку, регулировку, уход за цепью и все прочее. Потом дети стали учиться ездить. Катались все лето, и ребята знали, кто за что отвечает. Все машины были в порядке.

И все-таки материальная база коммуны имени Ф. Э. Дзержинского не является по нашим сегодняшним понятиям идеалом. Многое мы сейчас можем делать и лучше и дешевле. Нет сомнения в том, что, избежав распыления государственных средств, мы можем, должны создавать более совершенную базу детских учреждений, в особенности школ-интернатов. Для этого надо только шире использовать наш замечательный принцип заинтересованности и предоставить детским учреждениям бо́льшую свободу при большей ответственности и принципиально иной, лучшей системе распределения и контроля.

Беда в том, что педагогика продолжает оставаться на положении иждивенца, иждивенца очень дорогостоящего, тогда как в нашем обществе она может и должна стать равноправным и созидающим членом его. И разве Макаренко не показал, каким путем можно прийти к этому? Показал! Надо видеть! Надо хотеть понять.

Для этого в нашей педагогической практике и теории, во всем деле воспитания и образования надо твердо и последовательно добиваться качества. Глава о качестве должна стать первой и самой важной главой нашей педагогики. Вот почему Антон Семенович начинает «Марш» с рассказа о том, как добротно, предусматривая все мелочи, строили коммуну чекисты.

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ

Самолет выруливает на стартовую площадку, разбегается и, набирая скорость, взмывает в небо.

Именно так начинался и каждый день коммуны. Только как-то мощнее, сложнее и красивее, так как отправлялся в путь большой коллектив, для которого каждый новый день был еще одним шагом вперед.

Таково ощущение жизни коммуны, самое общее.

Все как будто отлично. Но чуткое ухо Антона Семеновича улавливает какие-то неясные шорохи, что-то его тревожит. Лицо Макаренко озабочено. Он смотрит далеко вперед. Его мозг, как прожектор, освещает путь, он боится прозевать нужный поворот. Так летчик реактивного самолета, учитывая огромную скорость движения задолго до места, где нужно повернуть, думает и прицеливается, чтобы поворот вышел чисто и точно. Движение коллектива коммуны очень быстрое, все четко, на полном напряжении всех сил и возможностей.

Тем более надо быть начеку! Еще ничто не внушает тревоги, все гладко, мчимся вперед, а Антон Семенович уже думает, думает о грядущем.

Как всегда в подобных случаях, мысль рождается не на торжественном собрании и даже не на официальном совещании. Нет ни совещания, ни заседания, ни протокола. Просто Антон Семенович собирает у себя в кабинете обычную инициативную группу. Людей немного: кое-кто из педагогов, секретарь комсомольского бюро, старые коммунары. Беседа неофициальная. С паузами. А раз с паузами, то ясно, что дело серьезное, думать надо хорошенько.

Как всегда в подобных случаях, речь заводит сам Макаренко:

— Все ничего. Но не нравится мне, что ребята стали как-то дробиться, уединяться по кружкам, как единоличники, что ли. Каждый копается в своем деле. Мало чувствуется общая связь всего коллектива. Надо делать что-то объединяющее, общеколлективное!

— Воскресник, — предлагает кто-то.

— Прогулку общую, — говорит другой.

Макаренко морщится по-своему, особенно. В это время его глаза за пенсне становятся совсем невидимыми, прищуриваются, почти закрываются.

— Воскресник? Это же на один день. А потом? Воскресники подряд? Однообразно. Прогулки?... Нет, не то, не то...

Не помню, кто именно, по-моему, он сам, предлагает:

— Поход! Марш!

«Какой теперь может быть поход, — мелькает в голове у некоторых, — осень же, дожди, холод, грязь!»

Слух у него хороший, шепот сомнений он понимает с полуслова. Улыбается своей открытой, широкой улыбкой: «Именно сейчас, сегодня!»

— Но сегодня рабочий день, план сорвется, — волнуется завпроизводством, инженер Соломон Борисович Коган, — лучше завтра, завтра выходной.

— Именно сегодня! Но надо, чтобы это предложили сами коммунары. Понятно? Сегодня выдвигаем идею летнего похода, на этой идее объединяем всех. Разрабатываем маршрут похода до 1 января — успеем за четыре месяца сделать это как следует. В апреле поедет разведка, с окончанием учебного года идем в поход!

Это предварительный обмен мнениями, еще ничего не решено, поэтому о них никто не распространяется.

Вечером общее собрание. Никто ничего не знает (но фактически все знают все).

На собрании летний поход предлагает Алексюк. Это самый маленький наш малыш. Он так мал, что верит в то, что это он придумал все сам. И на самом деле придумал он, ему не подсказали. Он действительно хочет такого похода, давно мечтает о нем.

Собрание было бурным, но вопрос о походе был основным и главным. Его смаковали, поскольку это был вопрос о предстоящем отдыхе, предстоящих удовольствиях, то есть о радости грядущих дней. Никто не «прел», прений не было. Объявили, что проекты маршрутов можно выдумывать каждому персонально или отрядами — как кто хочет. И тут же началось рождение замыслов.

На утро следующего дня стали поступать проекты, и много самых различных.

И тут же, как всегда, дело это было поставлено на материалистическую платформу:

1. Для похода нужны средства. Значит, надо выполнить промфинплан.

2. Неуспевающих в поход не пустят. По школе надо ликвидировать отставание отдельных ребят. И тут же, по-деловому: кто персонально за кого из отстающих отвечает, кто кому поможет.

3. В походе же будем встречаться с людьми, с прекрасными коллективами. Значит, надо оркестру пополнить и отшлифовать репертуар, а литкружку, изокружку...

Действия всех взаимосвязаны, слаженны. Река этого стремления была широкой, охватывающей всю жизнь коммуны. Надо было не только ликвидировать плохие отметки в школе, а решить и много других задач. Художественный кружок изготовил эскизы летних походных костюмов. Проекты костюмов утверждены советом командиров, и их одобрило бюро комсомольской организации.

Костюмы будут... белые, совершенно белые. Некоторые были удивлены: да разве можно надеть белый костюм, например, Локтюхову?!

— Конечно, белый костюм на эскизе выглядит красиво, но ведь вон какой красивый мальчик нарисован в этом костюме, — куда уж до него Локтюхову!

Художники дружно возражали:

— И Локтюхов будет таким же красивым! Разве у него не красивые глаза, рот, нос или руки, ноги? Красивые, нормальные, обыкновенные человеческие. Только он их уродует кляксами, пачкает. Так это же полбеды. Он будет красивым, как мальчик на этой картинке, которой любуются все.

Подготовка к маршу изобиловала играми. Дебаты по поводу проектов маршрутов, формирование походной колонны, хозяйственные приготовления и хлопоты — решительно вся деятельность коммуны зимой 1929/30 года была насыщена элементами игры.

Да и самый поход начался тоже красивой игрой: четкий строй коммунаров в белых костюмах, фанфарный марш оркестра, торжественный вынос Красного знамени коммуны, четкая команда.

Подготовка к походу ознаменовалась и некоторыми нарушениями. Самое хорошее дело может иметь и отрицательные стороны.

Были, например, явления такого порядка: после сигнала на сон в цехах почему-то загорались огни, гудели станки и тайно кипела работа.

Это от того, что наши юные мастера не очень-то еще владели мастерством, план надо было перевыполнять, а они не справлялись в рабочие часы.

Нарушителей ловили и на них давили. Но то ли недостаточно искусно ловили, то ли недостаточно сильно давили, а безобразие это некоторое время продолжалось, и Антон решил: «Принять суровые меры», — но план уже был перевыполнен.

Впрочем, никто не надорвался на работе и никто не заболел. Совершенно недопустимое явление никаких тяжелых последствий не имело, а положительные результаты принесло и не только в экономическом смысле, а главное в том, что как раз в этот период и была осуществлена практически та необходимая новая пролетарская закалка, о которой в то время очень много говорили в соцвосе (именно только говорили).

Когда уже шили белые костюмы, то некоторые педагоги считали нас чудаками, полагая, что белые костюмы в походе — это что-то невообразимое и ничего хорошего из такой затеи не выйдет.

А вот именно белые костюмы оказались чудесным средством воспитания у детей аккуратности, чистоты, умения беречь одежду.

В первое время малышам приходилось хитрить —носить в карманах кусочки мела и затирать им пятна на костюмах. Но это была скучная работа, мел осыпался и приходилось забеливать пятна вновь и вновь. Нужда — хороший учитель — научила она не пачкаться, ходить аккуратно. К моменту прибытия в Севастополь строй коммуны блестел чистотой. Нигде ни пятнышка. Это нравилось всем, особенно морякам. Быстро завязалась хорошая дружба с севастопольцами. Правда, на некоторых наш парадный вид произвел такое сильное впечатление, что пришлось его довольно своеобразно приглаживать. Дело в том, что у севастопольцев еще свежи были в памяти картины разгула белогвардейцев, и надушенные, расфранченные буржуйские дети, конечно, не пользовались симпатиями трудового люда.

Подвыпившему парню коммунары показались слишком чистыми для рабочих детей. Подошел он к коммунарке и грязной пятерней провел по лицу и белой блузке, пробурчав что-то вроде: «Ишь какая чистенькая!»

В следующее мгновение этот детина оказался на земле,

пытаясь сообразить, что с ним произошло. Наконец он встал и спокойно, позвав своего приятеля: «Пойдем, Гришка, это свои», — удалился. Теперь он разглядел рабочую коммунарскую руку.

Коммунары тактичны, не надоедают с расспросами, у них немалый жизненный опыт, понимают, что, чем мучить своего педагога, лучше послушать словоохотливую местную жительницу, которая знает Севастополь и его историю как свои пять пальцев.

Умеют уже понять: кто врет, кто правду говорит. Это тоже важное умение.

А потом в путь. Дорога каменистая. Идти легко. Белые костюмы незаменимы, в них не жарко.

По населенным пунктам проходим строем, под марш оркестра.

В Ялте коммунарам была предоставлена площадка вблизи пляжа, на которой коммунары установили палатки. Дежурные и дневальные следили за тем, чтобы на территорию лагеря не заходили посторонние люди. Строго соблюдался режим дня. Хотя и реже, но, как дома, выпускали походные стенгазеты «Дзержинец» и «Резец», сделали горлётную площадку. Ракетки и мячи привезли с собой. Горлёт привлек внимание молодежи Ялты. Книгами нас снабжала городская библиотека. Многие привезли в своих личных корзинах учебники и между делами готовились к новому учебному году. Купались, загорали, по вечерам играл оркестр, танцевали, проводили концерты самодеятельности, группами ходили в горы, отдыхали кому как нравится. Удили бычков, любители отправлялись с рыбаками ловить сетями дельфинов, играли в футбол и волейбол с отдыхающими. Никто не скучал. Побывали в Никитском саду, в Гурзуфе и плавали вдоль побережья Крыма на пароходе «Крым». В пути высаживались, бывали на скользких камнях Кикеиниза, в Симеизе, Алупке, Алуште.

Бодрые, жизнерадостные, ищущие новых напряжений, успехов возвращались мы домой в коммуну из крымского похода.

Чувствовали, что марш не кончен и мы идем вперед и вперед, к новым открытиям и победам, что мы многому научились и готовы к новым трудным испытаниям в нашей светлой, трудовой жизни, наполненной поэзией труда, познания, постоянных устремлений вперед.

СИЛА ЛИЧНОГО ВЛИЯНИЯ

Многие ищут главный секрет успехов А. С. Макаренко. Главный секрет его успехов — умение жить и работать для других, для народа, быть совершенно честным и глубоко порядочным человеком.

И вместе с тем Антон Семенович Макаренко совершенно не походил на человека, сгибающегося под тяжестью забот, приносящего себя в жертву людям.Он брал у жизни то, что ему лично было надо, что ему полагалось по закону, что соответствовало его принципам, никогда не стремясь прихватить лишку, в запас, урвать для себя что можно, пренебрегая интересами дела, коллектива, других людей. Он был очень щепетилен в вопросах чести и честности.

Удивительно много и удивительно хорошо сделал этот замечательный человек, писатель и педагог.

Начал он свою работу в исключительно трудных условиях.

Как надо было любить детей и свою педагогическую работу, чтобы увидеть в ней поэзию в тяжелые двадцатые годы?!

Педагогически еще бессильный, как он пишет, в те годы Макаренко упорно ищет и не может найти ответы на волнующие его и его общество вопросы. Макаренко не спит, мучается, приходит порой в такое отчаяние, что готов застрелиться; этот Макаренко ощущает такую жизнь поэмой, несет в сердце великую радость бодрости, труда и светлого разума, отдавая себя делу целиком. Это его жизнь, это его стихия, его счастье!

Могучий ум ученого-марксиста позволяет Макаренко схватывать и отбирать для нового воспитания наилучшие методы и приемы и в конце концов прийти к верным, исключительным по своему значению выводам.

Педагогическая поэзия тяготеет к педагогической науке, искусство вырастает в науку, и Макаренко заканчивает свою «Педагогическую поэму» словами надежды: «...И, может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книжку: «Методика коммунистического воспитания».

Вдумайтесь в смысл этих слов, и вам станет понятным путь развития науки, учения Антона Семеновича Макаренко.

Макаренко решительно отвергает всякие догматические схемы и системы, абсолютизм педагогических средств и рецептов, утверждает диалектичность педагогики и создает педагогическую систему, представляющую собой гармоничное сочетание вполне определенных конкретных форм и методов коллективного труда, жизни свободного, все время растущего коллектива, создает систему, которая наилучшим образом воплощает все основные черты методики коммунистического воспитания.

Так Антон Семенович Макаренко превращается из рядового солдата советской педагогической армии в ее маршала и командарма, из страстного любителя-педагога в великого ученого, создателя новой, советской педагогической науки.

Твердым, уверенным маршем идет коммуна имени Ф. Э. Дзержинского в коммунизм. Это именно марш!

1931 год. Опять нарастающее напряжение, вновь активный отдых летом в труднейшем походе по Кавказу. 1932, 1933, 1934 годы—годы новых побед и роста, 1935 год—и Макаренко... вырван из коммуны на руководящую работу в Киев. Но идет, полным ходом идет вперед превосходно налаженный коллектив коммуны, которая растет буквально во всех отношениях. Количество коммунаров стремительно увеличивается: 820, 950, 1160 человек.

Безотказно работает диалектическая система, но работать становится все труднее. На месте Макаренко оказывается негодяй Адамович, во главе коммуны укрепляется разваливший Прилукскую коммуну Берман, ведется усиленная ломка порядков Макаренко с явной ставкой на взрыв коллектива изнутри с тем, чтобы опорочить Макаренко, его ненавистные бюрократам гуманистические принципы. Но взрыва не получается, все провокации тщетны, коллектив по-прежнему высоко держит ленинское знамя, честь Феликса Эдмундовича Дзержинского. За Берманом из коммунаров не идет никто, и богатые награды, и подарки, которые он привозит, не производят эффекта, на который рассчитаны.

Тогда А. С. Макаренко предъявляют политические обвинения и Берман расформировывает коммуну (1939) как детское учреждение, распихивая ребят куда и как только возможно...

Детская трудовая коммуна имени Феликса Эдмундовича Дзержинского превращается в промышленный комбинат.

Мы ничего не понимаем. Мы вынуждены верить, что все это так и надо.

Поэтому нет открытого сопротивления коллектива, о чем особенно просит Антон Семенович, понимая, что такое сопротивление дало бы только повод к репрессиям, дало бы повод доказывать, что сопротивление организовано Макаренко и его друзьями.

Лишившиеся накануне второй мировой войны родного дома, разбросанные по стране горьковцы и дзержинцы все как один поднимаются на борьбу с фашизмом. Своей кровью и героическим трудом они показывают, как надо служить Революции, Родине.

Я особенно любил Антона Семеновича за его умение ярко и красочно нарисовать даже самые далекие и сомнительные с точки зрения холодного разума перспективы. Он никогда не лгал. Он искренне верил в свои прекрасные мечты и умел передавать эту веру товарищам. Благодаря этому даже самые, казалось бы, маленькие дела вырастали в наших глазах в события огромного принципиального значения. Когда мы ставили «На дне» еще в колонии Горького и в первом ряду сидел автор пьесы — наш дорогой гость, нам казалось, что весь мир смотрит на нас, и именно от того, насколько хорошо мы сумеем поставить этот спектакль, зависит ход мировой революции.

Нет, не поджигать других, как это пробуют делать некоторые, умел Антон Семенович. Он первым загорался сам и горел необычайно сильно и долго, и в этом была его особая сила. Он никогда не занимал позиции вышестоящего руководящего, он был сам в гуще дела, в гуще педагогов и ребят, увлеченных делом, выполняя обычно самую трудную и скромную роль, ту, которая была нужнее всего в данной ситуации: организатора, хозяйственника, снабженца, машинистки — кого угодно.

И это обеспечивало его положение как хозяина в коллективе. Настолько он дорожил делом, что всем было понятно, что это прежде всего его собственное кровное дело. Все были особенно довольны тем, что у нас такой хороший, такой заботливый настоящий хозяин. И вот эта его замечательная черта характера — заботливость стала чертой коллектива коммуны. В любой организации любого

дела была душа, хозяин. И совсем не обязательно это был кто-нибудь из педагогов. Чаще это был кто-нибудь из коммунаров. Так, в редакции стенгазеты «Шарошка» хозяином был Саня Сопин, которого все любовно звали Санчо. Он не был редактором, избранным или назначенным ответственным лицом. Он был лучшим любителем, скорее всего «болельщиком» этого дела, и все признавали за ним право хозяина этой газеты, и само слово «Санчо» имело нарицательный смысл именно главного в этом деле.

В секции станковой живописи и рисунка художественного кружка полноправной хозяйкой была коммунарка Галя Лукошко, у нее даже в походах были краски, кисти, бумага, холст и все хозяйство секции, хотя никакого особого звания она не имела. Но эта девочка, заботливая, милая и строгая, обладала всеми правами матери секции, хотя сама рисовала значительно слабее, чем многие ребята, которые были старше и одареннее ее как художники. Когда ее однажды кто-то спросил, почему она все хлопоты берет на себя, то она ответила: «Надо же кому-нибудь... Они все такие рассеянные и забывчивые, и если за ними не смотреть, то сорвется работа». И это была святая правда, такая заботливая хозяйка действительно очень нужна была в этой секции. Она погибла во время войны — эта замечательная Галя Лукошко, а то бы, конечно, вышел из нее второй Антон Семенович Макаренко, так была она на него похожа, только, правда, характер у нее был уж очень мягкий, нежный.

Но времена меняются, и общество наше обязательно так научится защищать лучших людей, что такие Гали окажутся самыми лучшими директорами детских учреждений. Но пока с кадрами директоров детских учреждений дело обстоит еще очень трудно потому, что, кроме многих талантов и способностей, директору детского учреждения надо еще обладать и широчайшим диапазоном характера, каким обладал Макаренко, который мог быть и нежнее любимой матери, и страшнее свирепого отца, если того требовали обстоятельства. Он мог нежностью пройти в самое запуганное сердце сиротки и мог насмерть перепугать самого отчаянного пьяного бандита одним своим хриплым криком «Встань!». В его светлых и спокойных глазах порой сверкали такие молнии, что хулиган, хам и бюрократ моментально сникали. Непоколебимая

смелость Антона Семеновича была основана на абсолютной уверенности в собственной правоте. Когда у него не было такой полной уверенности, то он делал вид, что не замечает нарушения, или действовал обходным путем. Его гнев проявлялся в полную силу только тогда, когда он был не только уверен в собственной правоте, но был уверен и в том, что его правда является правдой, коренным интересом коллектива, который разделит с ним этот гнев и будет понятен в той или иной мере и тому, на кого он обрушился.

Это не был холодный расчет, это было правильное понимание и очень тонкая чувствительность того, что ценит передовая часть коллектива.

Непоколебимая верность ленинизму давала этому человеку огромную силу личного влияния.

КОЛЛЕКТИВ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Вот сколько лет уже живу на свете, а никак не могу понять: ленивый я человек или трудолюбивый.

Если бы обо мне откровенно, честно высказались многие люди, которые были со мной знакомы, то наверняка мнения получились бы очень различные. Кое-кто считал меня ленивым и имел на то основание. Ведь я ненавижу делать явно нецелесообразную работу и очень упираюсь, когда меня к ней понуждают. По-моему, лень лени рознь. У каждого человека свой вкус, свои особенности, способности и наклонности.

Как вы думаете, что бы получилось, если бы собрать вместе балерину Майю Плисецкую, художника И. Е. Репина и композитора Бетховена и заставить Бетховена танцевать в балете. Плисецкую — писать картины, а Репина — сочинять сонаты? Пожалуй, все они оказались бы с ленцой. А ведь в своей работе — труженики великие!

Очевидно, считаясь в первую очередь с потребностями общества, необходимо всячески учитывать и интересы личности, свойства, силы и особенности каждого человека, чтобы не ставить, без особой на то нужды человека в трудное положение, чтобы не создавать лжелентяев. А у нас не перевелись еще самые вредные лентяи, которые, спекулируя на интересах общества, не желают раз-

бираться в способностях каждого и, не считаясь с ними, распределяют труд по своему головотяпскому усмотрению. Вот уж чего не было у Макаренко ни на йоту, так это такой преступной лени. Любил Антон Семенович каждого человека, внимательно его изучал, а потому и знал хорошо. Поэтому имел он законную смелость распределять труд, даже не придерживаясь строго обязанностей каждого, предусмотренных штатными расписаниями и инструкциями.

Был у нас одно время физрук. Шахматы он не любил и играл плохо, хотя в других видах спорта был силен. В любом другом детском учреждении этого физрука обязали бы вести работу по шахматам. Но Макаренко снял с него этот груз и поручил шахматную секцию другому человеку, а физрук с удовольствием помогал художникам, чего он по своей служебной обязанности делать был не обязан. Каждый охотнее будет делать дело, которое ему по душе и которое он знает. И если вот так, по-макаренковски верно распределить труд, ориентируясь на должностные обязанности, но и отходя от них настолько, насколько это действительно лучше для дела и для людей, то картина обеспечения всех дел настоящими людьми получается значительно более удачной. И это совсем не противоречит нашим законам. Больше того, соответствует их смыслу. Это, конечно, требует от руководителя детского учреждения большого чувства ответственности, пристального внимания к людям, умения видеть их лучшие стороны. Но я решительно против действия таких сухозаконных крючков, которые готовы на основании буквы закона испортить директору всю огромную и сложную работу по случаю того, что в детском учреждении на должности прачки работает кочегар, или наоборот. Директору детского учреждения совершенно необходимо предоставить бóльшие права. Связанный быстро не побежит. И нельзя ставить хорошего директора в условия, когда он вынужден выступать в роли нарушителя законов.

В 1929 году попросил меня Антон Семенович сделать лично, своими руками заголовок стенной газеты «Дзержинец» для выставки стенных газет.

Иногда учителю рисования и черчения необходимо делать что-нибудь лично своими руками, чтобы воспитывать вкус ребят, чтобы создать образец. На то и организовывали выставку.

Блеснуть своим искусством в заголовке стенгазеты трудно, но можно, конечно. Делал же Васнецов свои замечательные надписи.

Во всяком случае надо сказать Антону Семеновичу «Есть!» и попробовать сделать как можно лучше.

С вечера я делал эскизы, ночью развернул большой лист бумаги и начал делать заголовок.

Любил и люблю делать подобные дела ночью, когда никто не отвлекает и ничто не мешает. Только не люблю работать один, надо, чтобы еще кто-нибудь был, человека два-три, не очень много. Одному скучно и не с кем посоветоваться. И надо же и передышку делать, поговорить, посмеяться.

Самым приятным компаньоном в ночных работах был Антон Семенович. Чаще всего он сидел и печатал на своей маленькой печатной машинке статьи для стенгазет или свои литературные произведения. В тот вечер он работал над «Маршем 30 года», а я рисовал.

Часа в три утра он потянулся, зевнул и сказал: «Пора спать!»

Но машинку, которую обычно оставлял в кабинете, взял с собой. Я понял: будет печатать у себя на квартире, а меня прогоняет спать. Он вообще меня жалел, воображая, будто я слабее его.

Я спорить не стал, свернул лист бумаги, положил в карманы флаконы с гуашевыми красками, взял кисти и вышел с ним вместе. По дороге он еще раз буркнул: «Спать надо». Следующий день был выходным, и я мог поработать дома. Но спать мне расхотелось, работа увлекла. И я стал продолжать начатое.

Устроился удобно на кухне, чтобы никого не беспокоить, и рисую себе. Когда встали жена и дети, я перебрался в комнату. Зашел директор школы (тов. Борок), похвалил работу и выразил удивление, — зачем надо тратить так много сил на какой-то заголовок.

Макаренко же очень редко заходил в квартиры сотрудников, боялся помешать семье, отдыху. И вдруг он пришел.

Я имею обыкновение в рисовании сам себе усложнять работу. Мне нравится добиваться красоты, и я способен рисовать одну букву целую неделю... но только время, конечно, не позволяет, вечно приходится спешить.

Антон Семенович посмотрел и сказал: «Дело идет хорошо, но, по-моему, ты можешь сделать еще лучше».

К вечеру я принес Антону Семеновичу готовый заголовок. Он посмотрел, одобрил, положил себе на стол и сказал: «Зайди еще, если будет время, может, что-нибудь еще улучшишь». И тут кто-то из учителей заметил: «А зачем улучшать, и так сойдет!» Макаренко вскипел: «Что значит «сойдет»?! Все надо делать как можно лучше, а не «сойдет»! Я вам портянку положу вместо котлеты — «сойдет»?» Вскипел Макаренко потому, что реплику подал педагог, а со стороны педагога такого пренебрежения к качеству он допустить не мог. И он добавил еще несколько слов, которых я точно не помню, но смысл был примерно таков: Репин работал месяцами над готовой уже картиной, рискуя даже испортить ее, и это благородный риск, надо рисковать, потому что есть надежда улучшить, сделать подлинное произведение искусства.

Макаренко тонко и глубоко понимал искусство, и он был руководителем воспитательного учреждения. Для него качество имело решающее значение. Полезнее сделать одну стенгазету в год, но такую, которая врежется в память и в сердце на всю жизнь, чем делать тысячи бездушных, которых никто не хочет ни смотреть, ни читать.

Выставка газет прошла именно на уровне таких требований, и когда она закрылась, Макаренко просто прогнал меня на Донец удить рыбу, зная, что это лучший для меня отдых. И он же обеспечил мне в попутчики именно тех ребят, с которыми я больше всего любил бывать на Донце. Вообще степень внимания Антона Семеновича к человеку была поражающей, смущающей, сказочной. И это ни в коем случае не было с его стороны обязывающей показухой великодушия руководителя; это была подлинная, настоящая любовь к человеку, искреннее желание сберечь, сохранить человека, помочь ему бескорыстно.

Под руководством Макаренко каждый работал в полную свою силу и никто не работал через силу. К каждому он предъявлял самые высокие требования и ни к кому никогда не предъявлял непосильных требований. Не заставлял, а умел воодушевить и вдохновить каждого работать с душой, с удовольствием, и никого не заставлял, не принуждал работать.

Попадали иногда в наш коллектив люди случайные, неспособные так работать, без искры в сердце, без при-

звания к педагогической работе, люди, неспособные загораться, понимавшие труд только как тяжелую, неприятную необходимость. С такими педагогами Антон Семенович решительно расставался, без упреков, без криков и жалоб, а просто, по-человечески сердечно, стараясь помочь им найти другую, более подходящую для них работу, откровенно советуя расстаться с педагогической деятельностью. Если такие люди протестовали, то здоровый коллектив Макаренко очень мягко, но быстро и решительно их выталкивал из своей среды, как инородное тело.

В коллективе Макаренко всегда были люди с общими взглядами на жизнь и работу, едиными интересами, уважающие друг друга, любящие детей, любящие свою работу, которую Макаренко распределял так, чтобы каждый имел дело, соответствующее его способностям, наклонностям и возможностям. Пожалуй, только тот из педагогов не находил себе места в коллективе Макаренко, который не способен был по-настоящему увлекаться никакой работой, никаким делом.

Впрочем, еще одного сорта люди не могли найти себе места в коллективе Макаренко. Это люди с непреоборимой склонностью к ссорам, дрязгам и интригам. Обычно это является результатом плохого воспитания, общения со средой, в которой приняты подобные плохие взаимоотношения между людьми. И потому Антон Семенович с такими людьми расставался не сразу, а только после терпеливых попыток ввести их в норму взаимоотношений советских людей. И тут макаренковский коллектив очень часто имел самые приятные успехи: задерганные люди успокаивались, видя, что никто ни в чем их зря не упрекает, никто ни под кого никаких ям не роет и друг другу зла не желает. Подавляющее большинство таких людей перестраивались на общий хороший тон деловой товарищеской дружбы, расставаясь с дурными привычками и скверным характером. Но бывало, правда редко, что кто-то никак не успокаивался: кляузничал и, имея где-то «наверху руку», продолжал портить людям жизнь. И такой должен был покинуть коммуну. Никто с ним не желал работать.

Характер и формы человеческих взаимоотношений в коллективе, определявшие его лицо, были предметом особой заботы Антона Семеновича. Как никто, он умел создавать подлинно дружеский, веселый, простой и приветли-

вый тон в коллективе педагогов. Была среди нас удивительно симпатичная, всегда спокойная, приветливая, очень нежная и хорошая девушка Ляля Говорецкая. Ничем особенно увлекаться она не могла, рабочие умения ее были невелики и ограничивались, кажется, умением делать из бумаги цветы. Но это было очаровательное существо, вносившее в коллектив мир, покой и хорошее настроение. Эта Ляля совершенно не способна была на ссору с кем бы то ни было, всех уважала и любила и вела себя исключительно доброжелательно и просто, хорошо и культурно. И мы все очень ценили ее именно как педагога, потому что прекрасно понимали, какой она является могучей силой в нашем деле, что именно она приносит в наш коллектив самое ценное. Никто не стремился перегружать ее работой, поскольку ни особыми физическими, ни какими бы то ни было другими возможностями, кроме своего характера и внутренней культуры, она не обладала. Она сеяла и выращивала красоту, культуру человеческих отношений своим повседневным поведением.

При самых близких, дружеских отношениях не могло быть и речи об интимной близости у кого-либо с ней как с женщиной, так она себя вела: просто, приветливо, хорошо, весело, по-товарищески и вместе с тем строго, сдержанно, чутко и корректно. Она была живым примером поведения для девушек и столпом хорошего тона в коллективе, воспитывая красивую скромность, сдержанность и умение себя вести.

Она ходила, как и все, на рабочее дежурство, старательно полола огород в колонии А. М. Горького и так же старательно водила в коммуне рубанком по доске, но ей не выделяли нормы выработки, чтобы ее не смущать. Не в этом была ее сила. Ее огромная сила была чисто педагогической.

Когда она работала в каком-нибудь цехе, то никто, конечно, не мог выругаться, даже если и попадал себе молотком по пальцам. Ее боялись. У Ляли был тонкий слух. Она могла услышать нехорошее слово! При одной только мысли об этом у некоторых любителей крепкого слова мороз подирал по коже: а вдруг услышит! Что тогда? Тогда она покраснеет и уйдет! Что будет? И тогда даже страшно подумать, что будет!

В заводской работе Ляля разбиралась слабо, но все знали, что когда она работает, то общий процент выпол-

нения плана непременно и здорово повышается, а когда ее нет, то понижается. Объяснять тут нечего, и так должно быть понятно. Впрочем, можно намекнуть: ведь Ляля нужна в цехе еще и как объект для тренировки в умении по-макаренковски незаметно и чисто оказывать помощь слабейшим! Лялиному напарнику-то нужно выгнать с Лялей норму на двоих без потери качества! А соседи напарника болеют за него, чтобы он не оскандалился. И конечно, нет-нет да и выдернет кто-нибудь доску из лялиного штабеля, обстрогает и незаметно подбросит Ляле. Зрение у Ляли было слабое, захлопатывалась она на работе крепко и таких вещей не замечала. Но свою готовую продукцию она видела и радовалась, что эта горка растет, дело идет хорошо. А порадовать, понятное дело, каждому хотелось. Ну вот и лезли из кожи вон, что называется, «в лепешку расшибались»: ребята здоровые, хваткие, ловкие, поднатужатся — гору свернут, — вот и получалось перевыполнение плана всем цехом, раз в нем работала Ляля.

В ее присутствии даже сам Антон Семенович и все мы подтягивались, говорили, тщательно подбирая слова, потому что ее явно коробила малейшая неправильность речи. Она стеснялась поправлять, ограничиваясь тем, что чуть-чуть морщила по-особому свой носик; и только когда ее спрашивали, как же именно лучше сказать, она охотно и умело объясняла. Русский язык она знала очень хорошо; и вот, видите, я неправильно сказал, что она умела хорошо делать только цветы, она еще умела потихо́нечку, но очень правильно говорить, хотя выступать с трибуны не могла, на это у нее не хватало смелости и голоса.

Умел Антон Семенович видеть в человеке лучшее и так строить отношения в коллективе, что именно эти лучшие качества каждого выступали на первый план: они всем были нужны, все их очень ценили и всегда в них нуждались.

Слон куда сильнее воробья, а пусти их наперегонки, и слон отстанет, окажется слабее. И чирикать он не может. И гусениц вредных поедать не может. И летать не умеет. У каждого своя сила. У Антона Семеновича была огромная и волевая и умственная сила. Но даже он не мог делать того, что без усилий делала хрупкая Ляля Говорецкая.

И вот когда верно слагаются в дружном коллективе силы и способности разных людей, тогда сила коллектива становится всепобеждающей.

Много мы прошли с Антоном Семеновичем Макаренко. Много дорог исколесили. Всякое бывало.

Мне очень нравятся слова песни: «Пока дышать я умею, я буду идти вперед!»

А вы знаете, как шел от замка Тамары в Орджоникидзе Макаренко с растертыми в кровь ногами? Вот так и надо идти. Между прочим, он так и не снял сапог до самого города Сочи. Там он немного отлежался и пошел дальше.

Жаль, очень жаль, что оторвали Антона Семеновича от созданного им коллектива. А то бы не дали, ни за что не дали ему ребята и друзья умереть так рано. Но он умер солдатом, умер с честью, умер в борьбе за свое великое дело, которое умереть не может.

* * *

С детства я любил веселье, смех, любил веселить других. Постепенно, не легко и не сразу, вырисовывалась моя скромная цель в жизни. Юношей в одном из стихотворений я ее выразил так: «Счастье творить, смех везде создавать».

Но не всегда это мне удавалось. Я понял, что одного горячего личного участия в преобразованиях общества для этого мало, что счастье творить можно только дружным коллективом единомышленников.

В колонии имени А. М. Горького и коммуне имени Ф. Э. Дзержинского я нашел то, о чем давно мечтал, — именно таких друзей.

Бывали и здесь трудные, иногда очень трудные дни, но никогда я не чувствовал себя одиноким. Всегда рядом с нами был наш несгибаемый Антон.

Нас роднило многое. Так, Антон Семенович временами бывал злым, сердился, порой очень сильно, так, что даже жалко его было и страшно: как бы чего с собой не сделал. Но он не мог пребывать в унынии. Я тоже не мог. Не мог он быть вялым, апатичным, безразличным. Я тоже не мог. Е. Ф. Григорович не могла, и В. Т. Левшаков не мог, и Т. Д. Татаринов не мог. Нас таких подобралось порядочно.

У Макаренко много последователей. Но бывает так, что захочет иной директор школы работать, как Макаренко, а у него не получается. И это прежде всего потому, что он делает все сам. Успехи Макаренко создавал не лично только он сам, а весь очень дружный, созданный им коллектив.

Педагогическая система Макаренко является системой коллективного действия. Вот то главное, что необходимо понять в первую очередь.

Большинство средств, методов и способов воспитательной работы являются коллективными, рассчитанными на согласованные действия коллектива, а не личности.

Конечно, каким бы Макаренко ни был, в одиночку он ничего создать бы не смог, если бы ему не удалось подобрать коллектив единомышленников, в котором все было основано на полном взаимном доверии, общности взглядов и устремлений, если бы к тому же Макаренко как руководитель такого коллектива не мог действовать вполне самостоятельно и свободно. К его и нашему счастью, чекисты, создавшие коммуну, оказались не только идеальными людьми, а и идеальными руководителями детского учреждения. Никакой опеки, мелочной регламентации, бесцеремонного некомпетентного вмешательства — ничего этого коммуна до 35-го года не знала.

А. С. Макаренко располагал полным доверием Правления и самой широкой инициативой. Все вопросы с Правлением решались удивительно по-товарищески, только с позиции общей заботы. Помните, как просто, именно по-товарищески ведет себя в коммуне член Правления, чекист с тремя ромбами в петлицах? А с какой искренней любовью рассказывает Антон Семенович о шефах коммуны на страницах «Марша»! И это была наша общая любовь к замечательным друзьям.

Макаренко никому не давал привилегий только на основании должности или звания. Однако и уравниловки у него не было. Слесарь ты или педагог — ему было все равно. Если делаешь свое дело отлично, то и забота о тебе будет отличная. Если ты ценный человек в коллективе, то и ценить тебя будут.

Макаренко требовал большой работы, требовал очень вежливо, требовал постоянного роста и самоусовершенствования педагога. Он был строг и справедлив, гуманен и беспощаден, как Дзержинский.

В походе его выносливость поражала.

В Крыму в 30-м году, в Сочи в 32-м — жара невыносимая, а Антон Семенович ни за что не допустит небрежности. Он всегда чисто и образцово аккуратно одет, подтянут, всегда как на параде.

Воля этого человека была крепче алмаза.

В увлечении играми у нас возникла большая совместная работа научного характера, очень глубокая и очень обширная. Это стало очень обстоятельной работой с планированием, проектами, точной записью результатов использования каждой игры и постоянным творчеством. Правила и условия игр вдумчиво изменяли, постоянно искали лучшего, экспериментировали и экспериментировали силами всего коллектива, вели работу, подобную работе селекционера.

Мы хорошо поняли, что халтура в игре опаснее и недопустимее, чем халтура учителя на уроке, потому что она может оставить более глубокий нехороший след в сознании и чувствах детей. В игре дети бывают увлечены до глубины души, в игре на полном напряжении участвуют все силы.

Требования Макаренко к игре весьма определенны:

— игра обязательно должна быть интересной, увлекательной и, полностью удовлетворяя детей, обеспечивать желанный отдых, веселье, бодрый тон, являться удовольствием, забавой;

— игра должна реально, конкретно способствовать успехам в труде и учебе, моральному, физическому, умственному развитию и оздоровлению, воспитывать коммунистические качества.

Поэтому Макаренко, лучший друг игры, был смертельным врагом плохих или плохо проводимых игр и был нетерпим к играм, которые уводили в сторону или противоречили этим требованиям. Одна определенная игра может и не отвечать полностью нашим требованиям. Поэтому надо создавать комплексы игр, их определенные сочетания. Вот этим мы сообща много и не без пользы занимались в коммуне.

Когда меня издательство «Просвещение» попросило написать о самом важном в практике Макаренко, то я написал книгу об играх, уверенный в том, что это и есть один из ее главных элементов.

«Марш 30 года» А. С. Макаренко является одним из звеньев в цепи его произведений. Для того чтобы «Марш» был вполне понятным читателю, необходимо прочитать и другие произведения А. С. Макаренко, в особенности «ФД-1».

Мне хочется установить связи между некоторыми произведениями Антона Семеновича, прежде всего между «Маршем 30 года» и повестью «ФД-1».

В центре обоих этих произведений — Труд, Учение, Отдых. В каждом из этих произведений они гармонично слиты в единое целое, которое иначе не назовешь, как жизнь коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Труд, учение, отдых! Да, конечно, это и есть три основы системы.

Совсем не потому, что я считаю какую-либо из этих основ самой главной, я хочу обратить внимание читателя на отдых. Хочу потому, что этой основе мы уделяем недостаточное внимание и не совсем ясно понимаем ее место. Я совсем не думаю, что вопросы отдыха детей важнее труда или учебы. Конечно, нет. Но и во времена Макаренко именно отдыху уделялось недостаточное внимание, почему Макаренко, наряду с трудом, повсюду выделяет вопросы организации отдыха и особенно четко определяет его характер и даже конкретные формы, — формы и виды отдыха настолько активные, что читатель может даже и не заметить, что речь идет об отдыхе, так много в этом отдыхе и труда и учебы, хотя вместе с ними в отдыхе всегда в достаточной мере имеется и удовольствий. Но это удовольствия не отупляющие и расслабляющие, а подтягивающие, мобилизующие мысль и волю, крепящие трудовой дух и рабочую закалку.

Центральными, красочными фрагментами обоих произведений являются летние походы: Москва, Крым (в «Марше») и Кавказ (в «ФД-1»). Обратите внимание на возрастающую степень трудности этих походов. Это, конечно, отдых, и потому, что проводился он в каникулярное время, и потому, что о каждом походе все начинали мечтать еще с осени, как о предстоящей радости и большом удовольствии, и потому, что каждый поход был действительно отдыхом, желанным, приятным, незабываемо пре-

красным и удовлетворявшим всех. Никто не хотел более прекрасного отдыха, чем такие походы.

И Макаренко описывает походы с точки зрения всего коллектива, с точки зрения интересов и вкусов каждого из участников этих походов.

Летний поход не был обязательным для кого-либо из педагогов. Надо честно признаться, что ни один из походов не был легким делом. Но разве легкое дело забить мяч в ворота сильнейшей футбольной команды? Однако любители футбола справедливо считают такое «сражение» своим любимым отдыхом, даже если это требует предельного напряжения всех сил. А восхождения альпинистов! Для людей активных и мужественных такой отдых самый лучший. В нем они получают наслаждение.

Иногда приходится слышать теперь такие высказывания: «Хорошо вам было с Макаренко; там у вас все получалось, а у нас вот не получается!» Специально для таких искренних, милых, но грустящих людей мне хочется написать несколько страничек, которые, может быть, не только им интересно будет прочитать.

Да, дорогие друзья, когда читаешь иное литературное произведение, особенно написанное таким целеустремленным и жизнерадостным человеком, каким был Макаренко, то все получается таким ладным. А вот если посмотреть на то же самое без радости в душе, без поэзии в сердце, без творческих планов в голове, посмотреть грустными глазами, то самое интересное, увлекательное и прекрасное может показаться серым, обыденным и бесперспективным.

В повести «ФД-1» Макаренко описывает один из летних походов, который читателю может показаться самым интересным.

Действительно: Кавказ, Военно-Грузинская дорога, Дарьяльское ущелье, скалы и черные тропы, замок легендарной царицы Тамары, обвалы, наводнение Арагвы, рокот Терека в теснине ущелья, снеговая шапка Казбека в лучах восходящего солнца, горный водопад, ливни, жара, путешествие в Баку, на Каспий и на Черное море. И все это в одном походе! Какая прелесть! Как интересно! Вот бы нам!

А давайте-ка я, участвовавший и в этом походе (1931 год), расскажу вам несколько наиболее интересных эпи-

зодов, но в вашем чуть-чуть грустненьком и скептическом тоне. Как бы это выглядело?

Начну с того момента, когда за замком Тамары горный обвал остановил нашу колонну.

Уже недалеко была станция Казбек, где мы должны были получить крепкую закуску после утомительного пятидесятикилометрового перехода со значительным грузом на плечах (духовые инструменты и др.). Этот путь был пройден наполовину под проливным дождем, наполовину под палящим солнцем. Одежда сохла на людях, менять ее было трудно в пути, ведь смена у каждого была в его личной корзине, а корзин было 154, на арбах, под палатками и другим грузом; бóльшую часть его составляла пища, которая от жары и ливня испортилась, несмотря на все наши старания. От обоза шла нестерпимая вонь. Я шел за обозом и, с тремя коммунарами и нашим учителем математики Иваном Владимировичем Мартыненко, отвечал за целость обоза. Даже ночью, когда было прохладнее и немного продувал ветерок, и то трудно было стоять возле обоза. Но выбросить всю эту тухлятину мы не могли теперь, когда обвал преградил дорогу и предстояло пройти в обратном направлении еще 50 километров.

Нас, взрослых — четверо: Макаренко, Левшаков, Мартыненко и я, ребят — 150, среди которых много малышей. Горная дорога на Пассанаур представляет собой узенькую извилистую полочку, врубленную в отвесную стену ущелья. Над головой, высоко-высоко, — узкая щель, сквозь которую видно небо, закрытое грозовыми тучами. Через эту реку не переберешься. Разлив Арагвы — и Терек вышел из берегов. Рев и грохот.

И здесь, в ущелье — тысячи людей, запертых, как в мышеловке. Народ, правда, крепкий, паники нет. Представьте себе состояние Макаренко, у него ведь «все так хорошо всегда получалось», который стер ноги в кровь и идти вообще уже не может, а надо спасать 150 детей и для начала покормить, а кормить их нечем. У одной арбы, штабной, развалилось колесо. У арбы вообще только два колеса. На одном никак не поедешь. Значит, ручной багаж увеличивается килограммов на двести.

Пожалуй, очутившись в таком положении, вы сказали бы: «Как хорошо получалось у других, которые проходили этой красивой дорогой, а у нас вот не получается!» Возможно. До обвала, конечно. Но у каждого дня свои

трудности, как и в каждом деле свои будни, своя печаль и скука, свои радости.

Так вот, надо уметь видеть в жизни радости и делать эти радости, и делать их из, казалось бы, самых мрачных обстоятельств, а не уповать на то, что и погода, и дорога, и дети, и встречные — все будет расчудесное, когда вы выберетесь в поход. Макаренко умел это делать. Антон Семенович, для которого коммунарский девиз «не пищать!» был личным девизом, дошел назад, но последние километры его почти несли. А потом снять сапоги, не разрезав их, он уже не мог. И в таком виде он весело бегал в Беслане, сажая в поезд 150 детей, в поезд, переполненный до того, что казалось — вагоны не выдержат. С ним вместе бегали люди, находившиеся почти в таком же состоянии, как и он, не спавшие 68 часов и подкреплявшиеся тухлыми яйцами без хлеба, которые, оказывается, можно есть. И сделать это надо было очень весело, чтобы превратить все это в победу над обстоятельствами, в особую радость.

Потом была радость втащить пять возов багажа в вагон, в который и руку было трудно просунуть. И таких радостей было много. Например, стоять под дождем и караулить обоз, когда все спят, или уступить ночью палатку девочкам, так как ураган сорвал их палатку, а ставить ее в грозу и ливень невозможно. И таких радостей в жизни может быть у каждого очень много. Надо только хотеть видеть и уметь делать их.

Воображение человека создает не только полезные, умные вещи, но даже такие тонкие и важные ценности, как настроение человека.

Двое шли, поскользнулись и шлепнулись в лужу. Один направил свое воображение в сторону грусти и был очень огорчен и расстроен. Как же, беда-то какая, придется идти мокрому, да потом еще чистить костюм. Ужасно! Другой силой воли направил свое воображение в сторону веселья. Первый нагнал на людей грусть и свое раздражение срывал на окружающих, а второй все сумел превратить в забавный эпизод.

Но поступать так, как поступал второй, трудно. Для этого надо любить людей, уметь думать об их настроении и управлять собой. Это вообще ценное в общежитии качество, а в педагогике особенно.

Вот посмотрите на кавказский поход глазами Макаренко, посмотрите правильно, как надо смотреть. И вы уже

завидуете нам. Завидуете, что не довелось вам быть участником такого замечательного похода.

Но не завидуйте. В наше время у вас могут быть такие походы, что мы вам должны завидовать, а не вы нам.

ВСЕГДА ГОТОВЫЕ ПОМОЧЬ

Жизнь била ключом в цехах, в школе, в клубе, в кружках, у шефов и подшефных — повсюду.

Не говоря уже о педагогах, каждый коммунар, даже самые малюсенькие малыши, был занят по горло с утра до вечера, каждому, как говорится, дыхнуть было некогда. Но попроси в любую минуту любого что-нибудь сделать, помочь — и он сейчас же поможет — и при этом сделает вид, что вообще-то без дела и совершенно свободен.

Оказать помощь каждый был всегда готов, испытывая искреннее удовольствие и гордость от сознания того, что вот он нужен, его попросили и он смог помочь.

Это был особый рабочий вкус, принцип, твердо установившийся, общий, полновластно царивший в коммуне.

Вот один случай, но характерный для коммуны. Весной, по бездорожью везли станки для завода электроинструмента; одна машина завязла в болоте, ее пришлось вытаскивать из холодной трясины. Коммунары Працан и Козырь основательно вымокли. Чувствуя себя неважно, Працан пошел в больничку. Врача Коли Шершнева не оказалось, была только медсестра. Она измерила Працану температуру. Оказалось, 39,6°. Она дала больному аспирин, еще что-то и предложила лежать. Лежать днем Працан не привык и, сказав, что достаточно будет принятой им таблетки, вежливо поблагодарил медсестру, попрощался и пошел. Но пошел он нетвердо, пошатываясь. Это увидела медсестра в окно, когда Працан отошел уже на порядочное расстояние от больнички. Сестра заволновалась, пожалела, что не настояла на своем, и решила это дело поправить. А в больничку как раз в этот момент вошел Козырь, который чувствовал себя так же плохо, как и Працан, но не подавал вида, что ему плохо; он всегда был носителем геройского мужества, и никто никогда не видывал его в плохом настроении.

Войдя, он улыбнулся своей постоянной милой улыбкой, сказал что-то смешное и попросил порошок, помогающий от всех болезней. Он вообще не мог иначе.

Медсестра сразу попросила его догнать Працана и помочь ему дойти и обязательно уложить в постель, потому что Працан сильно болен.

Володя Козырь шутливо козырнул, четко повернулся и побежал за Працаном, забыв о своей болезни. Какая у него была температура, выяснилось позже. Оказалось, что 39,7°. Догоняя Працана, он заметил, что тот идет как-то не так. Это усилило его тревогу за товарища, и, догнав Працана, он подхватил товарища на руки и понес в спальню.

Працан принял это за дурачество. У него не было настроения играть, но он тоже высоко держал марку мужества. Козырь успел сообщить другу, что он, мол, болен и его велели уложить в постель. «Этого еще не хватало, — подумал Працан, — чтобы меня несли как маленького, когда мне шестнадцать лет!» Он ловко вывернулся из объятий Козыря и понес его обратно в больничку, поскольку знал, что Козырь тоже простудился. Он добродушно мстил тем же Козырю за слишком нежную заботу о нем. Началась борьба: каждый старался нести другого, зная, что, может быть, сестра смотрит в окно, может быть, еще кто-нибудь видит их, и ни одному не хотелось, чтобы его видели беспомощным. Оба сверстника были крепкими ребятами, силы были примерно равны. Завязалась борьба, в азарте которой понятия и чувства обоих явно «соскочили с рельс».

В итоге их обоих попросили в кабинет к Антону Семеновичу.

В кабинете каждый оправдывался тем, что не мог же он позволить больному нести себя. Поясняли они все так интересно, что все, кто был в кабинете, тряслись от смеха. И они сами.

В итоге вызвали медсестру, измерили температуру и Козырю и уложили обоих в постели с тем, чтобы потом, утром, отвезти в городскую больницу. Но этот номер в коммуне никогда спокойно не проходил. Наутро у обоих была нормальная температура, и врач Коля Шершнев, который в минуты волнений заикался, резюмировал разочарованно: «В-в-вот! Опять ни-чего не вышло!» Он скучал без практики, как врачу ему не хватало работы, и с

досады он пошел в цех, поскольку был не только врачом, но и токарем. И в этом было спасение для его деятельной натуры.

Вообще в коммуне готовых помочь всегда было больше чем нужно, а вот найти человека, нуждающегося в помощи и согласного ее принять, было трудно. Предложение помощи всегда превышало спрос. Никто не хотел выглядеть слабым, нуждающимся в помощи. Это очень красивый и чрезвычайно важный для успешной работы коллектива прекрасный тон Макаренко.

Строение коллектива — вещь очень сложная, многообразная. Но отношения людей в коллективе подобны отношению частей тела в организме одного человека. Люди в здоровом коллективе прежде всего берегут друг друга, как бережет нормальный человек свои руки, ноги, глаза. Только сумасшедший будет без крайней надобности резать свою ногу или нос. Только в ненормальном коллективе один человек будет пренебрегать интересами других людей.

САМОУПРАВЛЕНИЕ

Для того чтобы очень хорошо и правильно представить себе детское самоуправление Макаренко, поставьте себя на место Макаренко с теми юношами и девушками, которых он описал в «Педагогической поэме», Калиной Ивановичем и двумя воспитательницами. Вы оказались бы в труднейшем положении, при острой нехватке самого необходимого.

Что бы вы делали?

Прежде всего вы бы ясно поняли, что тут совершенно невозможно деление на воспитателей и воспитанников. Ребята с жизненным опытом, сильные, здоровые, выносливые, с головой. Ясно, что тут у вас не могло бы возникнуть бредовой идеи объявить их детьми и требовать,чтобы воспитательницы водили их за ручку, знакомили с флорой и фауной, а Калина Иванович всех кормил.

Каким бы ни были вы завзятым педагогом, вы в первую очередь забыли бы об этом. Если вы самый сильный и разумный в этой компании, то прежде всего возьмете на себя руководство, соберете всех и совместно наметите план действий, чтобы не умереть всем с голоду, не замерзнуть в холод.

Если у вас пятьдесят ребят, то вы закрепите за теми, кто поумнее, посильнее и поавторитетнее, определенные виды самых необходимых для жизни работ. Вы не назначите ответственными за них двух женщин только на том основании, что они юридически являются воспитательницами своих разудалых сверстников. Вы не сделаете этого потому, что видите: воспитательницы физически и житейским опытом слабее ребят. Как две такие женщины могут отвечать за заготовку дров! Кроме мучений, это никому ничего не принесет. Вы поймете, что в данных условиях воспитательницы практически могут помочь лучше, умнее распределить силы ребят и добросовестно выполнять труд, посильный для них, так же как и старичок Калина Иванович.

Вы поймете главное: вся сила в ребятах, в их энергии и слаженности. Вот это и будет вашей первой педагогической задачей.

Труднее всего ясно представить себе, что в практике А. С. Макаренко совет командиров, будучи самой настоящей властью, был прежде всего игрой, но игрой серьезной, полной большого общественного и человеческого смысла. Вот это неразрывное слияние в жизни самого серьезного дела с игрой и делало совет командиров одним из самых могучих рычагов педагогической системы А. С. Макаренко.

Важно ясно понять и согласиться с тем, что игра может быть самым важным делом, особенно у детей. Ведь даже у взрослых она порой вырастает до такой значимости. Может быть, Ботвинника игра в шахматы, исход борьбы за первенство волновал и ничуть не меньше, чем его научная работа.

Да, совет командиров был игрой. Однако Макаренко очень тактично избегал присвоения ему этого высокого, светлого звания. Только в отчаянных положениях там, в Наркомпросе, он вынужден бывал указывать на то, что в деятельности совета командиров есть элементы игры, чтобы успокоить разъяренных противников. Они, на время удовлетворенные, затихали, так как под игрой подразумевали любую ерунду, все несерьезное, не заслуживающее внимания и недостойное их гнева или милости.

Тот факт, что совет командиров был игрой, не только не мог подрывать достоинство и серьезность совета, но и

укреплял авторитет совета командиров. Ведь это была не какая-то, а наша, макаренковская игра, созданная всеми нами, дорогая и очень нужная. Но совет командиров был, конечно, не только игрой, а и самой настоящей властью и в колонии Горького, и в коммуне Дзержинского.

Совет командиров мог фактически решать такие вопросы, как прием или увольнение любого педагога, инженера, как жить и работать дальше, в какой мере помогать студентам-выпускникам, строить ли новое здание и многое другое.

И то, что решал совет командиров, не могло быть игрой. Это была авторитетная и нужная власть, а не игра в нее. Игра была совсем в другом: в сборе совета, хорошем украшении, атрибутах, популяризации решений и планов (скетчи, импровизации, карикатуры и т. д.).

Одна из наших сегодняшних бед в том, что мы стараемся делить коллектив на взрослых и детей, а Макаренко старался соединять всех в единый коллектив, с едиными устремлениями, вкусами, задачами и интересами.

Макаренко никогда не разграничивал: мы — педагоги, а они — воспитанники. У него было только мы — вместе.

Нередко на совете командиров бывали педагоги, инженеры, шефы и другие люди, а в собрании участвовали все. Это был высший орган коммуны, а не только детей. У нас теперь принято называть самоуправление в детских учреждениях детским. Зачем такой показной демократизм? Это же недостойная педагогики игра, игра в неправду. Зачем эта ханжеская красота. Вот мы живем для них и им, детям, все, даже власть! Зачем и для чего надо унижать педагога, превращать его в прислугу, нанятую для детей?

Люди, отдающие свой труд и душу детям, должны пользоваться глубочайшим уважением, и для этого их прежде всего надо считать такими же членами коллектива, как и детей.

Совет командиров! Где тут слово «детский»? Его нет. И быть не могло. Потому что, если и не было где самого Антона Семеновича, то были его заместители, а совет командиров не состоял только из одних представителей детей.

Мне ясно только одно: что высший орган коллектива детского учреждения сегодня должен состоять из самых лучших людей коллектива, взрослых и детей.

Мне нравится и слово «командир». Очень нравится. Хорошее, бодрое слово!

Надо, чтобы представители коллектива, его лучшие, избранные члены имели право не только давать указания, советы, но и решать, командовать в лучшем смысле этого слова.

Жизнь детского коллектива должна бежать бодро, весело, быстро, без скучных «рассусоливаний», и нужны четкие, ясные, быстрые, своевременные команды, умение их давать и выполнять. Совет командиров — школа руководства. Поэтому важно, чтобы не спеша, постепенно все ребята побывали бы в командирах, как у Макаренко. Только у Макаренко эта сменность не могла быть строго последовательной, поскольку поступление новых ребят не было планомерным. Сейчас в этом может и должно быть больше систематичности.

Итак, сегодня я советую говорить не о детском самоуправлении, а об участии детей в управлении. Об участии не формальном, показном, а самом настоящем, правомочном, полноправном, ответственном и решающем.

Главная задача директора и завуча, очевидно, будет заключаться в том, чтобы оградить командиров от навязывания им чужих мнений, чтобы дети могли свободно и правдиво отражать мнения и волю коллектива, который они представляют, защищать и отстаивать интересы своих ребят. Так из организма коллектива в его сердце будет поступать венозная кровь какая есть, без обмана. Но каждый командир — не только вена сложного организма коллектива, а и его артерия, несущая свежую кровь из сердца в организм. Через командиров, их усилиями, пульсацией всего сердца коллектива, с которым я сравниваю совет командиров, должны идти все нужные информации, влияния, лучше всего и наиболее четко организуемые именно командами.

КРИТИКА

Дежурил я однажды по коммуне. По-моему, это было в 29-м или в 30-м году. Позже коммунары дежурили уже сами, без педагога.

Но помню, что настроение было у меня злое-презлое. Писать много я не любил. А дежурный педагог должен был в конце дня записать в особой толстой тетради заме-

ченные за день недостатки. А я их не то что не замечал, а не придавал мелочам особого значения и обычно писал кратко: «Все в порядке».

Макаренко подметил мое хмурое настроение и сказал очень весело, что это очень хорошо. По крайней мере сегодня будет критика позлее. А мое недовольство было связано с тем, что совет командиров, которым руководил Антон Семенович, не придал должного значения некоторым требованиям моих клубных активистов. В чем-то нам было отказано.

И к вечеру все, что накипело у меня на душе, вылилось в длиннющую запись в эту тетрадь. Я очень резко критиковал и совет командиров, и самого Макаренко, и завпроизводством, и даже Правление коммуны.

Такие, как их называл Антон Семенович, «извержения вулкана» у меня вообще периодически всегда бывали и бывают. Понимая, что написано уж очень резко, я принес тетрадь лично и сдал ее в руки Антону Семеновичу после сигнала на сон, когда все разошлись. И сказал не без ехидства: «Почитай, пожалуйста, тут я твою просьбу разуважил на полтетради!» И еще приложил письмо, которое содержало уже самую что ни на есть отборную ругань. Однако это была не просто ругань, а ругань с доказательствами и рассуждениями, обоснованная даже теоретически, хотя и совершенно неимевшая приличной формы.

Я ушел, полагая, что тетрадь ему придется теперь заводить новую. Я думал, что утром на другой день будет скандал, он будет браниться, сердиться, и мы вообще разойдемся. Я не думал, что он вообще может выдержать подобное. Но я был зол, очень зол и шел на конфликт сознательно.

Каково же было мое удивление, когда на другой день я увидел эту тетрадь на столе Антона Семеновича. Она была открыта на последней странице моей записи, где аккуратнейшим своим почерком Антон Семенович приписал довольно длинную резолюцию, расписался и поставил печать. В этой своей резолюции Антон Семенович усиленно советовал дежурить именно так, как дежурил я, и записывать все в таком же духе.

Письмо он куда-то спрятал, а при встрече просто сказал мне спасибо и пожал руку. Требования моих активистов были срочно удовлетворены, как и мои лично. Ничто

так не подняло в моих глазах авторитет Макаренко, как этот случай. Я понял, что разрыва с ним у меня вообще быть не может.

После этого случая отношения между нами стали гораздо проще, откровеннее, лучше. Я никогда уже больше не писал то, что накипело на душе, но вечером говорил ему просто, откровенно. Он со многим соглашался, но со многим соглашался и я. И в спорах он гораздо чаще бывал прав. Но возражения выслушивал спокойно, и всегда было ясно, что он способен соглашаться с истиной, какой бы неприятной лично для него ни была она, что самолюбие не мешает ему изменить любое решение на более удачное.

Главным, что обеспечивало успех всех дел, была его исключительная способность требовать много и принимать самые высокие требования, даже если члены коллектива выражали их очень резко.

Критика воспитывала и развивала зрение коллектива, слух, все органы чувств, разум и правильное понимание явлений, внимание ко всему окружающему.

Критика—острая вещь. Вроде бритвы. Ею можно брить, а можно и поранить. Надо точно знать: когда, кому и как критика поможет. Пусть хоть немножко поможет, а вот ранить она никогда не должна. Особенно слабых. Чем сильнее и умнее человек, тем более способен он выносить критику. Вот такую умную, гуманную по существу и форме критику любил А. С. Макаренко.

Новеньких ребят, не понимавших и не принимавших критику, терпеливо приучали понимать и воспринимать критику правильно: не обижаться, а исправляться, не расстраиваться, а настраиваться, не гневаться, а благодарить, не плакать, а смеяться. И приучали ветераны, прежде всего Антон Семенович своим примером.

Вспомните, сколько сил отдавал Макаренко стенной печати, стилю и тону общих собраний, работе совета командиров. Это тончайшее, ювелирное искусство, требующее точной, филигранной работы. Критика порой подобна ответственной хирургической операции, особенно когда вы имеете дело с детьми и людьми с высокоразвитым чувством долга, чести, человеческого достоинства, уважения к себе. Критика в руках головотяпа, формалиста и приспособленца очень вредна.

Все и всякие пожелания в адрес педагога Макаренко излагал только в виде вежливой просьбы или просто пожелания. Никогда никаких приказов педагогу, конечно, не было и быть не могло, потому что Макаренко не провозглашал, а выполнял указания В. И. Ленина о положении учителя у нас в обществе.

Макаренко был очень самолюбив и горд. Он, мне кажется, не смог бы выдержать открытой, уж очень основательной по принципиальным вопросам критики своих действий на общем собрании.

Каждый меряет на свой аршин. И Макаренко щадил самолюбие других. Никогда не мог он открыто критиковать действия педагога на общем собрании.

Однако он был мудр и прекрасно понимал, что если каждый не будет выражать своих мнений и соображений, если властью придавить волю других, то будет страдать дело, великое дело, которому он посвятил жизнь.

И это заставляло его не только внимательно и терпеливо выслушивать мнения каждого по самым различным вопросам, но и стимулировать высказывания каждого, будить инициативу, обеспечивать каждому возможность откровенно и безнаказанно излагать свои мысли, чувства и мнения. Об этом он написал, это было в первом варианте «Марша 30 года», но вынужден был изъять, поскольку это не могло тогда пройти в печать.

В какой форме в практике Макаренко производился открытый обмен мнениями? Преимущественно в беседах вдвоем, с глазу на глаз, наедине. Тут Макаренко был способен внимательно выслушать какую угодно критику, выраженную даже самым резким и грубым тоном, даже с руганью — как угодно. Он по-настоящему ценил искренность и принимал ее в любой форме, хотя далеко не всякую форму одобрял. Личной амбиции у него не было. Обруганный ядовито и зло, он мог сказать спасибо, очень приветливо, искренне, от души, если в критике его действий были полезные для дела крупицы. Он не был щедр на комплименты, но мог ободрить ругающегося шуткой вроде такой: «А ты, оказывается, соображаешь!» И потом непременно сделает что-нибудь приятное, чтобы успокоить разволновавшегося оппонента. Он понимал, что самым приятным будет изменение действий сообразно справедливым настояниям оппонента. И он имел разум и мужество так изменяться.

«Марш 30 года» — очень трудное по своему замыслу произведение писателя. Надо показать всю систему в действии, композицию, соединение воедино всех средств, способов и методов воспитания.

Мыслимо ли вообще такое в литературном произведении?

На такой подвиг никакой педагог никакого писателя, наверное, воодушевить бы не смог. Это мог сделать человек, сочетающий в себе качества большого писателя и выдающегося педагога.

Известно, что судьба рукописи «Марша» была нелегкой.

В каком отношении пострадал как педагогическое произведение «Марш 30 года»?

В силу условий того времени в «Марше» оказалась нарушенной первоначальная удачная дозировка внимания отдельным вопросам: кое-что важное изъято, кое-что менее важное дано в «более развернутом виде». Частично это вынужден был сделать сам Антон Семенович под напором авторитетных в то время мнений. А дозировка — великой важности дело! Возьмите вы самое блестящее художественное произведение и утрируйте, усильте в нем что-нибудь, что вам очень нравится, но без чувства меры, и произведение может утратить свою ценность.

Мне известно, что глава о клубной работе в черновике была написана гораздо подробнее, была обстоятельно освещена работа многих кружков, и вообще значение клубной работы было очень сильно подчеркнуто. А в печати получилось совсем иначе, о клубной работе сказано мало и вскользь. А это плохо, потому что без нее понять систему Макаренко невозможно. Некоторые говорят, будто бы используют опыт Макаренко, а на деле выходит, что даже игры, об особенной важности которых Макаренко писал почти в каждом из своих произведений, и те не проводят! Можно говорить, что используются лишь отдельные детали системы Макаренко, а не вся система. Это большая и принципиальная разница. Ведь вся суть именно в определенной компоновке всех деталей, определенной системе их расположения и взаимодействия в системе.

Название произведения Макаренко «Марш 30 года» — символично. Макаренко имеет в виду не только самый поход, но и всю жизнь коммуны представляет как марш, поход к коммунизму.

В «Марше» нет ни одного надуманного слова, все написано глубоко правдиво, с натуры, но это произведение далеко от натурализма, оно обобщенно рисует жизнь коммуны. Если задаться целью хотя бы перечислить все дела, сделанные коммунарским коллективом только в 1930 году, то получилось бы многотомное издание.

«Марш 30 года» — произведение глубоко партийное, оно, как и жизнь коммуны и деятельность Антона Семеновича, пронизано ленинскими идеями и принципами.

«Марш 30 года» не является показом каких-либо окончательных достижений Макаренко и его коллектива. Это — система в действии, это именно движение, его зарисовка.

Макаренко как истинный художник никогда и ничем не бывал удовлетворен окончательно, но он всегда радовался жизни коллектива, его движению вперед. «Маршем» Макаренко даже не говорит: «Вот так надо идти!» Он говорит: «Вот так мы шли!»

Но если мы очень вдумчиво пронаблюдаем движение коллектива Макаренко именно в 30-м году, на этом марше, то мы можем найти в нем очень много верных ответов на вопросы, которые не могут не волновать нас сегодня. У нас при изучении «Марша» должно созреть много решений по улучшению нашей педагогической работы сегодня и завтра.

Среди этих решений должны быть такие:

—дети — люди, которых мы обязаны глубоко уважать, не считать объектами воспитания и вводить в жизнь полноправными гражданами;

—надо, чтобы вся жизнь детей стала интереснее, была полна настоящими, хорошими увлечениями;

—надо вдохнуть в жизнь детей глубокие коммунистические интересы, радость больших человеческих дум, чувств, дел и стремлений, поэзию труда и красоты отдыха, красоту настоящей человеческой жизни; треск, суетню и парадность надо решительно заменить размеренным шагом идущего к определенным ясным целям дружного, сплоченного коллектива;

—организация отдыха детей—вопрос решающей важности, вопрос, к рассмотрению которого нам приступить давно пора со всей серьезностью; то, что у нас есть сегодня по этому вопросу, нас удовлетворять не должно;

—необходимо развернуть работу детских и молодежных клубов, в корне изменив их содержание и методы работы.

С. С. ЯКУШИН

Якушин Сергей Семенович (р. 1918).

Инженер. С 1931 года в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, где получил образование, приобрел специальность фрезеровщика и оптика-полировщика. Участник Великой Отечественной войны. В настоящее время работает в тресте Уральскпромстрой, живет в городе Уральске.

МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ

Сейчас почти каждому из нас под пятьдесят, а многим и больше. Предо мной групповая фотография коммунаров, живущих в Комсомольске, первостроителей этого города. Вот полный улыбающийся мужчина — это знаменитый «Колька доктор» — Николай Шершнев, Юзик Яновский, Игорь Панов, Юра Руднев, Лида Ряполова, Дуся Минакова, Лиза Шестакова, Виктор Голубенко. А вот другая фотография коммунаров, из Оренбурга. Задумчиво глядит Ваня Ветров, юрист, и Наташа Субботина-Амосова, врач-окулист.

В Алма-Ате живет большая и такая же дружная семья коммунаров: Полина Джуринская —преподаватель, Леня Лазарев — работник коммунального отдела, Борис Пенкин — скульптор, Николай Беймуратов — работник просвещения.

А вот фотография из Харькова. По колено в воде с удочками стоят: художник телестудии Юра Камышанский и военный инженер в отставке Илюша Плотников с сыном.

Мы, воспитанники А. С. Макаренко, подобно птенцам, разлетелись по всей советской земле с окрепшими крыльями, с правильным понятием о социалистической жизни.

На Украине и в Казахстане, в Комсомольске и в Москве, в Баку и Мурманске — во всех концах Советского Союза живут и строят прекрасную жизнь горьковцы и дзержинцы, и ничто, никакие бури не сбили и не собьют с пу-

ти, на который их поставил замечательный ленинец, наш Антон Семенович Макаренко.

Через 17 лет мне посчастливилось снова побывать в старых местах, где была наша детская трудовая коммуна.

В памяти вспыхивают, как радужные огоньки, волнующие воспоминания о моей приемной матери. Здесь я провел свои лучшие детские годы, нашел истинное счастье жизни. Я закрываю глаза и вижу, как во сне, свое прошлое, буйное, радостное, счастливое детство.

Вот мы, коммунáры, веселой гурьбой идем в классы, в цехи, а вечером сломя голову носимся по футбольному полю, а потом засиживаемся в читальном зале, поглощаем с увлечением книги. Вот мы горячо обсуждаем производственные вопросы, а вот сидим в нашем коммунарском театре, с захватывающим интересом смотрим выступление Дурова с его питомцами.

А в праздничные дни, когда коммунары выстраивались в маршевую колонну, мы слышим чуть хрипловатый дорогой нам голос Антона Семеновича: «Коммуна, под знамя смирно!» Все замирают. Из парадного входа четким строевым шагом под марш духового оркестра выходят знаменосцы — и направляются в голову колонны.

И мы, гордость чекистов, под гром 60-трубного духового оркестра красивым строем проходим по центральной площади столицы Украины.

Да, коммунары-дзержинцы тридцатых годов вправе гордо во всеуслышание заявить: мы жили при коммунизме, жили увлеченно, интересно, счастливо, по-настоящему.

Правда, нам много мешали. Несмотря ни на какие трудности, принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» бурным потоком входил в нашу жизнь.

В коммуне было осуществлено полное удовлетворение потребностей устремленного вперед коллектива. Коммунары были сознательными тружениками, являлись творцами и хозяевами своей коммуны.

Труд на благо коммуны, Родины был высшим долгом коммунаров.

Коммунистическая сознательность коммунаров формировалась в плодотворном увлекательном труде, самой жизнью коммунаров, веселой, очень дружной, дерзновенной в своих исканиях.

Непрерывное развитие производства, оснащение его новой техникой было принципиальной линией коллектива коммуны.

В коммуне было утверждено абсолютное равенство членов всего коллектива. Руководящие органы систематически переизбирались общим собранием коммунаров, и состав их был почти всегда новым, чем прививалось каждому коммунару качество хозяина и организатора.

Сейчас, когда прошло столько лет с тех пор, нельзя на коллектив коммуны имени Ф. Э. Дзержинского смотреть как на увлекательную главу из интересной фантастической жизни.

Необходимо полнее использовать грандиозные исторические победы советской педагогики, завоеванные в трудной творческой борьбе большого коллектива.

На наше поколение, на передовых учителей и воспитателей, на учебные и просветительные учреждения ложится большая ответственность за сохранение и развитие учения педагога-новатора Антона Семеновича Макаренко.

Позднее мы, коммунары-дзержинцы, уже зрелые люди, поняли, в каком удивительном мире мы жили.

Дорога, по которой А. С. Макаренко провел своих воспитанников, прекрасна.

Марш коммунаров тридцатых годов был маршем молодости, энтузиазма, дерзания, становления нового Человека.

В. Г. ЗАЙЦЕВ

Зайцев Василий Григорьевич (р. 1916).

Журналист. Воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. В коммуне начал писать стихи и сотрудничать в многотиражке. Получив в коммуне среднее образование и высокую рабочую квалификацию, уехал добровольцем на строительство Комсомольска-на-Амуре. По совету А. С. Макаренко избрал профессию журналиста. Участник Великой Отечественной войны. Автор неоднократно публиковавшихся рассказов о коммуне и А. С. Макаренко.

В ТРАМВАЕ

Секретаря комсомольской организации Виктора Суржина вызвали в горком комсомола. Он обратился к Дидоренко, заместителю начальника коммуны по хозяйственной части:

— Степан Акимович, мне срочно нужно поехать в город, в горком вызывают, разрешите взять машину?

— Грузовая занята, а автобус не могу посылать, — ответил тот.

— Но я не по личным делам еду, — настаивал Суржин, — разрешите автобус!

— Нет, не могу...

— Ну, хорошо. Пойду к Антону Семеновичу. Он поймет.

Антона Семеновича в кабинете не оказалось. Суржин посмотрел на часы: вызывали к двенадцати, остается сорок минут... Что же делать?

Пришлось идти на остановку трамвая. Дорога пролегала через лес. «Целый километр пешком топать, — злился Суржин, сбивая носками ботинок крупные листья подорожника. — Расскажу Антону Семеновичу, как Дидоренко относится к комсомолу».

Лес остался позади. Суржин вышел на Белгородское шоссе, пересек его. На остановке, к своему удивлению, увидел... Макаренко. Подошел трамвай, и они оба вошли в вагон. Суржин следом за Антоном Семеновичем.

Суржин поинтересовался:

— А почему вы, Антон Семенович, едете в город на трамвае?

— А на чем же? На автобусе? Совершенно нелепо гнать такую махину из-за одного человека. Мне даже людям неудобно будет смотреть в глаза: один в пустом огромном автобусе.

Но, очевидно, заметив недоуменный взгляд Суржина, Антон Семенович насторожился и спросил:

— А ты разве иначе думаешь? Погнал бы ты автобус, когда можно доехать трамваем?

— Видите ли, Антон Семенович...

Макаренко, пристально вглядываясь в него, предупредил:

— Только без дипломатии, Виктор. Не люблю.

Покраснев до ушей, Суржин признался:

— А я вас искал, хотел пожаловаться на Дидоренко: не дает автобус поехать в горком.

— Искал и не нашел?

— Не нашел, — прошептал Суржин.

— Ну и хорошо, что не нашел.

Оба весело рассмеялись.

СЛУЧАЙ СО ШВЕДОМ

Дзержинцы часто бывали в гостях у рабочих харьковских предприятий. Во время летних походов по стране они посещали фабрики и заводы. На этих встречах коммунары выступали с концертами. Бывало, что к ним обращались с приветствием, нужно было сказать ответное слово, а тут-то и получалась заминка: ораторов в коммуне не было.

С приходом в коммуну Саши Шведа это «больное место» подправили. Швед никогда нас не подводил: на всех торжественных собраниях, при встречах с делегациями он смело выходил на трибуну, принимал красивую позу и говорил так складно, что коммунары потом наперебой выражали свое восхищение.

Иногда Швед «зарывался» и говорил от имени коммуны то, чего ему не поручалось. В таких случаях коммунары не давали ему спуску. Но вообще Саша пользовался любовью: человек он был мягкий, веселый, инициативный.

Антон Семенович к речам Шведа тоже относился с одобрением. Даже призывал других воспитанников развивать в себе ораторские способности. Однако от внимания Макаренко не ускользнуло, что выступления Шведа несколько трафаретны: чувствовалось, что он живет газетным багажом. Антон Семенович попытался втянуть Шведа в разговор об искусстве и литературе, но тот уклонился. Тогда Макаренко сказал ему прямо:

— Избаловали мы тебя вниманием. А ты ведь мало над собой работаешь.

Вскоре один случай полностью подтвердил предположение Макаренко.

В кабинете Антона Семеновича сидели ребята, среди них и Швед, и разговаривали. Макаренко работал за столом и в беседе участия не принимал. Кто-то из коммунаров вспомнил «Ревизора».

Швед спросил, интересная ли это книга.

— Как? — удивился Антон Семенович. — Ты не читал Гоголя? Уходи из моего кабинета! Чтоб и духу твоего не было!

Швед кинулся в библиотеку и раздобыл «Ревизора». На другой же день он пришел к Макаренко:

— А хотите, Антон Семенович, я вам подробно расскажу содержание «Ревизора»?

Макаренко весело согласился:

— Рассказывай.

С первых же слов он убедился, что Швед действительно прочел пьесу. Еще бы, он читал чуть ли не всю ночь...

— Вот теперь хоть есть о чем с тобой поговорить,— сказал Макаренко.

Спустя некоторое время библиотекарь сообщил нам по секрету:

— Антон Семенович несколько раз приходил ко мне. Спрашивал, меняет ли Швед книги.

Когда мы это передали Шведу, он хитро улыбнулся. Он знал, что так и будет, и, чтобы не попасть впросак, менял книги аккуратно. Сначала читал с пятого на десятое, а потом втянулся, полюбил книги по-настоящему, чтение стало для него потребностью. Читал и классиков, и новинки советской и зарубежной литературы, охотно рассказывал о прочитанном ребятам. Его выступления на вечерах стали гораздо ярче и содержательнее.

... Прошло много лет. И вот, когда страна отмечала 75-летие со дня рождения А. С. Макаренко, я прочел в «Правде» статью из Новосибирска о воспитаннике Макаренко — Александре Натановиче Шведе. Я узнал, что Саша пошел по стопам Антона Семеновича, стал педагогом и сейчас работает директором Новосибирского детского приемника.

Наверное, делясь воспоминаниями о коммуне Дзержинского, он часто вспоминает, как Макаренко приучил его читать книги.

А ГДЕ ЖЕ МЫСЛИ!

Общие собрания в коммуне проводились почти ежедневно. Нарушил кто-нибудь порядок, получила коммуна приглашение в гости или новое задание, Макаренко коротко бросал горнисту:

— Общий сбор!

Обычно это бывало днем, в перерыве между сменами на заводе и в школе. Зал заполнялся быстро, собрание начиналось сразу же и продолжалось обычно не больше двадцати минут.

Макаренко не любил многословных рассуждений, зло высмеивал краснобаев, требовал выступлений толковых, кратких. Когда вносилось важное предложение и высту-

пающий заранее предупреждал, что не сможет уложиться в минуту, ему разрешали говорить дольше.

Были, конечно, и другие собрания: производственные, комсомольские, — с докладами и прениями. Но речь не о них.

Сам Антон Семенович, выступая, говорил мало, скупыми фразами, только о сути дела.

А вот коммунар Миша Колыванов в такой жесткий регламент никак уложиться не мог. Высказываясь, он любил пофилософствовать, посмаковать каждое слово, вспомнить то, что было полгода или год назад. Коммунары его поторапливали:

— Ближе к делу!

— Регламент!

— Какой регламент? — возмутился Колыванов на одном из собраний. — Я за него не голосовал. Затвердили: «Минута, минута», — а что за нее скажешь?

Услышав это, Антон Семенович поднялся со стула и сказал, ставя ударение на каждом слове:

— Минута — целых шестьдесят секунд. А за шестьдесят секунд можно высказать шестьдесят мыслей! — И сел. По залу пронесся гул одобрения.

С тех пор эта фраза о шестидесяти мыслях в минуту стала крылатой. Стоило кому-нибудь выступить не поделовому, непродуманно, как тут же слышалась реплика:

— Секунды идут, а где же мысли?!

В ПОЛНУЮ МЕРУ СИЛ

Как-то Антон Семенович вызвал к себе членов литературного кружка и предложил подготовить к празднику Первого мая литературную страницу для нашей многотиражной газеты «Дзержинец».

— Подберите стихи, песни, может, рассказ у кого написан, и очерк обязательно нужен будет, — советовал он. — Со всеми материалами приходите ко мне. — Макаренко протянул нам листок бумаги, — тут примерные темы для очерков. Пусть подумают хлопцы.

Коммунар Афанасий Сладков, вынув из кармана ученическую тетрадь, свернутую трубкой, обратился к Макаренко:

— Посмотрите, Антон Семенович, новое стихотворение. Может, что не так? Я переделаю!

Макаренко прочел стихи вслух.

— Мне кажется, здесь все так, — проговорил он, — написано с чувством. Подойдет для литстраницы.

Возвращая тетрадь, спросил:

— Значит, серьезно хочешь стать поэтом?

— Да, хочу...

— Хорошим поэтом?

Сладков неопределенно пожал плечами:

— Не знаю...

— Если ты не знаешь, то кто же знает?

— Там будет видно...

— Не согласен! — запальчиво возразил Антон Семенович. — Заранее себя готовить к серенькому существованию безвольно и глупо. Всегда надо равняться на великих людей, работать в полную меру сил! Конечно, Пушкиным или Горьким не всякому дано быть, но если ты стремишься стать отличным специалистом, то хорошим всегда сделаешься.

...Несколько позже эту мысль Макаренко высказал на общем собрании, когда мы провожали в институт группу коммунаров, окончивших рабфак. Он призывал выпускников избрать такую профессию, которой хочется отдать себя целиком.

— Чтобы не только в служебные часы чувствовать себя конструктором или врачом, а всегда: днем и ночью—всю жизнь, — сказал Макаренко в заключение.

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Группа старших коммунаров вместе с Антоном Семеновичем после осмотра Краматорского машиностроительного завода отправилась на вокзал. Уже стемнело. Был душный августовский вечер. В ожидании поезда мы сидели на траве и делились впечатлениями. Антон Семенович тоже сидел с нами, затем лег, положив фуражку рядом.

— Вы сняли бы сапоги, — посоветовал кто-то из девочек.

— Зачем, я не устал, — ответил Антон Семенович.

Шура Чевелий разыгрывал Фильку Куслия:

— Ну расскажи, Филя, как ты в сборочном цехе от табельщицы никуда не хотел отходить.

Филька сердился. Это всех очень смешило. А Чевелий наседал:

— Ты, Филя, не обращай на них внимания. Любовь с первого взгляда — большая штука...

— Расскажите что-нибудь из своей жизни, — просили Антона Семеновича девочки.

— Что же я вам расскажу? Жизнь у меня без приключений... Лучше вы расскажите. Вон Филька пусть расскажет о своей первой любви.

Снова взрыв смеха.

Филька, паренек лет пятнадцати, говорит обиженно:

— Антон Семенович, и вы слушаете Шурку. Это же не человек.

Девушки не унимались:

— Антон Семенович, расскажите о вашей первой любви...

— О первой любви? — переспросил Макаренко, как бы сомневаясь, подходящая ли аудитория для такой темы.

— Расскажите, расскажите, — стали упрашивать уже все.

— Ладно уж. Расскажу... Было мне чуть больше шестнадцати лет, — начал свой рассказ Антон Семенович. — Я уже тогда учительствовал. Одно время давал уроки дочери попа. Помимо уроков, мы с ней много беседовали о прочитанных книгах. Я зачитывался Горьким. Дал и ей. Девушка она была умная и года на три старше меня. Несмотря на то что жила в богатой семье, жалела бедных детей. Всегда носила им на станцию хлеб, яблоки. Вместе с ней мы прочитали «Что делать?» Чернышевского.

Меня радовало то, что она начинала смотреть на окружающую действительность так же, как и я, сын рабочего. И влюбился я.

Во время занятий с нами в комнате всегда находилась старая-престарая бабка. Монотонно перебирая спицами, она что-то вязала. Время от времени старуха с осуждением поглядывала на молодого учителя. Но вскоре я заметил, что она плохо видит, и занятия пошли веселее. Мы обменивались многозначительными взглядами и говорили полунамеками.

Я мечтал о том, как мы будем вместе бороться за новую жизнь.

И вдруг все сразу рухнуло. Поп выдал свою дочь за кулацкого сынка.

Злился я тогда на весь мир, места не находил. В день свадьбы решил пойти в церковь. А у меня был старый ржавый револьвер. Я захватил его с собой. Стал у самого входа и думаю: вот возьму и застрелюсь в церкви, пусть знает... Но стреляться раздумал. Решил, выстрелю просто вверх, пусть все всполошатся. Поднял руку и нажал курок. Выстрела не последовало. Еще нажал. Осечка. Я разозлился окончательно, размахнулся и забросил револьвер за ограду. Но успокоиться долго не мог. Бродил почти всю ночь. Я тогда многого не понимал, но попову дочку жалел от души. Эта свадьба отрубила ей раз и навсегда пути к той жизни, о которой мы мечтали.

А как мне хотелось вырвать ее из проклятого мещанского быта! Но сил не хватило... А могло бы на свете стать одним хорошим человеком больше...

Антон Семенович умолк. Долго никто не решался нарушить тишину. Только трещали кузнечики и шуршал сухой травой ветерок.

Неожиданно Филька спросил Макаренко:

— А какую же надо иметь силу, чтобы не одного, а сотни людей выводить на верную дорогу?

Макаренко, опираясь на локоть, приподнялся и тепло посмотрел на Куслия. Ответил не сразу. Сидел, покусывая стебелек, и, как бы мысля вслух, проговорил:

— Время другое было, Куслий. А теперь у меня столько помощников: вся страна, Горький, да ты, Филька!

Т. Д. ТАТАРИНОВ

Татаринов Тимофей Денисович (1894—1954). Соратник А. С. Макаренко, с 1923 года бессменный его заместитель по учебно-воспитательной части. Опытный и разносторонне образованный педагог, Т. Д. Татаринов в пору строительства заводов в коммуне получает и инженерное образование. После ликвидации коммуны остается работать на заводе «ФЭД», был председателем его завкома и в 1941 году организует эвакуацию завода. После войны Т. Д. Татаринов — инспектор Министерства трудовых резервов, директор ремесленного училища, инженер и секретарь партийного бюро подмосковного завода.

До конца своих дней Т. Д. Татаринов являлся страстным пропагандистом и талантливым продолжателем дела своего учителя.

КОМАНДИРЫ СТАНКОВ

Дать стране свою рабочую интеллигенцию, способную стать во главе производства, подготовить специалистов, умеющих следить за развитием технической мысли, способных не только усваивать технику передовых индустриальных стран, но умеющих применить ее в жизнь, внеся целый ряд усовершенствований; дать государству людей, способных отстаивать производственные интересы пролетариата и умеющих определить себя в реконструирующемся производстве, — вот те большие задачи, которые стоят перед коммуной в борьбе за кадры, вот то, из чего исходили коммунары, впервые переступая порог первого в Союзе завода электросверлилок. Полное наличие возможностей — оборудования, инженерно-технических сил, рабфака при коммуне — говорит о том, что эта задача разрешима, что действительно достаточно 3 — 4 лет обучения коммунаров, чтобы выпустить своих специалистов средней и высшей квалификации...

Уже сейчас в стенах коммуны мы имеем своих студентов вузов, имеем своих помощников-инструкторов. Такие коммунары, как Французов, Землянский, Анисимов, Скребнев (все с пятилетним коммунарским стажем), прошли хорошую производственную школу. Они сейчас лучшие ударники и воспитатели таких коммунаров, как десятилетние Братчины, Кидаловы, Лазаревы. Сейчас эти мальчики еще в школе ЦИТа.

За первый год обучения в инструментальном отделении завода они выдерживают испытание на 1-й и 2-й разряды; на 3-й разряд — на втором году обучения; к началу третьего года обучения получают 4-й и 5-й разряды по рабочей сетке; для наиболее способных возможно продвижение до 6-го разряда.

На револьверных станках новички прежде всего ставятся под руку уже работающих коммунаров. В зависимости от способностей коммунаров такое ознакомление продолжается от 3 до 5 дней, после чего коммунар ставится работать на этих станках. Частый присмотр инструктора, его помощь позволяют новичкам овладеть

первой техникой работы, ознакомиться с точкой режущего инструмента и самостоятельно уже производить самые легкие работы... Дальше передвигаются они на станки типа «Ворд», выполняя на них в течение такого же срока уже более сложные работы, но не требующие большой точности. Приобретенные навыки в продолжение 1-го полугодия дают возможность коммунарам перейти на револьверные полуавтоматы... Станки со сложным механизмом и с таким же управлением требуют продолжительного пребывания на них.

Работая не менее года на станках подобных типов, обучаемые настолько закрепляют трудовые навыки, умение самостоятельно работать,что сами могут помочь другим разобраться в механике станка, его работе и наладить станок к пуску; в зависимости от своих индивидуальных способностей коммунары могут переходить на более квалифицированную работу помощников инструкторов по револьверной группе. В их обязанности входит наладка станка своей группы на любую прикрепленную работу — даже револьверных автоматов.

Такую же школу проходят коммунары, поступившие для обучения во фрезерную группу.

Более обширной единицей нашего механического цеха является токарная группа. Станки «Красный пролетарий», «Самарские», «Одесские», «Комсомолец», «Эрликоны» охватывают до 70 коммунаров. Схема передвижения рабочих-коммунаров от станка к станку в токарной группе основана на тех же принципах, что и в вышеперечисленных группах.

Наряду с выпуском коммунаров средней и высшей квалификации (токарей, револьверщиков и фрезеровщиков), завод коммуны готовит еще инструкторов заготовительного, обмоточного и сборочного цехов. Вновь принятые воспитанники, закончив курс обучения в группе ЦИТ, как имеющие основные трудовые навыки, определяются в заготовительное или обмоточное отделение.

Умения и знаний вполне достаточно, чтобы мальчика сразу поставить на работу. Срок пребывания в заготовительном отделении до 6 месяцев. Здесь он хорошо должен усвоить все детали и операции, проходящие через заготовительный цех, должен быть хорошим исполнителем всех работ, безукоризненно овладев опиловкой, сверловкой, нарезкой, шихтовкой станин и сердечника якоря, сборкой

вентиляторов, сборкой выключателей, после чего остается пом. инструктора этого отделения для полного усовершенствования в данной области и переходит в сборочное отделение. Коммунары, попавшие в обмоточные отделения, хорошо знакомятся со сборкой коллектора, запрессовкой в массу, проверкой, обмоткой катушек, изолировкой, обмоткой якоря, укладкой, проверкой, пайкой и сушкой.

На каждой из этих работ коммунары работают от 2 до 3 месяцев, после чего могут остаться пом. инструкторов в этом же отделении.

Коммунары, попавшие из заготовительного отделения в сборочное, изучают укладку катушек в станину, сборку верхнего щита, сборку нижнего щита, оснастку якоря, сборку машинки, оставаясь на каждой работе до 3 месяцев. Для углубления навыков и знания всех технологических процессов сборочного отделения коммунаров оставляют пом. инструкторов этого отделения сроком от 6 до 9 месяцев, после чего они переходят на испытательную станцию месяца на три.

Помимо обучения всем перечисленным специальностям, отдельные небольшие группы коммунаров работают в конструкторском бюро, электротехническом отделении завода, стоят у станков шлифовальных и штамповочных...

П. Е. ДЖУРИНСКАЯ

Джуринская Полина Ефимовна (р. 1916). Педагог. В 1930—1935 годах воспитанница коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. По образованию историк. В настоящее время живет в Алма-Ате и работает в Республиканском совете педагогического общества, являясь его ученым секретарем.

«ГЕРОЙ»

В 1934 году мы решили отдыхать на Донце. Это было вызвано тем, что мы, собственно говоря, побывали уже везде: на Черном море, на Волге, на Азовском море.

Вот почему мы решили построить лагерь и отдыхать на родине украинского большевика-революционера Артема, в Славянске, на берегу Донца.

Мы хотели посмотреть Донбасс и познакомиться поближе с рабочими-шахтерами.

В один из воскресных дней мы пригласили к себе в лагерь лучших ударников-шахтеров Донбасса.

Ранним утром можно было видеть, как вереницей шли машины из Горловки, Константиновки, Краматорска, из окрестных рабочих поселков в наш лагерь.

И вот какой эпизод произошел в тот день.

Один из наших коммунаров, Петя, решил в честь приезда дорогих гостей совершить необыкновенный поступок.

Невдалеке от Донца, возвышаясь над ним метров на сто, стоял на скале колоссальный памятник Артему. Этот памятник часто осматривают всевозможные экскурсии. Посетители, как это у нас водится, оставляли свои фамилии на скале, или на пьедестале, а некоторые, рискуя сорваться, старались взобраться на самый памятник, но всегда безуспешно.

Стоял этот памятник как раз напротив нашего лагеря, на другом берегу реки.

Так вот, наш Петя решил взобраться на голову памятника и на одной руке сделать стойку.

Он взобрался на памятник при помощи каната. С ним вместе был наш горнист, который во время стойки должен был сыграть марш «Победы».

Для того чтобы взобраться на памятник, потребовалось два с половиной часа. Свой «подвиг» наш товарищ решил посвятить нашим гостям. Он рассчитал время таким образом, чтобы сделать стойку тогда, когда наши гости въедут в лагерь.

Еще по дороге в лагерь внимание рабочих привлекла какая-то «птичка», карабкавшаяся по памятнику. К их изумлению, «птичка» очень медленно, но все-таки упорно стремилась вверх. Памятник был настолько высоким, что его видно было за много километров до въезда в Святогорск (Красногорск).

Наконец гости приехали. Мы их торжественно встретили всем строем в парадных костюмах. Но каково же было изумление всех присутствующих, и в том числе и наше, когда вдруг, после отданной Антоном Семеновичем команды «Смирно», раздались звуки марша «Победа» и над головой памятника в белом костюме, на одной руке поднялся в стойке наш коммунар. Он держался исключительно стройно и красиво.

В первые секунды все замерли, будучи не в силах вымолвить ни слова. Ведь одно неправильное движение смельчака — и конец.

Наши гости пришли в неописуемый восторг от этого отважного поступка. Антон Семенович страшно побледнел и не мог скрыть своего волнения до тех пор, пока Петя не спустился.

Антон Семенович велел привести Петю к себе в штабную палатку. «Герой» дня, как ни в чем не бывало, как будто ничего и не произошло, появился в лагере с добродушной и невинной улыбкой.

Особенно Петей восторгались малыши, которые без конца восклицали: «Вот это здорово! Ведь не каждый решится на такое, да и не каждый сумеет».

Восхищенные гости окружили его, расспрашивали, обнимали, поздравляли. А один из репортеров, оказывается, даже умудрился сфотографировать Петю во время стойки.

Назавтра в «Листке шахтера» появился этот фотоснимок и восторженная статья, посвященная бесстрашному поступку коммунара.

Но Антон Семенович совершенно по-другому расценил этот случай. Да, он всегда воспитывал в нас бесстрашие, смелость, силу воли. Но он всегда считал, что эти качества должны быть направлены на разумное, приносящее пользу дело, а не использоваться для ненужного риска, пустой рисовки, как это было в данном случае.

Хотя наши гости заступались за «героя», уговаривая Антона Семеновича простить его, но Антон Семенович совершенно справедливо не мог оставить безнаказанным такой поступок и посадил Петю под арест.

Ему, наверное, самому жаль было в такой торжественный день, когда весь коллектив развлекался, отдыхал совместно со своими гостями, наказывать воспитанника, но педагог в нем и в данном случае взял верх.

БЕЛЫЕ СКАТЕРТИ

Вспоминается еще один эпизод. Как-то нас пригласили в гости. Когда ребята зашли в столовую, залитую солнцем, столы были застланы белоснежными скатертями. А мы до этого никогда не пробовали обедать на белых скатертях, у нас были обычные клеенки. Макаренко помрачнел. Кроме того, Антон Семенович не без основания забес-

покоился, не выпачкали бы белые скатерти. Тотчас же наши дежурные обошли все столы и шепотом объявили: «Не чавкать».

Легко сказать! Это указание гораздо труднее усваивалось (поскольку не было навыка), чем наш девиз «не пищать!». И коммунары действительно оставили на скатертях много пятен. Антон Семенович это учел и, когда мы вернулись домой, ввел белые скатерти. Это мероприятие потребовало целой реформы.

В приказе по коммуне говорилось, что скатерти меняются еженедельно и что надо соблюдать особенную аккуратность за столом.

Была введена даже премия в виде красивого цветка, который ставился на стол у самых аккуратных коммунаров. Каждый стол с исключительной настойчивостью добивался этой премии. Это превратилось в своеобразную, дающую коммунарам определенные культурные навыки игру.

Девочки, конечно, были более аккуратными. Они снимали даже свои чистые скатерти и тайком от ребят подглаживали их утюгом. А ребята, подходя к нашим столам, только удивлялись — почему скатерти у нас всегда белоснежные. Но зато ребята ухитрялись делать другое: тихонько вставали ночью и обменивали скатерти.

Наблюдая за всем этим, Антон Семенович опять вмешался; ему нравилась эта борьба, но он наводил в ней должный порядок.

Он вызвал к себе нескольких ребят из тех, которые обменивали скатерти, и долго беседовал с ними о честности, порядочности, правдивости и, особенно, о человеческом достоинстве.

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Как-то (это было в лагере) заиграл горнист сбор совета командиров. Совет командиров собирался в штабной палатке, где жил Антон Семенович.

К Макаренко обратился председатель колхоза с просьбой помочь им выйти из прорыва. Но так как у нас существовало правило — все важные вопросы решать на совете командиров, то Антон Семенович посоветовал председателю колхоза обратиться к совету командиров. Председатель колхоза был крайне удивлен такими порядками коммуны, но...

Назавтра мы встали очень рано. Шли мы в колхоз строем, с оркестром, и нашу колонну возглавлял Макаренко.

Колхоз был расположен далеко от места нашего лагеря. Мы ехали поездом, а потом опять шли пешком.

В колхозе нас уже ожидали с завтраком. Поход сделал свое дело, и завтракали мы с особенным аппетитом. Затем принялись за работу: окучивали картофель, собирали урожай табака.

Вначале работа не особенно спорилась, но, поскольку коллектив был дружный, более опытные и знающие ребята помогали новичкам. Антон Семенович подходил то к одному, то к другому отряду и показывал, как надо работать.

Так как мы справились со своей работой только к вечеру, то приняли решение заночевать в колхозе. Расположились мы шумным табором на лоне природы.

Наконец все утихомирились и, когда раздался сигнал «Спать пора, спать пора», мы ему особенно обрадовались: сильно устали за день.

Когда дежурный командир обратился к Антону Семеновичу с вопросом, кого из коммунаров назначить дежурить, он ответил, что сам будет дежурить в эту ночь.

Наш необычный дневальный ходил всю ночь один, оберегая сон своих питомцев.

ТУР ВАЛЬСА

Тридцать лет прошло, а как сейчас вижу Антона Семеновича за столом в его кабинете. Кабинет уютный, скромный. Сюда можно было заходить запросто — и когда тебе радостно, и когда грустно. Зайдешь, постоишь у стола, скажешь слово, а если видишь, что Антон Семенович работает, просто помолчишь и выйдешь. Это было необходимостью — видеть его ежедневно, находиться рядом с ним.

С этим кабинетом у меня связано несколько дорогих воспоминаний.

В кабинете Макаренко, сидя на мягком диване, мы отбывали аресты за нарушения правил коммуны. Во время ареста никто, кроме Антона Семеновича, не имел права разговаривать с арестованными. Напоминать о проступке после того, как за него получено наказание, не полагалось, это считалось в высшей степени бестактным.

Однажды и я получила арест. Случилось это накануне праздника Великого Октября, когда нас пригласили к себе на вечер шефы-чекисты. Мы очень любили эти торжественные праздничные вечера в клубе наших друзей, где всегда чувствовали себя как дома. Посадив меня под арест в этот день, Антон Семенович подчеркнул тяжесть совершенного мной проступка.

Я чуть не плакала. Антон Семенович видел это и пытался со мной шутить, но я даже не улыбнулась. Без конца открывалась дверь, и в кабинет заглядывали соболезнующие лица.

Я слышала, как подъезжали автобусы, как коммунары уехали. Остались только дежурные и я. Антон Семенович продолжал работать. Он составлял ведомость на выдачу карманных денег и не смотрел на меня. Потом попросил помочь ему сверить списки. А когда работа была закончена, вызвал машину.

— Ну, что ж, — услышала я вдруг его лукавый голос, — парадный костюм у тебя приготовлен, выглажен? А ну, быстрее собирайся.

Я мигом взлетела на второй этаж и через несколько минут была в машине с Антоном Семеновичем.

Когда приехали в клуб, вечер был в разгаре, играл оркестр. Вдруг Антон Семенович церемонно раскланялся и пригласил меня на тур вальса.

Кружась в танце, я гордо оглядывалась на подруг. Стоило посидеть под арестом, чтобы танцевать с самим Антоном!

МИКРОНЫ И ПЕДАГОГИКА

Я уже была фрезеровщицей четвертого разряда и решила, что это моя профессия на всю жизнь. Но когда построили новый завод, выпускающий фотоаппараты «ФЭД», меня перевели в оптический цех и поручили полировку четвертой линзы. Познания мои в области физики и математики в то время были очень скудными. Но это не помешало мне приступить со всей серьезностью к делу.

Помню свои первые неудачи, слезы и отчаяние. Чтобы линза получилась законченной и могла использоваться в фотоаппарате, она должна отвечать тысячам сложнейших требований.

Вначале обычно получалось так: все вроде бы шло хорошо, спектр света достигнут, толщина достаточна, точность до микрона выдержана, но вот маленькая царапина — и все дело насмарку.

Вот тогда и бежишь к Антону Семеновичу отвести душу. Поговоришь с ним — и уходишь успокоенная.

Скоро неудачи остались позади. Под моим присмотром стали обучаться оптике 40 человек. Антон Семенович заходил к нам в цех и внимательно приглядывался, как я руковожу своей группой. Получив квалификацию оптика шестого разряда, я решила после школы поехать учиться в Ленинградский оптический институт. Но вышло иначе.

Как-то я зашла в кабинет к Антону Семеновичу, и он вдруг протянул мне журнал со статьей одной учительницы.

— Прочти-ка, Поля, — сказал он.

Антону Семеновичу статья определенно нравилась.

— Вот, — сказал он, — как хорошо быть настоящим педагогом. Закончишь школу и пойдешь в университет.

Я ему возразила, что педагогом не собираюсь быть.

— Да и вообще, — говорю, — мне кажется, вы всех своих воспитанников хотите сделать учителями.

— Нет, почему же? Вот Клава Борискина пойдет в театральный институт. Сергей Соколов поедет в Ленинград, в морское училище. Санчо Сопин поедет учиться в институт права — это определенно будущий юрист. Саша Оноприенко тоже поедет учиться вместе с Сопиным. Ну, уж он-то обязательно будущий прокурор! А ты будешь педагогом.

Когда мы закончили среднюю школу, Антон Семенович собрал нас, выпускников, у себя в кабинете. По-родительски тепло говорил он с каждым из нас, охарактеризовал специальности юриста, педагога, врача, инженера, актера.

Мы, конечно, тогда слабо сознавали, в чем наше жизненное призвание. Хотелось идти учиться то в один, то в другой институт. Глаза разбегались. И тут-то необходимо было доброе слово старшего друга.

Какое счастье, что таким старшим оказался для нас Антон Семенович Макаренко, который помог каждому найти свою настоящую дорогу!

РОДНЯ ПО АНТОНУ

9 мая 1962 года, после традиционной встречи с коммунарами в Киеве, я решила посетить Харьков.

Харьков... Разве могу миновать его? Встречает меня здесь Вася Коломийцев, тоже наш коммунар. Двадцать семь лет мы с ним не виделись, но я его сразу узнала, долговязого, только он сейчас в очках и седой. А в разговоре все такой же, говорит не унимаясь. Ну, и я тоже не молчунья. Говорим, перебиваем друг друга, идем по городу, остановимся — говорим, снова идем — говорим. Вот и театр имени Шевченко. Сюда часто ходили мы, только не строем, не шумным культпоходом, как принято в некоторых школах, хотя в другое время мы могли поразить город парадным строем, безукоризненной выправкой, бравурным маршем оркестра.

Но одно дело парад, участие в праздничных демонстрациях и походы, другое — театр, искусство и свободное время. Макаренко считал, что в театр нужно ходить посемейному, без шума, без помпезности. Поэтому в оперном и драматическом театрах, в цирке для нас имелись специальные ложи. Они так и назывались — ложи коммунаров.

Дни в Харькове были полны взволнованных встреч. И даже когда я ехала в два часа ночи в аэропорт, чтобы улететь в Алма-Ату, произошла последняя неожиданная, необыкновенная встреча.

Уставшая, все время задремывая, я не очень охотно отвечала на вопросы разговорчивого шофера такси.

— Небось, на совещание приезжали по кукурузе? — допытывался он.

— Нет, я приезжала на встречу... с друзьями встречалась... с воспитанниками Макаренко. Вы, конечно, о нем слыхали?

— Что-о? — он даже привстал на сиденье. — Слыхал ли я о Макаренко? Об Антоне? И вы об этом спрашиваете меня? Да я ему жизнью обязан!

Оказывается, он работал у Макаренко в колонии имени Горького шофером. Случилось несчастье — тяжело заболела жена, состояние почти безнадежное, трое малых детей — хоть волком вой. «Жену спасем», — сказал Антон Семенович.

Добился, чтобы осмотрели ее хорошие врачи, потом, когда больная стала поправляться, достал путевку в санаторий, деньгами помог.

А к детям, пока мать болела и ездила в санаторий, была приставлена няня, тоже работница колонии; ее на это время освободили от других обязанностей.

Как я ни настаивала, шофер с меня так и не взял денег за проезд:

— Мы ж с вами родня, по Антону...

Е. С. МАГУРА

Магура Евгений Сильвестрович (р. 1883). Кандидат филологических наук. Опытный и образованный педагог, один из организаторов рабочих факультетов на Украине, Е. С. Магура с 1932 по 1938 год работал в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского учителем и заведовал рабфаком. Автор ряда научных и методических работ, среди них — о Шевченко, Маяковском и Макаренко.

ЗНАКОМСТВО

Впервые я встретился с А. С. Макаренко в 1928 году, во время пребывания А. М. Горького в Куряжской детской колонии.

В молодости, в 1904 году, я слушал выступления А. М. Горького в Петербурге.

Весть о том, что приезжает в Харьков великий советский писатель, взволновала харьковчан, и в день приезда улица Свердлова, ведущая к вокзалу, была полна народа, в результате чего приостановилось трамвайное движение... Грузовая машина, кузов которой был покрыт кумачом, медленно продвигалась по улице. В ней ехал с вокзала Алексей Максимович.

Волнующая картина встречи пробудила у меня желание повидаться с А. М. Горьким.

Через несколько дней, в первых числах июля, приехал я в Куряж после полудня и терпеливо ждал возможности встретиться с Горьким. Под вечер пришла машина — приехал из Харькова сын Алексея Максимовича. Горький вышел встретить его. А в это время послышался сигнал, и колонисты пошли в столовую, с ними и Антон Семенович.

Я подошел к знаменитому русскому писателю, отрекомендовался как давнишний его слушатель и как преподаватель русского языка первого на Украине рабочего факультета. Выслушав меня, Алексей Максимович оживился:

— Хороша была аудитория... Горела!

В это время вышел из столовой Антон Семенович и направился к нам. Алексей Максимович представил меня. Обменялись несколькими фразами, и я, зная, что Антон Семенович оберегает своего гостя от назойливых посетителей, поспешил поблагодарить за встречу, попрощался и уехал в Харьков, довольный встречей с А. М. Горьким и А. С. Макаренко.

Через четыре с лишним года судьба свела меня с Антоном Семеновичем Макаренко на работе: я пришел в Харьковскую детскую трудовую коммуну имени Ф. Э. Дзержинского преподавателем украинского языка и литературы на рабфаке.

Месяца через два мне было предложено заведование рабфаком. Шло время, налаживалась работа. Были подобраны хорошие педагоги и успеваемость учащихся в коммуне была не ниже, а часто и выше успеваемости учащихся городских школ. На третий год работы в коммуне назначили меня заведующим учебной частью школьного комбината, где, кроме семилетки[1] и рабфака, были курсы для рабочих.

Скажу без преувеличения: годы, проведенные в совместной трудовой работе с А. С. Макаренко, — самый интересный период в моей жизни. Я видел перед собой человека замечательной души, огромной силы воли, разносторонней культуры и творческого дарования, категорически исключавшего какие-либо шаблоны в воспитании.

КУЛЬТУРА ВОСПИТЫВАЕТСЯ

В колонии имени А. М. Горького и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского Макаренко организовал обучение социально и культурно запущенных детей и подростков, развивал у них интерес к знаниям, стремление получить образование; он приучил их к общественно полезному

---

[1] В первые три года семилетка не имела трех начальных классов. — *Автор.*

труду, дал каждому из своих воспитанников нужную для советского общества специальность, а то и две-три родственные специальности; научил их культурно организовать быт, культурно отдыхать в свободное время и жить культурно.

В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского досуг использовался разнообразно, в зависимости от времени года. В теплые месяцы значительную часть свободного времени коммунары проводили на воздухе в разных спортивных играх на своем стадионе. Больше всего увлекались футболом. В коммуне выросла и окрепла футбольная команда. Она играла в Тбилиси, Горьком и других городах с сильными командами и часто добивалась победы. Играли также в баскетбол, в волейбол, горлет, в крокет, теннис. Многие коммунары любили посидеть с книжкой на воздухе, в большом цветнике, растянувшемся вдоль главного корпуса коммуны; любили и прогуляться по асфальтированной дорожке между клумбами или просто постоять группой под лучами заходящего солнышка, освещавшего вход в корпус.

В холодные осенние дни свободное время проводили по большей части в жилом корпусе, в «тихом» клубе, обставленном удобной мебелью. Там стоял длинный неширокий стол, покрытый зеленым сукном. За столом сидели читатели книг, журналов, газет, взятых в библиотеке, расположенной в соседней комнате. Здесь же стояли столики для любителей шахмат, шашек и других настольных игр.

Пользовались и классными комнатами, где вечерами работали кружки по разным специальностям (а кружков в коммуне было до 20); проводились занятия и с нуждавшимися в помощи по отдельным учебным предметам.

Не пустовали и спальни. Здесь готовили учебные задания, читали книги, девочки рукодельничали: вязали, шили, вышивали.

В зимние дни, когда выпадал снег, воспитанники занимались в свободное время лыжным спортом. Многие катались на коньках: каток устраивался на стадионе. Играли и в хоккей.

В течение всего года работали в хорошо оборудованном спортзале секции: легкоатлетическая и тяжелоатлетическая.

Один-два раза в неделю в помещении «громкого» клуба на 600 мест проходили киносеансы; здесь же собирались коммунары на лекции, доклады, театральные постановки драматического кружка коммуны, концерты своего духового оркестра, концерты профессиональных симфонических оркестров. В театре проходили встречи со знатными людьми — челюскинцами, папанинцами, встречи с рабочими харьковских заводов, с артистами харьковских театров, поэтами, писателями и др.

А. С. Макаренко старался вовлечь как можно больше ребят в кружки художественной самодеятельности — драматический, музыкальный, танцевальный и др. Он придавал очень большое значение художественной самодеятельности, и воспитанники из года в год на олимпиадах и смотрах завоевывали первые места. О том, какое значение придавал Антон Семенович знакомству своих воспитанников с лучшими произведениями искусства, можно судить по такому на первый взгляд незначительному эпизоду. Когда появился на экранах Харькова фильм «Чапаев» и его в течение недели нельзя было получить для вечернего сеанса в коммуне, Антон Семенович решил: ждать нельзя, надо пойти на нарушение строго установленного режима и дать ночной сеанс. Это решение вызвало у коммунаров бурю восторга. В день сеанса они вовремя легли, и в час ночи по сигналу через пять минут оделись и организованно явились в «громкий» клуб. Этот ночной сеанс произвел на воспитанников сильное впечатление. О нем долго потом говорили в коммуне.

Антон Семенович, большой любитель театра, писал для драмкружка пьесы, сатирические обозрения, скетчи, частушки. Он принимал деятельное участие в постановке театральной классики (пьес Островского, Горького, Мольера), своих пьес и нередко сам выступал в качестве актера. В выходные дни Антон Семенович проводил репетиции драмкружка.

С осени 1933 года по инициативе Антона Семеновича установилась большая дружба коммуны с Харьковским русским драматическим театром имени А. С. Пушкина. Театр взял шефство над коммуной. Вечерами приезжали ведущие актеры театра: А. Г. Крамов, Н. В. Петров, Л. А. Скопина, А. И. Янкевский, помогали постановке пьес, присутствовали на спектаклях и их разборах, вели индивидуальную работу с коммунарами-кружковцами.

Со временем из среды самодеятельных актеров вышли профессиональные артисты: Клавдия Борискина, Александра Сыромятникова, Татьяна Клеточкина, Иван Ткачук, Дмитрий Терентюк, Евгений Семенов. Но главное — театр, искусство любили все.

Интерес коммунаров к театру, заложенный Антоном Семеновичем еще в Горьковской колонии, значительно возрос. Появилась потребность регулярно посещать театры, и коммуна приобретала на весь театральный сезон билеты в русскую и украинскую драму и в оперу. Билеты были в распоряжении Антона Семеновича, и коммунары получали их как поощрение. В дни спектаклей 30 человек выезжали из коммуны в город почти всегда в сопровождении педагога, и автобус развозил всех по театрам.

Особое место в воспитательной работе А. С. Макаренко занимал вопрос о летнем отдыхе коммунаров. В «Марше тридцатого года» рассказано о путешествиях в Москву и Крым.

С тех пор дальние походы и экспедиции стали традицией.

Запомнилось пребывание в Горьком. Сотрудники областного управления НКВД очень внимательно встретили и приняли коммуну. Был устроен большой концерт в клубе НКВД, там же дал концерт духовой оркестр коммуны. Коммунары и сопровождавшие их лица ознакомились с достопримечательностями города. На пароходе по Оке проехали на автозавод и осмотрели его. Некоторые побывали в Балахне на целлюлозно-бумажном комбинате. Были всей коммуной на городском стадионе. Футбольная команда коммуны играла с горьковской и вышла победительницей.

В Горьком был зафрахтован сотрудниками НКВД хороший, очень удобный пароход «Кашгар» для поездки вниз по Волге. Когда пароход пришвартовался к пристани, коммунары в белоснежных костюмах построились на палубе. Через несколько минут приехал А. А. Жданов, которого коммунары встретили дружными аплодисментами. Он обратился к коммунарам и педагогам с сердечными словами привета и пожелал коммуне новых успехов.

Плавание по великой русской реке было очень хорошим отдыхом, тем более что стояла прекрасная погода. Длилось плавание несколько дней, с остановками в Казани,

Чебоксарах, в столице Чувашской автономной республики, в Ульяновске, Вольске[1], Куйбышеве, Саратове и Сталинграде.

С особенным волнением приближались к Ульяновску. Вся коммуна вышла на берег и парадным строем направилась через город к дому, где жила семья Ульяновых.

Продолжительные остановки в Куйбышеве, Саратове и Сталинграде — крупных индустриальных центрах — коммуна использовала для знакомства с городами и рабочими коллективами. Провели здесь и футбольные встречи. Из Сталинграда по железной дороге доехали до Новороссийска, а оттуда пароходом в Сочи, завершать отдых. Правда, одну неделю пришлось отдать уборке хорошего урожая табака. Дружно работали коммунары, и этим очень гордился Антон Семенович. Ни у кого из коммунаров не вырвалось и полслова сожаления по поводу «испорченного» отдыха.

Путешествие, длившееся десяток дней, а затем и длительный отдых прошли очень организованно. Коллектив коммуны показал свою силу и сплоченность.

Я перечислил лишь совсем немного из того, чем был отдых в коммуне. Этот отдых приобщал коммунаров к самой высокой культуре, богатствам и красоте советской земли, воспитывал в них чувство патриотизма и гордости за свою Родину.

ГОСТИ КОММУНЫ

Работа в Харьковской коммуне имени Ф. Э. Дзержинского с первых дней увлекла меня. Тут все приятно поражало: и гибкий распорядок трудового дня, и отношения между коммунарами, и их дисциплина на занятиях в школе и при работе на заводах. Часто приезжали из разных мест Советского Союза и из-за границы видные деятели и рабочие организации.

В одно солнечное сентябрьское утро приехал в коммуну крупный политический деятель Франции Эдуард Эррио. Помню, как он удивился, что нет заборов вокруг коммуны, а только цветники. «Разбегутся», — вероятно, подумал он, но из коммуны никто никогда не убегал.

---

[1] В Вольске остановились, чтобы встретиться с бывшими коммунарами, воспитанниками Антона Семеновича, учившимися в военном училище. —*Автор.*

Обратился почтенный гость к Антону Семеновичу с недоуменным вопросом: «Как же так, в одном учреждении и сироты, и правонарушители?.. » На это Антон Семенович ответил: «Они и в жизни вместе», и Эррио удовлетворил этот ответ. Пробыл гость в коммуне несколько часов. Осмотрел все. Везде видел образцовый порядок, бьющую ключом жизнь, побывал в просторных спальнях, в классных комнатах, присутствовал на обеде, осмотрел завод электросверлилок. В книге посетителей, прощаясь, он записал: «Я восхищен!»

Помню и такой факт: приехал из Америки пожилой американец, просидевший 20 лет в тюрьме. Продолжительное заключение оставило глубокие следы на его лице и осанке. Целый день он пробыл в коммуне. Обошел жилой корпус, побывал на заводе, беседовал с коммунарами, а потом сел на скамейку и горько заплакал. Слишком тяжело ему было сравнивать, как живут сироты, дети разных национальностей, в Советском Союзе и у него на родине.

Надо сказать, что этот случай заставил воспитанников подумать над тем, что обычно проходило мимо их внимания.

И. А. КОТОВ

Котов Иван Антонович (р. 1907).
Инженер. С 1925 года воспитанник колонии имени А. М. Горького. Закончил рабфак при коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Участник Великой Отечественной войны. В настоящее время живет в Харькове и работает старшим инженером в научно-исследовательском институте.

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Летом 1925 года я познакомился с Антоном Семеновичем Макаренко. Произошло это так.

В то время я скитался по городам и селам, устраивая свою жизнь как умел. В гражданскую войну мы, пятеро детей, остались без родителей. Они умерли одновременно. Нас определили к чужим людям, и у них мы трудились за кусок хлеба. Но недолго я так жил. Уехал и скитался. Жил в детских домах и колониях.

В Харьков я приехал, чтобы встретиться с младшим братом. Из его писем я знал, что он живет в колонии имени А. М. Горького.

Брат подробно и восторженно рассказывал о колонии, об Антоне Семеновиче, познакомил со своими товарищами, и все они дружно уговаривали бросить бродяжничать и остаться с ними. Я колебался, хотел ехать в Крым, а потом согласился. Но как устроиться в колонию? Ведь в колонию можно попасть только через детский приемник. А если он направит в другую колонию! Брат и его товарищи посоветовали обратиться к Антону Семеновичу. Вместе с братом иду к Макаренко и несвязно прошу его принять меня. Антон Семенович принял меня приветливо, не стал расспрашивать про мои скитания, а больше говорил о том, что надо делать, чтобы стать горьковцем.

Итак, согласие Макаренко я получил. А направление в колонию? Пошел я в помдет, а здесь развели руками. Вот если бы меня привела милиция, тогда все было бы просто: составили документы, направили в приемник, а из него в колонию. А тут пришел сам и без документов. Так ничего помдет и не решил.

Вернулся я в колонию, рассказал Антону Семеновичу и твердо заявил: «Из колонии не уйду, остаюсь жить здесь, бродяжничать больше не хочу!»

Антон Семенович спокойно выслушал и сказал, что это решит совет командиров. Собрался совет. Такие же ребята, как и я, только подтянутые, деловые, и серьезно так все обсуждают, принимают решения. Приняли меня в колонию.

Поначалу мне пришлось выполнить много разных работ. Потом поручили интересную для меня и ответственную в глазах коллектива работу: выращивать цветы в оранжерее и овощную рассаду в парниках.

Полюбил я цветоводство и всей душой отдался этому делу.

Учились мы много и интересно, и не только в школе. Большинство моих товарищей, закончив школу, продолжали учиться на рабфаке или в институтах. Куда же мне пойти? Как будто надо пойти в сельскохозяйственный институт, и на этой профессии настаивала О. Д. Иваненко — воспитательница (теперь писатель). Но больше меня увлекали машины, и мечтал я стать механиком.

Антон Семенович с моими доводами не спорил. Я доволен, что стал инженером, что люблю свою специальность.

Став студентом, я, как и другие мои товарищи, во время каникул приезжал в свою родную и дорогую семью, а Антон Се́менович все время интересовался, как мы, студенты, учимся, живем, помогал нам материально, давал ценные советы.

Е. С. ПИХОЦКАЯ

Пихоцкая Елена Семеновна (р. 1914).

Контрольный мастер. В 1929—1935 годах воспитанница коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, где получила среднее образование и окончила рабфак. С 1935 года и по настоящее время работает на заводе, основанном коммуной.

НА УРОКАХ АНТОНА СЕМЕНОВИЧА

Я попала в коммуну в 1929 году. Коммуна была для меня спасением и заменила мне родную семью, которой я до этого фактически не имела. Я всегда помню Антона Семеновича. Это самая дорогая для меня память. И сейчас, когда речь заходит о родителях, в моей памяти встает светлый образ Антона Семеновича, заменившего мне и отца и мать.

Некоторые из моих товарищей в своих воспоминаниях приводят много интересных подробностей жизни в коммуне. Все же до сих пор одна весьма существенная сторона остается в тени — я имею в виду нашу учебу в школе, работу Антона Семеновича учителем.

Сейчас, когда прошло столько лет, мне очень трудно передать в полной мере свои первые впечатления о школе и коммуне. Могу только сказать, что с того дня, как я стала посещать школу (с 4-го класса) и всем своим существом ощущала какую-то приподнятость, мне стало хорошо и весело жить. Антон Семенович добивался того, чтобы в школе царили порядок, уют и чистота, переходившие даже в некоторую торжественность.

Живя в семье, я не имела возможности регулярно посещать школу. Только в коммуне я смогла получить систематическое образование. Надо сказать, что у меня оказались серьезные пробелы в знаниях, особенно по русскому языку. Перевести же такую великовозрастную ученицу, как я, в младшие классы, очевидно, было неудобно. Мне посчастливилось на первых порах моей учебы попасть в учительские руки Антона Семеновича.

Как известно, Антон Семенович руководил всей пре-

подавательской и учебной работой в коммуне, но сама по себе преподавательская работа не входила в круг его прямых обязанностей. Хотя средняя общеобразовательная школа и находилась в самой коммуне, она представляла до известной степени отдельное, самостоятельное учреждение.

Однако на первых порах жизни коммуны работа в школе шла не так гладко, как, очевидно, хотелось бы Антону Семеновичу. В частности, ощущалась нехватка преподавателей. Чтобы устранить перебои в нашей учебе, Антон Семенович сам замещал недостающих учителей, иногда длительное время. Ему приходилось вести уроки русского языка и литературы, истории, географии и черчения.

Я довольно долго обучалась у Антона Семеновича русскому языку и литературе. Именно как преподаватель русского языка он мне особенно понятен. В школе Антон Семенович становился несколько иным, чем мы привыкли видеть его в коммуне. Признаюсь, что даже побаивались его на уроках, но «побаивались»—это, пожалуй, не то слово. Он был очень требовательным учителем и хотя только временно замещал учителей, относился к своим обязанностям с таким чувством ответственности, что это невольно передавалось всем нам. Уроки вел он исключительно интересно и увлекательно. Конечно, я не берусь судить о его методике или хотя бы описать ее в общих чертах, не говоря уже о деталях, но прекрасно помню, что звонок в конце урока всегда был для нас неожиданностью — так увлекал рассказ Антона Семеновича. Нарушить дисциплину на его уроках было просто невозможно — так интересно и в то же время доступно он объяснял: приводил яркие, запоминающиеся примеры, заставлял самостоятельно думать.

На уроках русского языка он давал много устных и письменных упражнений. Антон Семенович учил нас правильно излагать свои мысли. Большое внимание уделял он сочинениям на свободную тему. Помню, однажды Антон Семенович задал нам сочинение «Карандаш» и несколькими словами сумел так направить наше воображение, что эта, казалось бы бедная по содержанию, тема увлекла весь класс.

Антон Семенович систематически прививал нам навыки грамотного письма. Мне особенно приходилось туго.

В архиве Антона Семеновича сохранилась моя ученическая тетрадь с контрольными работами по русскому языку. По этой тетради можно судить о необычайной тонкости и глубине преподавательской работы Антона Семеновича. Вся тетрадь испещрена пространными замечаниями к каждому диктанту, сочинению и в каждом замечании содержится какой-нибудь ценный конкретный совет. Антон Семенович не ограничивался исправлением ошибок. Чем меньше становилось грамматических ошибок, тем подробнее были его замечания, касавшиеся стиля, глубины мысли, точности и яркости ее выражения. Помню, в одном из моих позднейших сочинений, получившем отличную оценку, Антон Семенович сделал на полях тридцать два замечания. Так же внимательно относился он к каждому своему ученику. Наши контрольные работы по русскому языку Антон Семенович всегда приносил проверенными к следующему уроку. Нам никогда не приходилось подолгу ждать их, как это, к сожалению, бывает во многих школах. Мне кажется, что Антон Семенович поступал правильно: именно в первые дни живешь контрольной работой, продумываешь возможные ошибки. И вот через день-два все твои сомнения разрешены.

Не могу не отметить следующего: указания Антона Семеновича на допущенные мною ошибки никогда не вызывали во мне чувства угнетенности, неверия в возможность изжить их. Наоборот, после беседы с ним я всегда чувствовала уверенность в своих силах и какой-то внутренний подъем, так как Антон Семенович умел заметить даже самый небольшой сдвиг к улучшению. Оценки моим письменным работам он ставил, очевидно, не по количеству ошибок в каждом диктанте, а исходя из моих общих успехов, оценивая каждую последующую работу в сравнении с предыдущей.

Чтобы развить у нас наблюдательность, пытливость, воображение, умение письменно излагать свои мысли, Антон Семенович рекомендовал нам вести личные дневники, особенно в летнее время, в период наших дальних экскурсий по Крыму и Кавказу.

Яркое впечатление осталось у меня и от уроков истории, которые вел Антон Семенович. Он был замечательным рассказчиком и постепенно захватывал воображение и внимание слушателей с предельной силой. Объясняя

ту или иную тему по истории, Антон Семенович широко пользовался географическими картами, различными таблицами, часто приносил на уроки картины. Иногда уроки истории Антон Семенович проводил на свежем воздухе. Рассадит, бывало, нас под березой во дворе коммуны, и мы с увлечением занимаемся.

В школе коммуны имени Дзержинского мальчики и девочки обучались вместе. Антон Семенович был безусловным сторонником совместного воспитания и обучения. Совместная учеба бесспорно помогла установлению действительно дружеских, товарищеских отношений между нашими мальчиками и девочками, а впоследствии между юношами и девушками. Отношения эти сохранились на всю жизнь.

То, что называют отроческой или ранней юношеской любовью, не проходило мимо внимания такого наблюдательного и чуткого педагога, каким был Антон Семенович. Его не пугали такие серьезные вопросы, и он их тонко и спокойно решал.

Все у Антона Семеновича получалось хорошо, вызывало наше восхищение. Мы полностью и безраздельно доверяли ему, как, впрочем, и он искренне доверял нам. В нем мы нашли и нежного отца, и требовательного воспитателя, и замечательного, талантливого учителя.

П. А. ДРОЗДЮК

Дроздюк Петр Алексеевич (р. 1911).

Журналист. Воспитанник колонии имени А. М. Горького и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. И в колонии, и в коммуне заведовал библиотекой. По предложению П. А. Дроздюка коммунары подготовили для А. М. Горького альбом со своими биографиями.

При личном содействии А. М. Горького стал журналистом. Участник Великой Отечественной войны. Автор публиковавшихся в центральных газетах и литературных журналах статей, очерков и рассказов. В настоящее время из-за плохого состояния здоровья — на пенсии, но общественной деятельности не прекращает.

СЕРДЕЧНОЕ СПАСИБО

В двадцатых годах я, беспризорный мальчишка, попал в Куряжскую детскую трудовую колонию возле Харькова. Но вот летом 1926 года к нам переехала из

Полтавы колония имени Максима Горького. С завистью смотрел я на стройных, загорелых горьковцев. Они входили, четко отбивая шаг, с видом победителей. Играл оркестр, полыхало над колоннами кумачовое знамя.

А впереди шел заведующий колонией Антон Семенович Макаренко. Желтая фуражка и такая же гимнастерка, подпоясанная узким кавказским ремешком, синие галифе и хромовые, начищенные до блеска сапоги.

Горьковцы привезли большую библиотеку. Я с увлечением помогал им носить книги в клуб. Антон Семенович заметил мое старание и вскоре назначил меня библиотекарем. Одновременно я учился в школе-семилетке, писал заметки в стенную газету «Горьковец».

Вскоре я подружился с Сашкой Черным, активным читателем колонийской библиотеки (теперь врач-хирург Александр Иванович Чоп). Мы с ним сотрудничали в колонийских газетах «Горьковец» и «Швайка» (шило).

Кроме стенных газет, я и Сашка решили выпускать рукописный журнал «Проминь» (луч). Получив одобрение Антона Семеновича, мы все свободное от работы и учебы время отдавали журналу.

Мы втайне собирались первый номер послать Максиму Горькому, если, конечно, он получится удачным.

Антон Семенович сам просматривал готовые газеты, разбирал статьи, фельетоны, рисунки. У ребят было подозрение, что он и сам пишет и рисует. Они даже видели мольберт и холст в его квартире, но он своих произведений никому не показывал. А когда однажды мы с Сашкой обратились к Антону Семеновичу с просьбой написать что-нибудь для газеты, он ответил: «Я не писатель, ребята. Вы уж сами сочиняйте». Никто тогда еще не знал, что он пишет свою «Педагогическую поэму».

* * *

Между Куряжем и итальянским островом Капри шла оживленная переписка. Горький регулярно отвечал на все наши письма, индивидуальные и коллективные. Однажды на общем собрании Антон Семенович спросил нас: «Что мы подарим Алексею Максимовичу, когда он к нам приедет?»

Много было предложений. Я сказал: «Давайте напишем всю нашу жизнь и подарим Алексею Максимовичу альбом с нашими биографиями».

Мое предложение было единодушно принято. В результате коллективной работы появилась книга о жизни и трудовых делах горьковцев. Предисловие к этой книге написал А. С. Макаренко.

Когда Горький гостил у нас, на общем собрании колонистов дорогому гостю преподнесли на память альбом. На красной обложке золотыми буквами: «Наша жизнь — Горькому — горьковцы». Взволнованный Алексей Максимович от души благодарил нас за подарок.

Антон Семенович позвал меня и отрекомендовал: «Редактор наших стенных газет и рукописных журналов, любит путешествовать «зайцем» и хочет стать не иначе, как Горьким».

Алексей Максимович улыбнулся и пожал мне руку.

Погостив в колонии три дня, Горький уехал, и вскоре ушел из Куряжа Макаренко. Ушел в детскую коммуну, построенную чекистами в память рыцаря революции Феликса Дзержинского, и увел с собой группу колонистов. Новые лица появились на вечерних рапортах, и существенно изменился совет командиров. Я, как и раньше, работал в библиотеке, а Сашка — командиром на свинарне. Но какая-то тоска грызла наши сердца, угнетало ощущение потери и пустоты. Дзержинцам, недавним горьковцам, приезжавшим к нам в Куряж, мы завидовали и расспрашивали их о «нашем Антоне», о жизни и делах коммуны.

* * *

Приближалась осень. Я и Сашка очень хотели пойти учиться на рабфак, но нам не разрешили. То командировок не было, то денег. «Был бы здесь Антон Семенович, он бы нашел денег», — с горечью говорил Сашка. Я тоже так думал. И мы решили уйти из колонии.

Блуждая по улицам Харькова, мы встретились с Макаренко, и он пригласил нас в коммуну. Сашка отказался, а я согласился. Вскоре до меня дошла весть, что Чоп самостоятельно устроился на учебу, а потом и на работу.

* * *

В коммуне имени Дзержинского я тоже работал в библиотеке и по решению совета командиров одновременно обучался слесарному делу.

Однажды, зачитавшись романом Джека Лондона, я забыл выйти на работу. Об этом было доложено Макаренко.

И вот стою перед общим собранием, отвечая за свой поступок. «Кажется, Петро, ты надеешься на легкий хлеб в будущем? Так?» — спросил Антон Семенович и смерил меня с головы до ног таким взглядом, что я, видно, сделался жалким и смешным, потому что все засмеялись. Это очень задело мое самолюбие, и я решил в этот же вечер уйти в Харьков. А там, думалось мне, жизнь покажет, что делать... Так и сделал.

Ночь провел на харьковском вокзале, а утром позвонил по телефону Антону Семеновичу, попрощаться. Выслушав меня, Макаренко ответил: «Дело твое, ты уже не маленький, но ты должен прийти в коммуну и сдать шинель. Она еще тобой не заработана. Все». И повесил трубку. Хотя Антон Семенович не мог меня слышать, я отрапортовал четко по-коммунарски: «Есть!», но сам подумал: «А как же останусь без шинели? Ведь зима». Все же решил на первое время раздобыть фуфайку, а шинель сдать. Но и шинели было жалко. Так в раздумьях я дождался вечера, а вечером пошел к Макаренко (днем было стыдно появляться в коммуне).

Пробираюсь в его кабинет.

— Здравствуйте, Антон Семенович!.. Вот пришел, чтобы возвратить шинель...

— Здравствуй, Петро! А я тебя поджидал, — ответил Макаренко. — Ты хорошо сделал, что пришел, но кладовая сейчас закрыта, кладовщик спит, и сдать шинель некому. Да она, пожалуй, и тебе пригодится. На дворе зима. Холодно будет без шинели, пока определишься куда-либо. Да и денег тебе нужно на первое время. На вот тебе лист бумаги и напиши расписку на сто рублей.

Я сел к столу, взял ручку, но писать не мог.

Антон Семенович ходил по кабинету и о чем-то думал. Думал и я.

— Что же ты, Петро, не пишешь? — спросил Макаренко. В голосе я уловил искреннее участие, а на плече почувствовал его руку...

— Антон Семенович, дорогой, разрешите остаться...

— Не могу я сам этого сделать, — ответил Антон Семенович. — Ты ушел самовольно, не посчитавшись с коллективом. Теперь ты хочешь также обойти коллектив, вернуться в коммуну. Если ты серьезно хочешь с нами снова жить и работать, напиши заявление. Мы его разберем, обсудим на заседании совета командиров и на об-

щем собрании. А я поддержу твою просьбу... Думаю, что ты теперь не подведешь.

И я с радостью на том же листке бумаги, на котором должен был писать расписку, написал заявление общему собранию, чтобы меня снова приняли в коммуну. Общее собрание, обсудив заявление, удовлетворило мою просьбу.

Никогда не забыть мне тех радостных и волнующих дней. В марте 1929 года я вышел из коммуны в самостоятельную жизнь, устроился на работу в редакцию харьковской газеты «Радянське село».

В моей памяти всегда живут светлые образы верных соратников А. С. Макаренко — воспитателей: Елизаветы Федоровны Григорович, Надежды Тимофеевны Поповиченко, Оксаны Дмитриевны Иваненко, Варвары Николаевны Татариновой, Ревекки Осиповны Готман, Николая Эдуардовича Фере, Тимофея Денисовича Татаринова, Виктора Николаевича Терского, Луки Тихоновича Коваля и других. Они вместе с Антоном Семеновичем не жалели сил, чтобы воспитать нас. Мы по-сыновнему благодарны им за это всю жизнь.

А. С. СВАТКО

Сватко Афанасий Спиридонович (р. 1915). Журналист. С 1931 года воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Еще в коммуне приобщился к газетному делу и выбрал профессию журналиста. В настоящее время — сотрудник редакции районной газеты на Украине.

БУМАЖКИ

Как-то Антон Семенович возвратился из города как раз в момент, когда коммунары, пообедав, собрались в город. Дежурный командир отрапортовал:

— В коммуне все в порядке. Закончился обед, отдыхаем.

— Хорошо, — ответил Макаренко, а сам направился к парадной двери. Дорогой вынимал из карманов разные бумажки от конфет и мороженого, какие-то веревочки и все это бросал на дорогу...

Дежурный командир и десятки ребят с удивлением смотрели на эту картину. Потом решили спросить Антона Семеновича, зачем он это делает.

— Собственно, здесь нет ничего удивительного, — спокойно отвечал он, — в городе такая чистота, что я не

осмелился бросить там ни единой бумажки. Привез их в коммуну, здесь можно.

За Антоном Семеновичем закрылась дверь. Коммунары потоптались в нерешительности, а потом кинулись собирать бумажки, заглядывая во все закоулки, и везде, даже среди роскошных цветов, находили немало разных бумажек, а кое-где и тряпок.

Немедленно дежурный распорядился играть сбор. Дзержинцы уже знали, в чем дело. Из уст в уста передавалась неприятная история с бумажками, и все воспитанники разбрелись по двору коммуны в поисках злополучных бумажек и прочего сора. А на следующий день везде на перекрестках аллей появились сделанные просто, но с любовью урны.

Антон Семенович делал вид, будто ровным счетом ничего не произошло, однако в душе был рад, что ребята поняли его именно так, как нужно было понять.

КАК ПОБЕЖДАЛИ ТРУСОСТЬ

...Один из студентов техникума бросил мелом в своего товарища. Промахнулся, и мел, ударившись о классную доску, рикошетом задел преподавателя. Он был в коммуне новым человеком, и не привык к подобным «шалостям». Он сразу же напустился на аудиторию с вопросом: «Кто бросил?» Но никто не отвечал. Преподаватель затем стал просто упрашивать виновника признаться, обещая простить нетактичный поступок. Когда и это не помогло, он прибег к новому средству — во время перерыва спрашивал ребят поодиночке. Это также не увенчалось успехом.

О случившемся стало известно Макаренко. Он не замедлил явиться в класс.

— Вам известна причина моего прихода, — объявил он. — Будете сидеть до тех пор, пока виновный не встанет и не признается.

Это было все. В коридоре прозвенел один, потом второй звонок. В аудитории сидели все еще надутые, недовольные студенты. Но для Макаренко сейчас не было ни студентов, ни командиров, ни отличников учебы. Все это существовало где-то вне класса. Перед Антоном Семеновичем сидели виновные в проступке.

Конечно, в коммуне большинство ребят умели отвечать за свои деяния, имели мужество смотреть правде в лицо, какой бы она неприятной ни была. Были и тихони, такие, которые не боялись совершить недозволенное, но трусили признаться, когда их прижимали к стенке. Но в коммуне существовала замечательная традиция — не отвечать за кого-то, за свои дела каждый отвечал сам.

Макаренко знал, что в коллективе не могло ничего случиться такого, чтобы об этом никто не знал. Но он вообще не любил и не хотел пользоваться какой-то информацией со стороны. Он требовал мужества, прямоты и честности, даже когда надо было отвечать за самый тяжелый проступок, и ценил эти качества.

Класс сидел, сидел Антон Семенович, сидел преподаватель, восхищаясь, очевидно, упрямством студентов. Но вот поднялся Миша. Все его знали как примерного коммунара, общительного, инициативного. Оглядев класс, он твердо сказал:

— Простите, Антон Семенович, это я бросил, случайно...

Лицо преподавателя озарилось улыбкой — вот и конец истории. Макаренко резко оборвал Мишу:

— Врешь, не ты бросил. Садись.

Еще раз прозвенел звонок, еще один закончился урок. В классе по-прежнему стояла тишина, ребята нервничали. Что происходило в душе Антона Семеновича — неизвестно. Он перелистывал книгу и, казалось, внимательно читал ее.

Наконец поднялся тот, кто должен был подняться.

Чувствовалось, каким тяжелым и непривычным было признание для этого коммунара. Но он признался. Антон Семенович извинился перед преподавателем за свое вмешательство и ушел. Он твердо был убежден, что все остальное сделает сам коллектив, что виновный будет наказан по всем правилам морального воздействия самим коллективом, членом которого является.

Коллектив ему напомнит и о трусости, и о том, что по его вине потеряно много драгоценного времени у Антона Семеновича, у преподавателя и у всего класса, и, конечно, о том, что из-за него мог пострадать невиновный товарищ.

САМЫЕ ТРУДНЫЕ МЕТРЫ

...Во время пребывания коммуны в Бердянске, где мы проводили свой очередной отпуск на Азовском море, произошел исключительно неприятный случай. Вечером в городском сквере один из старших коммунаров ударил милиционера. Сразу же созвали совет командиров.

— Необходимо, чтобы Рысаков[1] немедленно явился в управление милиции и попросил извинения, — предложил кто-то из командиров.

Нельзя сказать, что предложение было плохим. Однако Макаренко решил по-иному. Каким-то особенно тонким чутьем талантливого педагога он почувствовал, что здесь требуется не обычное решение. Ну, извинится Рысаков, прочувствует свою вину. Ну, допустим, он больше никогда не совершит подобного поступка... Но ведь он — одиночка. А коллектив, членом которого он является? Почему коллектив должен оставаться в стороне?

Совет командиров принял предложение Антона Семеновича. Решили: завтра же всей коммуной, в парадной форме, со знаменем и оркестром отправиться к горсовету и попросить у руководителей и в их лице у всех горожан извинения.

Утром прозвучал сигнал. Строились в колонны неохотно. Знаменосцы не спешили с выносом знамени. С заплаканными глазами к Макаренко подошел Рысаков.

— Антон Семенович, очень прошу отпустить меня одного. Я сам пойду просить прощения...

Дежурный командир доложил о готовности колонны. На теплом приморском солнце поблескивали фанфары, развевался бархат знамени. Колонна дзержинцев в белых парадных костюмах застыла в ожидании команды.

Антон Семенович Макаренко скомандовал. Брызнули мощные звуки марша, чеканным шагом коммуна направилась к зданию горсовета. Впереди шел Макаренко. Тысячи бердянцев останавливались на тротуарах и с нескрываемым интересом наблюдали это красивое зрелище. А каждому из нас казалось, что все они в это время думают о вчерашнем событии, поносят нашу славную коммуну.

---

[1] В эпизодах такого рода фамилии участников изменены. — *Ред.*

Многие сотни километров прошли дзержинцы. Их святое знамя открывало демонстрации в столице Украины, развевалось над горами солнечной Грузии, над крутыми берегами Волги, на улицах Москвы, Севастополя и Одессы... Мы ходили походами в ливни и холод, сквозь обвал и ущелья. Но эти какие-то пятьсот метров были самыми трудными и длинными. Это был марш позора. Но мы должны были пройти эти метры, пройти ради самих себя, ради нашего славного коммунарского прошлого и, главное, ради нашего будущего.

ПОМОЖЕШЬ МНЕ!

...В конце 1935 года я ушел из коммуны. А уже осенью 1936 года был в Киеве, перед зданием НКВД УССР.

Где-то за этими окнами — дорогой Антон Семенович. Три дня я ходил под ними и никак не решался зайти. Наконец решился. Зашел в пропускное бюро, спросил о Макаренко.

— Да, работает, — ответил дежурный сухо.

Однако попасть к Антону Семеновичу мне сразу не удалось. Он был в командировке.

Потом сообщили, что он возвратился из командировки и сейчас находится в кабинете, но пропустить меня не смогут, пока я не предъявлю паспорт или другой какой-нибудь документ...

— Ну, передайте, пожалуйста, по телефону, что его хочет видеть Сватко... — Дежурный снял трубку и вызвал кабинет Макаренко.

Учащенно забилось сердце.

— Антон Семенович? — спрашивал дежурный. —Здесь к вам пришел какой-то Сватко.

— Сватко? — послышалось в трубке. — Пропустите ко мне.

Дежурный доложил, что у меня нет документов и он не может выдать пропуск. Макаренко сказал, что сейчас сам выйдет ко мне.

— Здравствуйте, Антон Семенович.

— Здравствуй, Сватко. А я думал, ты раньше придешь...

— Нет, только сейчас...

— Ну, пойдем ко мне. — Он взял мою руку в свою и крепко пожал.

Вместе поднялись на третий этаж, в кабинет Макаренко.

Мы сидели друг против друга и молчали. Ни я, ни Антон Семенович не могли начать разговор. Нет, нет. Мы уже говорили. О многом говорили наши взгляды, наше настроение. Молчание нарушил Антон Семенович.

— Все хорошо, что хорошо кончается. Для тебя было полезно увидеть настоящую, беспризорную жизнь... Ты ее хватил такой, какая она есть на самом деле...

— Антон Семенович, я хотел просить вас направить меня в Прилуки, в трудовую колонию...

— Почему тебе хочется в Прилуки?

— Там колония для взрослых. Я уже перерос детский возраст.

— Ничего. Я направлю тебя в Бровары. Это здесь, под Киевом. Там недавно организовалась колония, и ты поможешь мне вывести ее в люди...

— Есть в Бровары! — ответил я по старой привычке.

Антон Семенович написал записку руководителю колонии и передал ее мне. Затем вынул из кармана деньги и также протянул мне...

— Антон Семенович, не надо, не могу я взять...

— Возьми! — приказным тоном произнес Макаренко.

Он проводил меня до бюро пропусков. По дороге рассказал, где колония и как в нее попасть; сказал также, что через некоторое время он будет в Броварах. На прощание крепко пожал руку.

ОН НУЖЕН ЛЮДЯМ ВСЕХ ПРОФЕССИЙ

В декабре 1937 года я был призван в ряды Красной Армии. Служил на Дальнем Востоке. Когда красноармейцы узнали, что я бывший воспитанник Макаренко, меня очень часто расспрашивали о нем, о коммуне имени Дзержинского.

— Скажи, дружок, это правда, значит?

— Что именно? — переспрашивал я.

— Да вот о коммуне. Мне кажется, что это просто выдумка, фантазия писателя.

— Правда оно-то, возможно, и правда, — вмешался в разговор другой боец, — но я слышал, что эту коммуну уже закрыли, а Макаренко вроде. . .

Я понимал, что еще очень мало знают об Антоне Семеновиче и его педагогической системе воспитания.

С огромным волнением я стал рассказывать своим товарищам об Антоне Семеновиче, о том, что это был исключительно добрый, добрый по-настоящему человек и демократичный руководитель, что коммуна дзержинцев — это правда. Результатом этих бесед явилось массовое желание бойцов почитать «Педагогическую поэму» и вскоре появившиеся «Флаги на башнях».

По долгу службы мне частенько приходилось посещать комиссара батальона, и в приемной я часто заставал его машинистку за чтением книги.

— Вы все читаете? — спросил я однажды.

Она немножко смутилась и спрятала книгу.

— Знаете, очень интересная книга. Читаю второй раз и не могу оторваться.

— Не иначе приключения?

— Нет. Вы никогда не отгадаете, — ответила она. — Это — Макаренко, «Педагогическая поэма». Советую вам прочесть.

— Ах, Макаренко, — с нескрываемой радостью повторил я. — Большое спасибо за совет, только я ее читал, и потом...

— Что потом, разрешите узнать, — настаивала машинистка, — не понравилась?

— Отчего же, нет. Но если вы внимательно читали ее, то в третьей части могли заметить даже мою фамилию...

— Неужели это о вас?

— Нет. Только фамилия моя. В колонии Горького я не был. Третью часть «Педагогической поэмы» Макаренко писал в коммуне Дзержинского в то время, когда я там воспитывался. Он наделил моей фамилией одного из колонистов.

Машинистка долго смотрела на меня удивленными глазами, а потом как бы очнулась и спросила:

— Так вы знаете Макаренко?

— Более пяти лет воспитывался у него.

— Знаете что, — как-то нежно и взволнованно обратилась она ко мне, — комиссара все равно еще нет. Вы присаживайтесь и расскажите, хоть немного расскажите о Макаренко, о коммуне...

...Как-то в свободное от военных занятий время ко мне подошел командир взвода, младший лейтенант Карпов.

— Вот ты, бывший воспитанник, знаешь Макаренко и прочее. Вот скажи, что бы он сделал с таким типом, как у нас этот Николаев?

Николаев был во втором взводе, я же — в штабном подразделении и очень мало знал Николаева.

— Парень как парень, — удивлялся комвзвода, — грамотный, много читает, а вот дисциплина у него — никуда.

— Я, конечно, не могу сказать, что сделал бы в этом случае Макаренко, да и каких-то готовых на всякий случай рецептов, — уверенно заявил я, — не может быть. Я поступил бы так: временно воздержался бы от наказания Николаева, умолчал бы о его проступках, одновременно поручил бы ему читать для бойцов интересную книгу; он же вроде парень грамотный. Ну затем, под каким-либо предлогом, во время своего отсутствия поручил бы Николаеву заменить меня... Понимаете, втянул бы его в заботы о взводе.

Младший лейтенант несколько недоверчиво отнесся к моим советам, но некоторую надежду на успех он все же унес с собой.

Обстоятельства сложились так, что два взвода нашего подразделения, в том числе и Карпова, были откомандированы на строительный объект за несколько километров от нас. С лейтенантом я не виделся три с лишним месяца.

По возвращении Карпов первым долгом попытался увидеть меня. Пожимая руку, он говорил:

— А ты прав, дружище. Николаев стал неузнаваемым. Он у нас сейчас просто герой.

— Знаете, товарищ младший лейтенант, это просто случай, совпадение. Давая такой совет, я сам не очень-то верил в успех. Я ведь не знал Николаева. И лишь некоторые сведения о нем, которые вы сообщили, помогли мне представить, как бы поступили в коммуне в таком случае. А вообще я усвоил, что воспитывать человека немыслимо без знания его, без изучения его характера, настроения. Макаренко знал своих питомцев прекрасно, всегда изучал их, и поэтому у него всегда получалось... На одного хорошо действует наряд, на другого — разговор по душам или даже тон обращения. Одно ясно — в деле воспитания не может быть шаблона. Потом, наказание — это совсем не главное.

Мы долго беседовали с Карповым. Он с интересом слушал, а я с увлечением выкладывал ему все свои мысли, раздумья о воспитании, все, что я почувствовал, понял у Макаренко.

Я от души радовался тому, что имя Макаренко все шире и прочнее входит в массы, что его педагогическое творчество срастается с народом, что люди самых разных профессий, совсем не педагоги, тянутся к Макаренко, его идеям. Иначе и не могло быть, — источником творчества Макаренко были строители нового мира, и творил он для них. Коллектив коммуны имени Ф. Э. Дзержинского был вершиной педагогического творчества А. С. Макаренко. Сотни подростков прошли чудесную школу коммунистического воспитания, вошли в жизнь мужественными патриотами, закаленными, хорошо подготовленными и интересными людьми.

Г. В. КАМЫШАНСКИЙ

Камышанский Георгий Васильевич (р. 1917). Художник. Воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Участник Великой Отечественной войны. Много лет работает над иллюстрациями произведений А. С. Макаренко. В настоящее время — сотрудник Харьковской студии телевидения.

ОРЛЯТА

С первого дня войны и до великой Победы я работал водителем бензозаправщика, обеспечивая горючим боевые полеты многих тысяч наших летчиков. Да и не только советских. Довелось работать и с французскими летчиками полка «Нормандия — Неман». Много я встречал героических людей, но встреча с одним из них особенно дорога и значительна.

Октябрь 1941 года. Подмосковный аэродром. Крыло в крыло заставлено все поле аэродрома боевыми самолетами всех типов и конструкций. Не было только здесь «фарманов» и «Ильи Муромца». Все, что могло летать, стрелять, бомбить, — все было собрано, чтобы защитить столицу, остановить врага.

Полки и эскадрильи, базировавшиеся на аэродроме, насчитывали в своем составе единицы самолетов, уцелев-

ших от тяжелых боев отступления первых месяцев войны. Днем и ночью в невероятно тяжелых условиях инженерно-технический персонал своими силами восстанавливал потрепанные в боях машины.

Группа летчиков штурмового авиаполка после хорошего обеда прошла на стоянку специальных машин напиться воды. Свежая хорошая вода всегда была в водомаслозаправщике. Пили прямо из соединительной трубы, чуть-чуть припахивающей авиамаслом.

Один из летчиков, небольшого роста, в теплом меховом комбинезоне, аппетитно испив воды, вытирая ладонью крупный рот, внимательно стал меня разглядывать.

Наши взгляды встретились.

Летчик расплылся в широкой улыбке, спросил:

— Ты в Харькове бывал?

— Да.

— А в коммуне Дзержинского жил?

— Жил.

— А Ткачева помнишь?

Летчик снял с головы шлем и с возгласом: «Юра!» — «Ваня!» мы бросились друг другу в объятья. Летчик Иван Ткачев был одним из многих наших коммунаров, посвятивших затем себя авиации.

А через несколько минут Ваня стоял на крыле своего штурмовика и надевал парашют. Помахав мне рукой, он влез в кабину. Взревел мотор, и ИЛ Ткачева вырулил на взлетную полосу. Летчик Иван Ткачев повел в бой свою грозную машину.

После каждого вылета на задание Ваня приходил ко мне. Забравшись в кабину моего бензозаправщика, мы вспоминали о коммуне, о нашем Антоне Семеновиче, рассказывали о себе, о своих делах. Больше всего меня интересовали боевые полеты моего друга. В бой летали ежедневно, в любую погоду, хоть и малыми силами, по 2—3 самолета. В полку оставалось все меньше и меньше самолетов.

Аэродром сильно охранялся и зенитной артиллерией, и истребителями. Ночных налетов немецких бомбардировщиков не было, хотя аэродром был совершенно открыт; самолеты никак не маскировались, землянки расположены рядом со стоянками; и однажды мы за это тяжело поплатились. Все чаще и чаще летчики шли на задание в

одиночку, без прикрытия. А в то время ИЛ был еще без стрелка-радиста, и хвост штурмовика был очень уязвимым местом.

В очередное задание еще раз я проводил и Ваню. Каждый такой вылет проходил в особенной тревоге. Время полета истекало. Летчики, техники, механики, шоферы выходили из укрытий, тревожно всматривались в горизонт серого с быстро бегущими тучами неба. Но вот из-за темной полосы леса выскочил штурмовик. Сделав круг над аэродромом, самолет пошел на посадку. Но что это? Не добежав, самолет остановился на середине взлетно-посадочной полосы. Лениво взмахнув лопастями винта, мотор заглох. С места рванулись дежурная и санитарные машины.

Вот колпак кабины самолета поднялся, показалась фигура летчика. Иван Ткачев, сбросив парашют, медленно вылез из кабины.

— Живой!

Вскоре трактор притащил на стоянку и самолет Ткачева.

Штурмовик весь был изрешечен пулями и осколками снарядов. В плоскостях зияли огромные сквозные дыры от прямого попадания зенитных снарядов. От хвостового оперения остался один каркас и какие-то лохмотья.

Инженеры и механики разводили руками:

— Как он дотянул до аэродрома?

К вечеру Ваня сидел у меня в кабине, предусмотрительно захватив бутылку вина.

Разговорились о последнем полете.

— Ну что ж, Юра, мне просто повезло. Обычно из такого переплета живыми не возвращаются...

Долго мы сидели с Ваней. И о чем бы ни говорили, вспоминали Макаренко. Да, коммунары умеют постоять за свою Родину, да, рано ушел Антон, уж очень он сейчас нужен. Еще несколько раз я заправлял самолет своего друга, еще несколько раз я провожал его в боевой полет.

В 30-е годы по призыву Родины молодежь нашей страны с энтузиазмом и увлечением стала овладевать летным мастерством. Тысячи молодых рабочих, земледельцев и студентов надели форму курсантов авиаучилищ.

На этот призыв не могли не отозваться коммунары-дзержинцы. Они остро чувствовали, что прибли-

жается час смертельной битвы с фашизмом. Тяготение к авиации было всеобщим. Авиация стала мечтой многих.

Авиамоделизм был уделом пионеров; у старших в повестке дня стояли аэроклуб, самолет и парашют. Ежедневно во всех своих действиях, увлечениях коммунары готовили себя в летчики.

Первые наши авиаторы, окончившие училища, — Каплуновский, Дорошенко, Пивень, — приехав на побывку в коммуну во всем великолепии авиационных командиров, буквально вскружили головы ребятам.

Коммунары не довольствовались только занятиями в аэроклубе. Вскоре в коммуне появляется планер, настоящий, свой, коммунарский.

В 1934 году коммуна свой летний отдых проводила на Донце в районе Святогорска. Коммунары-авиаторы повезли с собой в лагерь и планер. На огромном лугу, рядом с раскинувшимся на берегу Донца лагерем, с утра до вечера шли учебно-тренировочные полеты. Полеты на планере привлекали множество любопытных из окрестных сел и шахтерского дома отдыха. Руководил кружком авиаторов коммунар Шура Чевелий, впоследствии ставший военным летчиком.

В коммуне появляются первые рекордсмены-авиамоделисты, планеристы; парашютисты становятся чемпионами харьковского аэроклуба. Одним из них был Г. Сердобинский.

В ту пору коммуну посетил командующий ВВС Советского Союза.

А. С. Макаренко говорил: «Как и все граждане СССР, я горжусь советской авиацией, этим героическим чудом, созданным моей революцией. Но я имею еще и особенные, так сказать, личные права испытывать эту гордость».

Антон Семенович по праву гордился, что большая группа его питомцев прошла, как он сам говорил, «трудный, но бодрый и радостный путь от беспризорности до штурвала воздушного корабля, от дикого и голодного уличного одиночества до уверенного и прекрасного самочувствия советского гражданина».

Да, горьковцы и дзержинцы оказались достойными своего высокого имени. Только по памяти я назову това-

рищей, которые в мирные дни покоряют пространство и время, а в дни войны были бесстрашными соколами. Это — Каплуновский, Дорошенко, Пивень, Болтунов, братья Дмитрий и Александр Чевелии, Демченко, Мазуренко, Бондаренко, Назаренко, Гонтаренко, Черный, Торский, Ткачев, Кривенко, Шапошников, Калугин, Токарев, Салько, Анисимов. Все они всегда помнили близкого и родного человека, всегда чувствовали рядом своего учителя — Антона Семеновича Макаренко.

П. Е. ПЕРЦОВСКИЙ

Перцовский Павел Ефремович (р. 1913). Воспитанник А. С. Макаренко. Инвалид Великой Отечественной войны, П. Е. Перцовский, несмотря на плохое здоровье, живет большими общественными интересами.

СЧАСТЬЕ ЧУВСТВОВАТЬ, ЧТО ТЫ НЕ ОБМАНУЛ ОЖИДАНИЙ

Смешно даже: из тюрьмы — и в детдом. Кто мог придумать такую шутку? По дороге я не убежал потому, что болела раненая нога. Через час уже стою перед А. С. Макаренко. Я почувствовал, что передо мной человек сильный и открытый. Тут же медсестра и воспитательница Елизавета Федоровна Григорович перевязала мне рану и пожурила за то, что запустил ее. Велела и на другой день явиться на перевязку.

И в какую же удивительную колонию я попал! Здесь всем заправляли сами ребята. Все решали они. Мы чувствовали себя в колонии хозяевами. А он? Без него мы не могли обойтись. Без него все потеряло бы смысл, мы потеряли бы уверенность в себе.

Помню такой случай. До переезда в Куряж нашей колонии были предложены угодья в Запорожье. Сотни десятин пахотной земли, прекрасные помещения, трактор. Посмотреть на угодья поехали Макаренко, Елизавета Федоровна, Дмитрий Чевелий — любимец колонии и я. Посмотрели, приехали обратно. Когда на совете командиров Антон Семенович докладывал о нашей поездке, он себя поставил так, что он только докладчик, а решать, как быть, мы должны были сами. И мы обсуждали горячо и страстно...

Вдруг со мной стряслась беда. Был я уже вполне идейной личностью, комсомольцем — и совершенно неожиданно для самого себя совершил отвратительный поступок: ударил девушку.

Когда я явился к нему, он не сразу предложил сесть. Долго испытывал меня молчанием, и тем внезапнее был его вопрос:

— Ну, расскажи, как было!

Я рассказал.

— Что ж, придется тебя отправить в тюрьму.

Я уже успел было успокоиться, но тут мне стало очень плохо. Совсем скверно. И я пролепетал:

— Вам лучше знать, чем мне...

Макаренко кивнул, видимо согласившись со мной, снял трубку телефонного аппарата.

— Дайте ГПУ, — как-то совсем просто сказал он, а я похолодел. И тюрьму вспомнил с ее надзирателями... И досадно мне, что из-за девочки... Поступил я, конечно, по-свински... Разве такому применению рук меня учили? Стало стыдно... Но поздно теперь... В тюрьму надо...

А Макаренко все звонит и звонит. Лицо его сделалось мрачным. Видно, никак дозвониться не может, и оттого на меня еще мрачнее поглядывает. А я еще и еще раз мысленно просматриваю свою поганую историю. И вдруг слышу властное:

— Пошел вон!

Я сообразил, что это говорит мой отец, Макаренко. Остальное понял мгновенно. С тех пор мои руки исключительно миролюбивы. Они много работали, но никогда не поднимались на нашего человека.

Как-то зимой 1927 года, до переезда в коммуну, мы смотрели в Харькове кукольный спектакль. Пока мы блаженствовали в хорошо натопленном зрительном зале, на улице произошло резкое понижение температуры, до —25°. Возвращаться назад степенно и солидно не было никакой возможности. Бежали беспорядочно. Большие взяли за руки маленьких и «буксировали» их таким образом. Темп движения был очень высок, и некоторые малыши-одиночки, естественно, отставали. Бросать их было нельзя, поэтому колонист Чернышев и я решили идти с отстающими.

Мы просили тех, кто побежал вперед, взять в Куряже подводу, теплую одежду и поскорее возвращаться за ма-

лышами. Но они что-то долго не возвращались, а у нас с Чернышевым дела шли плохо. Малыши ослабели, особенно две девочки. Мы уж испугались: доведем ли? Потом догадались снять свои шинели и завернули девочек, а сами дрожим от холода. Вскорости подоспела подвода с шинелями и одеялами. Мы спасены.

Немало за свою жизнь я получал премий и благодарностей, но та, которую мне тогда объявил в приказе Антон Семенович перед строем всей колонии, была для меня самой дорогой наградой.

На войне попала в меня фашистская очередь. Я был ранен в бедро, руку, в легкие и голову. Машину (я был шофером) пришлось оставить. Майор, которого я вез, был убит на месте, а я остался инвалидом. Теперь я Макаренко вспоминаю чаще, чем прежде, и с радостной отчетливостью понимаю, что отдал здоровье вполне по-макаренковски. Он непременно был бы доволен мной. Подвига нет, но есть счастье чувствовать, что ты не обманул ожиданий, потому что нашел силы просто выполнить долг.

В «Педагогической поэме» Антон Семенович представляет меня читателю под довольно ярким именем Перец. Это очень близко к оригиналу. Настоящая моя фамилия Перцовский.

В «Марше тридцатого года» он меня называет уже подлинным именем и так расхваливает, что неудобно повторять его слова. Но за что меня Антон Семенович хвалит? За то, что я всегда был веселым.

Много писем и теперь получаю от бывших колонистов и коммунаров, все меня жалеют, но я и теперь остался совершенно неисправимым весельчаком... Я горячо люблю нашу жизнь, а инвалидность здесь не при чем. А какая у меня дочурка! Свою Люсю я имею возможность растить как раз так, как это делал Макаренко в яслях при коммуне, где воспитывались дети служащих под его внештатным руководством, и как он писал в своей «Книге для родителей».

Но меня слеза прошибает, когда подумаю, что смерть так рано оборвала жизнь Антона Семеновича, помешала ему написать еще несколько книг о том, как советский человек может быть счастливым. На себе вот вижу, что Антон Семенович прав.

Хотелось бы знать, неужели никто не продолжает дело Макаренко, неужели не пишется дальше «Книга для ро-

дителей»? Пишите! Сообща напишем каждый по страничке, чтобы был у нас в семье полный порядок.

А мы и теперь подчас не умеем жить со своими детьми, воображая, что для правильного воспитания достаточно придерживаться «единой линии». Но эта «единая линия» — примитив. И в семье педагогика является самой диалектической наукой, как говорил Макаренко. Разве не бывает, что приходится наказывать детей из-за непорядка, который мы же сами заварили? Разве не бывает, что мы на детей сердимся, нервничаем в их присутствии, вместо того чтобы радоваться? Вздыхаем, ищем какое-то счастье в сентиментальных, пошлых писаниях или заоблачных высях, забывая, что оно под боком, в наших детях; ищем, как бабушка ищет свои очки, которые у нее на носу.

Так пусть я сегодня не Перцовский, а еще один раз Перец из «Педагогической поэмы», и не обижайтесь на меня, что так говорю: налаживайте у себя дома, на работе порядок. Продолжим начатое Антоном Семеновичем дело! Это будет наша собственная замечательная «Педагогическая поэма», наш марш к счастью.

В. Н. ТАТАРИНОВА

Татаринова Варвара Николаевна (р. 1897). Педагог. Начала свою педагогическую деятельность в 1924 году в колонии имени А. М. Горького. В 1927 году вместе со своим мужем Т. Д. Татариновым перешла на работу в коммуну имени Ф. Э. Дзержинского. В. Н. Татаринова активный пропагандист идей А. С. Макаренко, автор воспоминаний о нем.

МАКАРЕНКОВСКОЕ ТЕПЛО

Мне выпало большое счастье работать с выдающимся педагогом и замечательным человеком А. С. Макаренко. Ребята были трудные, возраст был разный: от 12 и до 18—19 лет. Хотя работа была трудная, но очень интересная, и я всегда рада случаю, когда у меня является возможность поделиться своими воспоминаниями.

Редко встретишь, пожалуй, человека довольно суровой внешности, с холодными, под стеклами очков, глазами, но с большой и нежной душой. Таким именно и

был Антон Семенович Макаренко. Детей он любил особой любовью. Он обладал чудесной способностью убедительно показать воспитаннику неуместность или неправильность его поступка. Он был всегда справедливым, очень живым, остроумным человеком. Свой природный юмор он часто использовал для педагогических целей. И благодаря хорошо подобранному педагогическому коллективу работать было в общем не так уж трудно. Надо было работать так, чтоб ребята полюбили, брали во всем пример и верили нам.

Сам Антон Семенович работал с исключительным напряжением. Он не считался ни со временем, ни с самим собой. За все время работы с ним я не помню случая, чтоб он когда-либо болел или был в отпуске. Любили ребята заходить к нему в кабинет и подолгу тихо сидеть, чем-нибудь занимаясь. А за глаза называли его любовно Антоном.

Много хорошего усвоили наши воспитанники за время пребывания в коммуне, где было так уютно, всегда чисто. Они чувствовали себя здесь хозяевами. День так был распределен, что у них был занят каждый час. Утром — школа, днем — мастерские, а вечером — интересные клубные кружки, библиотека.

И Антон Семенович всегда создавал и вносил много интересных предложений, сам писал пьесы из жизни коммуны. Мы, педагоги-воспитатели, жили одной жизнью с коммунарами. Обладал Антон Семенович редкой разносторонностью своих познаний и всегда поражал нас этим, заставлял тянуться, все время учиться.

Выходя в самостоятельную жизнь, коммунары уносили с собой чувство благодарности к Антону Семеновичу и к нам, воспитателям, за полученную путевку в жизнь. И приятно сознавать, что каждый наш воспитанник стал полезным стране человеком.

Я с любовью и гордостью вспоминаю прошлое.

У горьковцев и дзержинцев такое же доброе сердце, как и у их замечательного воспитателя. Сколько лет прошло, а ребята (теперь они дедушки и бабушки) пишут мне такие хорошие письма, что я всегда чувствую это тепло макаренковского внимания. Я храню эти письма, перечитываю их по нескольку раз. Как это много значит! Это тепло помогает мне преодолевать возраст, болезни и делать что-то нужное.

П. А. АЛЕКСЕЕВ

Алексеев Петр Андреевич (р. 1910).
Педагог. В колонии имени А. М. Горького руководил слесарно-механическим цехом. В Великую Отечественную войну командовал полком. В настоящее время персональный пенсионер, живет в Краснодаре и ведет большую общественную работу по воспитанию молодежи.

УМНОЖИМ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Более 30 лет тому назад мне довелось работать вместе с Антоном Семеновичем Макаренко.

Теперь, думая о воспитании, обучении и всестороннем развитии молодежи, считаю долгом поделиться рядом мыслей, связанных с представлением о новом человеке, человеке коммунистического общества.

Каким будет выпускник школы? С каким богатством знаний и трудовых навыков он вступит в жизнь? Какие новые черты появятся в его моральном облике?

Эти и многие другие вопросы волнуют меня, когда пытаюсь представить себе наше завтра. В деле воспитания нового человека мы имеем еще немало изъянов.

Думаю, будет самым благоразумным, если мы не на словах, а на деле используем наследие А. С. Макаренко, решая задачу подготовки человека к новой жизни. Это требует от нас широкого показа всей его деятельности не только в Крюкове, где находится музей А. С. Макаренко, а и в Харькове, в квартире, где он жил в последние дни пребывания на Украине. И в Москве необходимо создать музей его имени. К его многочисленным трудам, богатейшему педагогическому опыту и всестороннему показу жизни, отданной воспитанию молодежи, необходимо проложить широкую колею с открытым доступом для каждого родителя, воспитателя, педагога, так нуждающихся в практических советах.

В этом большом всенародном деле не могут оставаться в стороне воспитанники Макаренко и те, кто работал или встречался с ним по долгу службы.

Было бы замечательно, если бы государственные и общественные организации Украины, где жил и трудился А. С. Макаренко, взяли на себя инициативу созвать соратников и воспитанников не только для сбора материалов, связанных с его деятельностью, но и обра-

тились бы к ним, а в их лице ко всем советским гражданам с призывом повести повсеместную работу по творческому использованию идей Макаренко, приурочив к этому времени открытие на одной из центральных площадей Харькова памятника Антону Семеновичу Макаренко, рассматривая его как символ борьбы всего советского народа за коммунистическую мораль. Это могло бы стать важным этапом в воспитании нового человека.

Н. В. ПЕТРОВ

Петров Николай Васильевич (1890—1963). Режиссер, народный артист РСФСР, профессор Московского института театрального искусства, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии. Руководитель Харьковского театра русской драмы, организатор шефства театра над коммуной имени Ф. Э. Дзержинского. Ученик и талантливый последователь К. С. Станиславского, Н. В. Петров сразу оценил все значение опыта и теории А. С. Макаренко для преобразования общества на коммунистических началах. С тех пор Н. В. Петров и А. С. Макаренко — соратники, борцы за общее дело.

ПРАВДА ЧУВСТВ

...7 ноября 1933 года, стоя на трибуне и наблюдая праздничную демонстрацию харьковчан, я заинтересовался одной группой, которая появилась на площади и отличалась от других демонстрантов и дисциплиной и каким-то своеобразием. Поток демонстрантов прервался, затрещал барабан, мощно грянул оркестр, и на опустевшую площадь торжественно вышел знаменосец. Рядом с ним шли два маленьких, очень гордых барабанщика. Стройными рядами шли девушки в белых платьях, четко отбивая шаг, шли за ними юноши — тоже в белом. Прекрасно сыгранный оркестр аккомпанировал этому параду молодежи. На трибунах грянули аплодисменты.

— Кто это? — обратился я к соседу.

— Коммуна имени Дзержинского, — с гордостью ответил сосед. Так познакомился я с питомцами Антона Семеновича.

Недавно прочитанная первая часть «Педагогической поэмы» и парад молодежи на площади в день праздника Октября как-то неразрывно связались в моем сознании,

и за этим неразрывным единством всплыл лично мне еще не знакомый, но уже как-то ярко вырисовывающийся облик Макаренко.

«Надо познакомиться, надо ближе узнать этого необычного и беспокойного Макаренко», — такие мысли возникли у нас, когда мы возвращались с праздника домой, накануне открытия театрального сезона.

Театры обычно над кем-нибудь шефствуют, и вот мы решили шефствовать над коммуной имени Дзержинского. Сговорившись по телефону и условившись о встрече, мы направились в коммуну.

...Автомобиль свернул с шоссе. Мы проехали деревянную арку с надписью «Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского», въехали в небольшой лесок, на опушке которого уже виднелись какие-то строения. Чем ближе мы приближались к цели, тем больше нами овладевало желание увидеть этого необыкновенного педагога...

Деревья стали редеть, лес кончался, и мы попали в прекрасно распланированную местность, с рядом фабричных корпусов, жилых зданий, асфальтированных дорожек и живописно разбитых цветников. Сразу же почувствовался умелый и мудрый хозяин, строящий жизнь коллектива и планомерно организующий его условия жизни.

Машина остановилась перед центральным двухэтажным зданием с флагами на башнях, мы вошли в подъезд и были остановлены дежурным по коммуне.

Умная распланировка территории коммуны, цветники, чистота и порядок, форма коммунаров, подтянутость и вежливость дежурного — вот первые впечатления, которые не изгладились в памяти, несмотря на то что это было много лет тому назад. Дежурный провел нас по длинному коридору и, просив подождать, вошел в кабинет заведующего учебной частью.

По стенам коридора аккуратно были развешены стенные газеты, художественно исполненные ребусы, викторины. Во всем чувствовался смысл и вкус, а не внешняя форма. Дверь открылась, и дежурный пригласил нас войти в кабинет Макаренко.

За большим письменным столом, на фоне окна, мы увидели военизированно подтянутую худощавую фигуру человека в очках. В окно за спиной Антона Семеновича врывались лучи солнца, виднелось голубое небо и буйная

пестрота красок осенних цветов. Антон Семенович пригласил нас сесть, и начался тот обычный разговор готовыми фразами, когда между разговаривающими еще не установились ясные отношения и когда собеседники изучают друг друга.

Но этот поединок продолжался недолго. Через несколько минут мы поняли, что побеждены, что готовые стандартные фразы не вызывают стандартных ответов, что разговор может завязаться не в поверхностно-словесной форме, а в какой-то иной. Мы поняли, что Антон Семенович нисколько не интересуется обычной внешней формой шефства и что он сейчас скорее изучает нас для того, чтобы решить: а можно ли нас включить в группу людей, помогающих ему воспитывать детей?

Острый, требовательный, испытующий глаз Макаренко следил за нами, а каждая стандартно банальная фраза о шефстве рождала у него саркастическую улыбку, которую он мгновенно сгонял со своего лица.

Мы, как пойманные школьники, чувствовали свою какую-то вину, но осознать ее еще не могли, так как слишком смело и открыто, слишком стремительно и неожиданно для нас ринулся Макаренко в атаку.

...Группа актеров, приехавшая к педагогу Макаренко, действительно неожиданно попала на своеобразный экзамен, — казалось, не предложение наше о шефстве интересовало Макаренко, а люди, приехавшие с этим предложением. Очевидно, к концу нашей беседы требовательный педагог добился своего: он прощупал каждого из нас и поверил в нашу искренность. И когда мы прощались с Антоном Семеновичем, то впервые за всю беседу увидели его обаятельную улыбку и искреннее лукавство его умных глаз.

За первой встречей последовала вторая, третья, четвертая... Мы ездили в коммуну. Макаренко бывал в театре. Коммунары стали нашими постоянными зрителями. Каждый вечер к театру подъезжал автобус коммуны, и тридцать коммунаров, подтянутых, носивших с гордостью свою, изобретенную Макаренко, форму, входили в театр и чинно занимали свои постоянные места.

Коммунары любили, уважали, поддерживали честь своей коммуны. Наблюдая их в общественных местах, я часто удивлялся их образцовому поведению и воспитанности.

Откуда у этих «трудновоспитуемых» ребят брались выдержка, выправка и такое блестящее владение собой? Этому, конечно, нельзя научить, это можно только воспитать, и воспитать не индивидуально, а через коллектив. И эта дисциплина являлась не муштрой, а была воспитанным и сознательным общественным поведением коммунаров и разительно отличалась от их поведения дома, где они были радушными и гостеприимными хозяевами.

Театр шефствовал над коммуной, а по существу Антон Семенович воспитывал наш театральный коллектив. Каждый наш приезд в коммуну с лекцией или беседой, с читкой новой пьесы или обсуждением просмотренного спектакля кончался беседами с Макаренко, и мы уезжали обогащенные новыми впечатлениями, новыми мыслями, новыми чувствами.

И самая большая прелесть этих встреч была в том, что не было повторений. Антон Семенович был неистощим в своей изобретательности и обладал подлинным творчеством в рождении нового...

Как-то раз после спектакля «Далекое» А.Афиногенова Антон Семенович зашел к нам за кулисы и мрачно сел в уборной А.Г. Крамова, наблюдая, как тот разгримировывается. Молчание Макаренко было для нас непонятно и тревожно. «Очевидно, спектакль не понравился, — подумали мы, — ведь Антон Семенович всегда так интересно, хотя и беспощадно, говорит о нашей работе». Крамов разгримировался, оделся, и мы уже собирались уходить, тогда Антон Семенович нарушил это тягостное молчание. «Плакать заставили, подлецы», — сказал он мрачно, пожал крепко нам руки и молча удалился.

Я очень ценю и уважаю слезы зрителя, да еще такого квалифицированного зрителя, как Макаренко. Чем человечнее зритель, тем ближе ему человеческие чувства, и чем крупнее человеческий интеллект зрителя, тем меньше он стесняется проявлять эти человеческие чувства.

Я помню слезы на глазах С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе на спектакле «Ярость» в бывшем Александринском театре, помню слезы на глазах А. М. Горького на спектакле «Страх» А. Афиногенова; и много раз мне приходилось наблюдать порывы чувств у зрителя, которые, конечно, нам театральным работникам, ценнее, чем скепсис людей, считающих себя причастными к искусству,

а в действительности лишенных чуткого человеческого начала, живых и непосредственных чувств.

Помню, как однажды, приехав на репетицию в коммуну, я неожиданно застал Антона Семеновича на сцене со скрипкой в руках, окруженного мальчишками, с которыми он терпеливо разучивал какую-то песню. Пацаны старательно пели, и когда кто-нибудь из них неожиданно испускал петушиный звук, то хохот мгновенно оглашал сцену. Громче, моложе и заразительнее всех смеялся сам Антон Семенович. Но через секунду он стучал смычком о скрипку, водворялась тишина, и снова он терпеливо продолжал обучать свой молодой и непослушный хор.

Правда, присущая натуре Макаренко, правда чувств — вот что делало его необыкновенно приятным, а иногда и неприятным, когда правда бывала не по сердцу его собеседнику. А бесед было много и самых разнообразных: и по вопросам театра, и о жизни, о педагогике, и по общим вопросам развития нашего искусства, и о личной жизни, и о жизни коллектива, и о прошлом, и о настоящем, и о лучезарном будущем.

Да разве только беседы?! А сколько проектов, сколько начатых работ, задуманных творческих затей осталось неосуществленными, прерванными его нелепой смертью!

Л. А. СКОПИНА

Скопина Людмила Александровна (р. 1903). Артистка Московского драматического театра имени А. С. Пушкина, народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии. В 1933—1937 годах вместе с Н. В. Петровым, А. Т. Крамовым, А. И. Янкевским и другими артистами Харьковского театра русской драмы вела большую работу по развитию художественного творчества, утверждению эстетики жизни в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.

ТВОРЕЦ СЧАСТЬЯ

Антон Семенович Макаренко был творцом чудесной, почти сказочной, но настоящей земной жизни, творцом радостей человеческих. И в этом, по-моему, весь «секрет» его педагогических успехов.

Мы, артисты Харьковского театра русской драмы, потянулись к нему не случайно.

У нас были какие-то глубокие общие корни с Макаренко. У театра была определенная программа, свое общественное лицо. Театр жил стремлением не просто ставить хорошие спектакли, а изменять жизнь, помогать людям побеждать несчастья, бескультурье и мерзости, строить новый мир, в котором хозяином станет Человек творческого труда, всесторонне развитый и счастливый.

А в коммуне имени Дзержинского становление такого человека уже было фактом. Мы имели перед глазами живой, классический образец. Поэтому творческие поиски в искусстве, утверждение эстетики жизни и борьбы привели нас к этому чудесному коллективу.

Конечно, тогда об этом так мы все не думали. Просто мы не могли пройти мимо коммуны. Нас притянуло необыкновенной силы обаяние, какой-то особенный человеческий магнит, мы больше чувствами, чем разумом, поняли, что это именно то, что нам надо, и незаметно даже для себя стали органической частью замечательной коммунарской семьи. Артисты А. Т. Крамов, Н. В. Петров, А. И. Янкевский и я были почетными коммунарами и носили специальные коммунарские значки.

Вспоминается мне лето, проведенное в коммунарском лагере возле Славянска на реке Северный Донец. Лагерь располагался в лесу по образцу военных лагерей тех лет, ротами. Но никакой военной муштры в лагере, конечно, не было. Проводились импровизированные военные игры, увлекавшие и нас своей романтикой.

Мы с А. И. Янкевским по поручению коллектива театра руководили коммунарским драматическим кружком. В лагере продолжалась начатая еще в Харькове работа над постановкой «Тартюфа» Мольера.

С нами приехали и наши дети. Антон Семенович посоветовал поместить их в соответствующие роты, а я была приглашена жить вместе с его женой, Галиной Стахиевной, с которой мы впоследствии стали большими друзьями. Но тогда мне не хотелось отделяться от своих мальчиков, поэтому я тоже пожелала жить вместе со всеми в одной из рот.

— Вот и замечательно, — сказал Антон Семенович.— Я не знаю, что делать с этими девочками, вы мне поможете. Живите тогда с ними в десятой роте.

Конечно, он справлялся с воспитанием своих девочек, но ему, видно, хотелось, чтобы я чувствовала себя всегда нужной и полезной в коммуне.

Ребята были отправлены на свои места несколько раньше, а меня Антон Семенович повел к девочкам уже вечером. Они спали, а дежурный коммунар, полагая, что его никто не увидит, присел на коечку в одной из палаток и тихо пел какую-то украинскую песню. Увидев нас, он смутился и подскочил: на посту петь не разрешалось.

— Ах ты, лирик, — только и сказал Антон Семенович.

Я тут же, на этой коечке, разместилась ночевать. Там и жила, в десятой роте, а наши ребята жили в своих ротах.

Кому-то пришла мысль устроить плавучий театр. И закипела работа. Очистили от ила старый плот, укрепили и расширили его, приспособили для «сцены». Подвели электричество, сделали гирлянды из веток и цветов. На берегу, как в древней Греции, располагались зрители: коммунары и приглашенные гости из ближних сел и домов отдыха. Так мы ставили «Тартюфа» Мольера. На лодках гримировались и одевались актеры, а потом тихо и вовремя подъезжали и уезжали: все было предусмотрено и все точно рассчитано. В подготовке спектакля участвовали все, но не в порядке стихийного движения: в коммуне была своеобразная продуманная система эстетического воспитания.

Кстати, слова «эстетическое воспитание» я впервые услышала от Макаренко; но он понимал и осуществлял это воспитание своеобразно. Эстетическое воспитание не было у него каким-то особым разделом работы, который к чему-то, обычно в торжественных случаях, добавляют, как надевают парадную форму на праздник, а в будни держат в шкафу и щеголяют в затрапезном виде. В коммуне все и всегда было пропитано искусством, и подчас просто невозможно было установить разницу между искусством и жизнью. Это была эстетика не формы, а самой сердцевины человеческой.

Абсолютно все включались, например, в специально продуманные и коллективно смонтированные театральные обозрения из жизни коммуны, где оставлялось много места и для импровизации. Получалось нечто вроде живой газеты, где точно изображалась жизнь коммуны. И в то же время это было импровизированное театраль-

ное представление в осмысленном, если хотите в философском, освещении, с точными акцентами на переломных периодах истории коммуны.

Помню, один из таких импровизированных спектаклей представлял переход от производства электросверлилок к производству фотоаппаратов «ФЭД». Как сейчас помню Клаву Борискину, теперь артистку Харьковского театра русской драмы, с пристегнутой к поясу сверлилкой. В этом спектакле пел хор мальчиков, которых обучал Антон Семенович, аккомпанируя им на скрипке.

В таких спектаклях-импровизациях участвовали абсолютно все. И участвовали не по обязанности, а по своим внутренним побуждениям и интересам. Был, конечно, актив энтузиастов этого живого искусства, таких, как Клава Борискина, очень способная и талантливая, покойный Ваня Ткачук, Дмитрий Терентюк, теперь заслуженный артист, Шура Сыромятникова и другие. Но это не был замкнутый кружок. Вся коммуна участвовала в наших сценических затеях. В искусство были вовлечены все. Поэтому и не было там пассивных созерцателей, жаждущих зрелищ, все были и артистами, и зрителями.

А стенные газеты в коммуне — это огромные полотна, где абсолютно все в меру своих сил занимались изобразительным искусством. Душой и главным зачинателем театральных импровизаций, всевозможных интересных игр, умнейших и талантливых стенных газет был педагог и художник Виктор Николаевич Терский, которого мы очень любовно называли Дон Кихотом.

Наш коммунарский драматический кружок работал над подготовкой литературных вечеров и ставил такие вещи, как, например, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Хотя жизнь в коммуне была четко организована и слажена, там не было мелочной регламентации сверху. Коллектив коммунаров-дзержинцев — это не «инструмент» в руках педагога-мастера Макаренко, как теперь часто представляется, а нечто такое, куда входил и сам Антон Семенович, и все его друзья-коллеги в качестве составной части большого, очень дружного, всегда живого и прекрасного коллектива.

* * *

Хочется верить, что дело педагога Антона Семеновича Макаренко не будет только образцом для подражания

или темой юбилейных выступлений, а расцветет в творческих делах миллионов советских людей — и педагогов, и художников, и общественных деятелей, и организаторов производства.

Макаренко любил людей той огромной любовью, которая приносила ему самому счастье. Эта его любовь и счастье лежат в основе его учения и умения делать счастливыми других людей. Антон Семенович любил повторять, что счастье само не приходит, а его нужно организовать. И он организовывал счастье.

Ю. Б. ЛУКИН

Лукин Юрий Борисович (р. 1907).

Литературный критик, кинодраматург, сотрудник редакции «Правды». Редактор, подготовивший к изданию первую книгу А. С. Макаренко «Марш тридцатого года». Был редактором и последних художественных произведений великого педагога.

Совместная работа А. С. Макаренко и Ю. Б. Лукина оказалась особенно плодотворной. Ю. Б. Лукин — убежденный и последовательный поборник идей и принципов А. С. Макаренко. Автор монографических работ о Шолохове и Макаренко, брошюр о советских писателях.

РЫЦАРЬ КОММУНИЗМА

Впервые познакомиться с Антоном Семеновичем мне довелось в самом начале тридцатых годов, когда в издательстве мне поручили редактировать рукопись «Марша тридцатого года».

Это было первое самостоятельное произведение Антона Семеновича, готовившееся к печати. Оно конспективнее его последующих книг и написано гораздо более робко. Но и здесь уже сразу очаровала особая макаренковская свежесть обращения с привычными понятиями, представлениями, полный внезапных парадоксов юмор, украинская хитринка и необычайная душевная чистота. Макаренко обладал ценнейшим даром — умением в любой мелочи, в любом факте раскрыть свою душу. Как и все книги Макаренко, повесть «Марш тридцатого года» очень умна. Его литературное творчество возникло как продолжение его борьбы за свои научно-педагогические идеи. «Я не перестал быть педагогом, — часто говаривал он. — Я лишь сменил род оружия».

Макаренко — рыцарь коммунизма. Таким он останется навсегда в нашей памяти, и таким он, правда смутно еще, вырисовывался уже и тогда, при чтении первых страниц этой ранней рукописи. Он умел ценить счастье и не боялся горечи. Он умел сделать счастливыми детей, которых воспитывал. То, в чем некоторые теоретики из тогдашнего Наркомпроса и Соцвоса видели неразумную муштру, было увлекательнейшей детской военной игрой, вошедшей в быт, ставшей действеннейшим средством воспитания. Так и виделся этот незабываемый макаренковский коллектив: ребята, здоровые, веселые, жадные к жизни, смышленые и хитрые, брызжущие жизненной силой, и среди них педагог — в самом высоком смысле этого слова, — тончайший психолог, буквально покорявший коммунаров смелостью ума, силой и чистотой своей души, по-горьковски веривший в человека и ни перед чем не отступавший в благородной борьбе за этого человека.

И все эти люди — в своей трудовой жизни, в быту, в общественных функциях своего коллектива — играли, чуть улыбаясь над этой игрой и отдаваясь ей с увлечением. Этот мудрый воспитатель, которого враги его представляли бурбоном и самодуром, сумел, воспитывая коллектив будущих тружеников, дисциплинированных членов общества, стойких борцов, сохранить детству все живое, что ему свойственно, без чего оно перестает быть детством.

Макаренко придавал большое значение стилю коллектива. И этот стиль радостной, бодрой деловитости, подтянутости, внутренней чистоты и беспощадной иронии, выправляющей человека, ощущался после первого же соприкосновения, хотя бы заочно, с умом его, с его душой.

Письма Антона Семеновича, которые я получал, работая над рукописью, вполне дорисовали образ этого человека.

Когда однажды, сидя в редакции, я услышал вопрос: «Где здесь редакция современной литературы?» — и ко мне обратился пожилой человек в военной шинели, с обветренным суровым лицом и совершенно особенными, несомненно макаренковскими, чуть грустными, чуть ласковыми, чуть насмешливыми, затаенно улыбающимися глазами, — я, не задумываясь даже о неожиданности своего вопроса, спросил его: «Вы товарищ Макаренко?» Он расхохотался и подтвердил это, удивившись, что был

так сразу узнан. Мне кажется, его всюду бы узнали те, кто читал его книги. Работать над рукописью с Антоном Семеновичем всегда было очень интересно и весело. Его тонкий ум, вкус и юмор превращали эту сложную, подчас очень утомительную работу в увлекательнейшее занятие — вроде игры в шахматы.

Он много балагурил. Так, например, правя однажды в его кабинете в Лаврушинском переулке текст «Флагов на башнях», мы обнаружили, что там на каждом шагу герои улыбались и хохотали. Антон Семенович, шутливо сетуя на то, что вот, дескать, автор и редактор не дают молодежи повеселиться, рассказал к разговору, что в одной редакции ему слово «пацаны» всюду переправили на «парни». И когда мы кончили работу, он улыбнулся своей удивительной теплой улыбкой и сказал: «Ну вот, теперь всех улыбающихся пацанов, повыкидывали, остались одни мрачные... парни с Лаврушинского».

Так же шутливо он жаловался на то, что критики постоянно требуют от него каких-то коллизий, а он, дескать, даже и не знает, что это слово значит. «Я же не писатель! — воскликнул он. — Пусть писатели выдумывают коллизии».

За этим милым балагурством Антона Семеновича, за его блестящими парадоксами, неожиданными сопоставлениями, за всей внешней игрой его высокообразованного ума открывались глубокие, всегда неожиданные, всегда интереснейшие раздумья и мысли. Чрезвычайно интересны были мысли о коллективе, изложенные им позже в его лекциях; запомнилось, как он говорил о дисциплине: каждое понятие, представление он всегда обновлял применительно к нашим условиям, условиям социализма. Движение нашей жизни ломает установившиеся представления, наполняет старые термины новым, революционным содержанием. Антон Семенович однажды во время очередной работы заговорил о дисциплине и сказал, что старое понимание дисциплины устарело: дисциплина борца состоит не только в выполнении установленных норм; часто забывают, говорил он, о дисциплине движения вперед, о дисциплине преодолевания препятствий. Вот необходимая черта нашей дисциплины.

«Я не писатель, не знаток этого дела», — заявлял он, смеясь над критиками, не понимавшими его произведений и пытавшимися умалить их значение, и тут же давал генеральный бой этим критикам, обнаруживая редкостную

эрудицию в вопросах литературной теории, философии искусства, писательского мастерства.

Несколько сходно с этим и его утверждение относительно своего педагогического таланта; он все объясняет мастерством, которого может достигнуть всякий и которого, замечает он, за долгие годы достиг и он. В этом есть и правда. Основная ценность научно-педагогической теории А. С. Макаренко в том, что она учит педагогическому мастерству, которого может достигнуть всякий и которое приносит блестящие результаты. Но в макаренковской практике были подлинные чудеса, были исключительные, из ряда вон выходящие случаи и положения, в решении которых обнаруживалось не только мастерство, но и необычайной силы талант его как педагога. Точно разработанный метод, глубокое философское обоснование этого метода и талант Антона Семеновича сделали то, что он, преодолевая все трудности в своей работе, добивался подчас фантастических побед.

Блеск его педагогического таланта обнаруживался в любой мелочи. Однажды я запоздал на встречу с Антоном Семеновичем и очень торопился, так как знал, что дома никого нет и Антону Семеновичу придется ждать, а занять его сможет только моя десятилетняя племянница. Еще подымаясь по лестнице, я услышал закатывающийся детский хохот. Когда я вошел, то увидел, что девочка сидит на стуле, положив на стол свою школьную тетрадь, притиснув ее к столу руками, и восхищенно, захлебываясь понимающим смехом, глядит на Антона Семеновича. А он самым серьезным тоном настойчиво просит ее дать ему написать в тетради, что он согласен с учительницей и диктант выполнен действительно хорошо. «Если учительница написала «хорошо», значит и я должен написать, я тоже думаю, что хорошо». Вслед за этим последовал разбор диктанта: текст странички, подобранный из вполне бессвязных фраз, читался так, как если бы фразы составляли продолжение одного и того же рассказа. Интонациями устанавливались уморительные сцепления. Попутно с самым серьезным и требующим такого же участия видом задавались недоуменные и абсолютно резонные вопросы. Девочка хохотала до изнеможения и после этого дня только и говорила что об Антоне Семеновиче. Можно представить себе, какие воспоминания о своей юности вынесли на всю жизнь его воспитанники.

Все понимающий, все чувствующий человек, часто рассказывали они, он в ответственные, самые сложные минуты никогда не надевал на себя личину каменного спокойствия премудрого педагога. Он не боялся открыть перед своими воспитанниками и всю степень своего негодования — всю свою человеческую душу, умевшую так остро чувствовать и горевшую так ярко. И величайшим вознаграждением было то, что уже взрослыми людьми при решении наиболее важных для себя вопросов они неизменно обращались за советом к Антону Семеновичу.

Высокое служение идеалам коммунизма составляло его кредо. Этим была проникнута каждая его мысль. За свои убеждения он боролся со страстью.

* * *

Тяжелые дни похорон этого изумительного человека дали мне возможность увидеть и узнать многих людей, которые описаны в его книгах.

Во время гражданской панихиды зал Союза советских писателей был полон. Своей прекрасной жизнью, своим мастерством художника, умением почувствовать, выправить и описать тончайшие движения человеческой души педагог и писатель Макаренко завоевал уважение и любовь миллионов советских людей. Он получал огромное число писем, и писали ему не только о его книгах. Читатели спрашивали его совета в важнейших вопросах жизни. Он был для них подлинным учителем жизни, подобно великим писателям прошлого, подобно Максиму Горькому. Ему писали как близкому человеку, как умному и взыскательному отцу. Его облик стал виден далеко за пределами Советского Союза. Ему писали из Америки: мать, желавшая наилучшим образом воспитать своего ребенка, обращалась к Макаренко как величайшему педагогическому авторитету.

Его гроб буквально утопал в цветах и венках. Стоял большой портрет, один из хороших его портретов, где удалось схватить особенное, макаренковское, немного грустное и такое ласковое и в то же время строгое выражение его умных глаз. Но лучшим украшением зала был почетный караул коммунаров, его воспитанников, съехавшихся с разных концов Союза и ревниво оттеснивших всех окружающих от несения последних обязанностей по от-

ношению к нему. Инженеры, журналисты, аспиранты научных институтов, командиры Красной Армии, курсанты военных училищ—они стояли подобранные, строгие, не позволяющие горю нарушить торжественности последнего прощания с тем, кто был для них идеалом человека. И вы не различали в них в этот момент военных или штатских, курсантов военной школы или литераторов, — вокруг гроба стояли макаренковцы, особая прекрасная порода людей, воспитанная талантливейшим педагогом-большевиком, сумевшим ввести в самую плоть их и кровь высокие принципы коммунистической этики и морали. Они были прекрасны. То душевное благородство, которое он сумел в них воспитать, та особая подтянутость, которой они выделяются в массе окружающих их людей, не давали вам возможности останавливать свое внимание на неправильностях лица или фигуры; вас поражало то, что они все красивы. Он был бесконечно прав, утверждая это и описывая их такими.

Очень мягко, вежливо, но более чем решительно они сумели поставить дело так, что по любым вопросам, касающимся распорядка, все обращались к ним. Они не видели друг друга много лет, но, съехавшись сюда, они первым делом собрали свой совет командиров и вновь зажили дисциплиной дзержинцев, славными традициями, сплотившими их в одну огромную дружную семью.

Некоторые критики и до тех пор не верили, что горьковцы и дзержинцы были такими, какими их описал Макаренко в своей последней книге. Дисциплина и слаженность коллектива первомайцев (дзержинцев) казалась этим критикам придуманной писателем, невозможной в жизни. Им казалось, что коллектив бывших беспризорных, правонарушителей сильно приукрашен, что так быть не могло: выходит, дескать, что бывшие беспризорники, «искалеченные улицей» дети ничуть не хуже наших обыкновенных детей, воспитывающихся в школах; не могла-де жизнь коллектива дзержинцев идти без глубоких потрясений, которые характерны для колонии имени Горького, описанной в «Педагогической поэме».

Надо ответить этим критикам, что, во-первых, одной из главных педагогических доктрин А. С. Макаренко было то, что беспризорный ребенок — отнюдь не искалеченный, не изуродованный ребенок, и нет ничего легче, как ввести его в нормальное жизненное русло, когда он

попадает в организованный, крепкий, воспитывающий его коллектив.

Во-вторых, они не учли разницы между горьковской колонией и коммуной имени Дзержинского. «Только пятьдесят пацанов-горьковцев пришли в пушистый зимний день в красивые комнаты коммуны Дзержинского, но они принесли с собой комплект находок, традиций и приспособлений, целый ассортимент коллективной техники, молодой техники освобожденного от хозяина человека. И на здоровой новой почве, окруженная заботой чекистов, каждый день поддержанная их энергией, культурой и талантом, коммуна выросла в коллектив ослепительной прелести, подлинного трудового богатства, высокой социалистической культуры, почти не оставив ничего от смешной проблемы «исправления человека»... Далекий, далекий мой первый горьковский день, полный позора и немощи, кажется мне теперь маленькой, маленькой картинкой в узеньком стеклышке праздничной панорамы» («Педагогическая поэма»).

В-третьих, они не учли, что дети, воспитывающиеся в школе, воспитываются и в семье, и не всегда эта семья оказывается идеальной, в колонии же имени Горького и коммуне имени Дзержинского Антон Семенович Макаренко вполне заменил своим воспитанникам отца, причем в его образе сочеталось для них все самое прекрасное, что связывалось в их сознании с представлением о человеке в горьковском смысле этого слова. Это был для них идеал человека, идеал отца. Отец бывает и пьяницей, и разложившимся человеком, а если не так, то очень часто дети оказываются во всяком случае более передовыми людьми, чем их родители. Воспитанники Макаренко нашли отца, который был человеком высокого интеллекта и невероятной душевной чистоты. А какие интересные и благородные люди воспитывали их, дружили с ними! Воспитанники Макаренко имели много преимуществ перед многими из так называемых нормальных детей.

Он сумел создать своим коммунарам такую юность, которой могут позавидовать многие дети, воспитывающиеся в семье, и которая решительным образом определила всю их дальнейшую жизнь. Поразительно чуткий педагог, он в своей воспитательной системе нашел интереснейшие методы осуществления принципов коммунистического коллективного воспитания. В его системе замеча-

тельно учтены были детская тяга к военной игре, детский кодекс чести, строгость детской дисциплины, воспитывающее значение образования и квалифицированного труда, яркая реакция психики подростка на оказываемое ему доверие. Он был предельно взыскательным, педантически дотошным в требованиях исполнения его приказов, и в то же время по-горьковски верил в человека. Широта его доверия, по рассказам бывших колонистов и коммунаров, прямо-таки потрясала их и была одним из решающих факторов в переломе их психологии.

Он сделал за свою жизнь непонятно много. Он был подлинным рыцарем идеи коммунистического воспитания. В самые тяжелые годы, годы хозяйственной разрухи и голода, голодая и холодая вместе с колонистами, он создавал, борясь с нищетой, с травившими его лжепедагогами, высочайшую этику и мораль коммунистического коллективного воспитания, непоколебимо веря в успех. Он верил, что в Советской стране ни один человек не может пропасть, и обладал талантом находить дорогу к самому хорошему, что есть у человека. Он уже тогда, в годы лишений и голода, хотел и добивался, чтобы весь мир завидовал его стройным «пацанам» в темных рубашках с белыми воротниками, его прославленным колонистам. Он был страстно, пророчески убежден, что это все будут и уже есть прекрасные люди.

На его похоронах произносились самые разные речи. Говорил старичок-учитель. Рассказал, что Макаренко учился у него в школе, и благодарил покойного за то, что тот всегда писал ему сочинения по литературе на «отлично». Выступил другой учитель, москвич. Ошибаясь и путая слова, едва не перепутав отчество покойного, прочел свою речь по записке. Выступил известный писатель, автор хорошей книги, и продекламировал свое напыщенное, холодное надгробное слово. И после всех этих речей оставалось, как обычно на похоронах, то тяжелое чувство, которое возникает от трагического несоответствия между тем, что свершилось, и тем, что говорится по этому поводу. Было стыдно перед коммунарами, стоявшими в почетном карауле. Макаренко сумел воспитать в них чувство юмора и педантическую честность.

Потом объявили, что будет говорить воспитанник Макаренко. Вышел человек в военной форме, с военной выправкой, но смятый страданием. Он сказал, что совет ко-

мандиров бывших воспитанников Антона Семеновича поручил ему, как старшему из собравшихся, сказать от их имени то, что они хотели бы сказать все.

Привожу содержание его речи по памяти:

— Я потерял сегодня отца. Вы поймете, почему мне так трудно говорить, если представите, как трудно терять отца еще таким молодым. Ему был всего 51 год. Мой отец по крови бросил мою мать, когда мне было четыре года. Я его не помню, и я привык его ненавидеть. Моим настоящим отцом был Антон Семенович. Антон Семенович ни разу в жизни не похвалил меня, он всегда меня ругал, даже в своей книге «Педагогическая поэма» он меня только ругает. Вы понимаете, как мне горько об этом говорить. Но именно потому, что он всегда меня ругал, я стал теперь инженером. Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь. Вы же представляете себе, кем бы я был, если бы он меня не ругал. Он требовал неукоснительного выполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великий гуманист. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым. К нам в колонию не один раз приезжали соцвосовские «работники» и всячески пытались восстановить нас против него, расколоть наш коллектив, его травили, нашего Антона травили!.. Макаренко воспитал тысячи славных граждан Советского Союза, его воспитанники работают на советских стройках, в научных институтах, дрались на Хасане с японскими самураями, среди них есть орденоносцы, лучшие люди нашей страны. Вы знаете, каким почетом окружено имя Коробова, вырастившего сыновей — героев труда. Что же сказать об Антоне Семеновиче Макаренко, давшем стране тысячи ее достойных граждан, десятки героев... Вы понимаете, товарищи, что́ я испытываю сегодня, что́ значит потерять такого отца...

Он говорил, стыдясь несдержанных выражений, пафоса и мужественно не стыдясь слез, которые лились как-то сами собой, не меняя напряженного выражения лица, не мешая ему говорить. Только сильно покрасневшие руки и их беспомощные детские движения выдавали его состояние. Он говорил с предельной честностью, ни одно

слово в его речи не прозвучало сколько-нибудь фальшиво или натянуто. В зале не было человека, который не плакал бы во время его речи. Люди видели настоящее горе и в эти минуты до конца поняли, какой человек был Макаренко.

Впоследствии колонист, о котором идет здесь речь, отдал свою жизнь за Родину. Глубокое значение этого факта и сила сказанного им в момент последнего прощания со своим учителем станут еще разительнее, если добавить, что в «Педагогической поэме» он описан под фамилией Ужикова...

У гроба Макаренко можно было видеть воочию материальное выражение бессмертия. Человек умер, но во всех собравшихся у его гроба юношах есть какая-то неуловимая черта, которая делает их больше чем членами одной семьи. Выражение ли лица, макаренковский ли мягкий юмор, особая ли макаренковская душевная чистота, — но вы узнаете его черты, его внутренний облик. Он, Макаренко, часть его существа безусловно остались жить в этих людях. Нельзя не обратить внимания на их поражающую чуткость, заботливость в отношении друг к другу. Нет более суровых и беспощадных критиков, чем они, когда они обсуждают поступок своего товарища, и в редкой семье братья так внимательны друг к другу, как они. Приемный сын Антона Семеновича во время похорон ни одной минуты не был один. Все время около него, как будто случайно, находился кто-нибудь из коммунаров. Подойдут, тронут за плечо, что-нибудь спросят, просто постоят рядом.

Трогательно относились бывшие командиры и колонисты к Галине Стахиевне Макаренко, жене Антона Семеновича. Первые недели она ни часу не оставалась одна. Они даже распределили свои отпуска таким образом, чтобы кто-нибудь всегда находился около нее. Причем это делалось так просто, без какого бы то ни было подчеркивания, — наоборот, всячески затушевывалось значение каждого жеста, каждого вовремя сказанного слова, — что невольно вспоминался один эпизод из жизни коммуны имени Дзержинского, о котором рассказывали коммунары. Было постановлено: уступать в трамвае места женщинам и старикам. И колонисты уступали неукоснительно. Но оглядывались, наблюдая, какое впечатление это производит. Тогда состоялось специальное засе-

дание совета командиров, на котором постановили: «Уступать место и не оглядываться!» Так и делали.

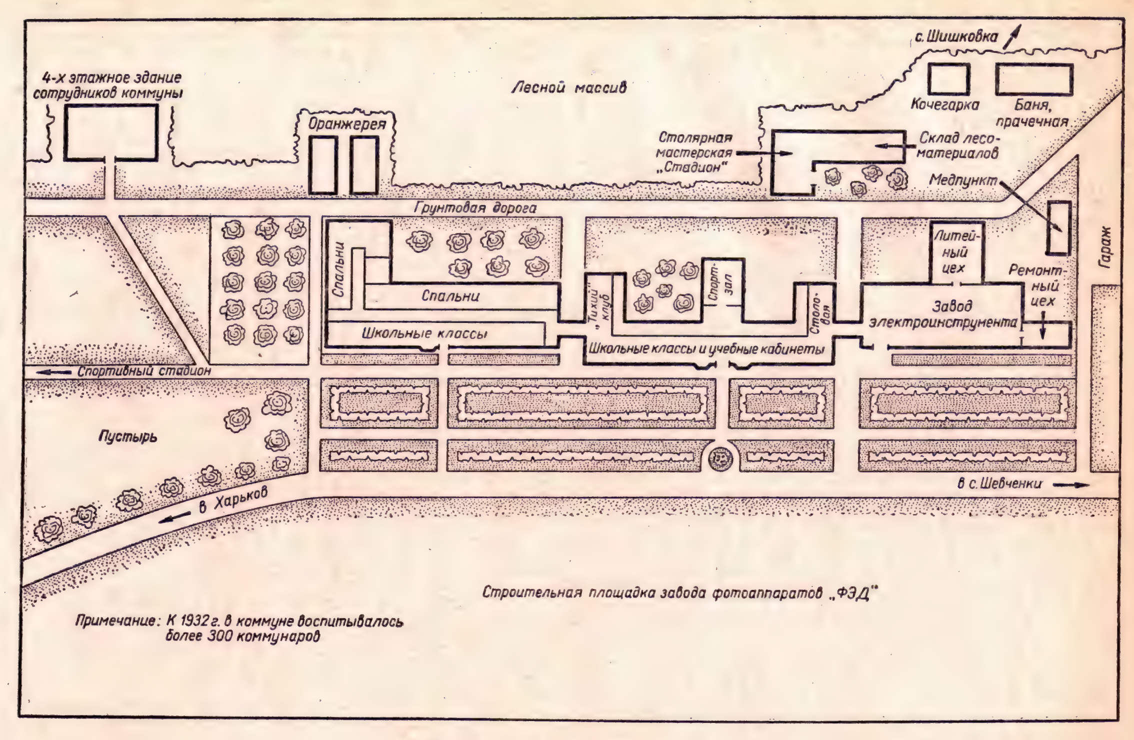
Один момент нельзя забыть. В карауле произошло какое-то движение. С подмостков спустился один из коммунаров, подошел к приемному сыну Антона Семеновича, стоявшему в карауле, шепнул ему что-то на ухо и стал на его место, а тот быстро пошел к трибуне. И в эту минуту, раздвинув ряды столпившихся на подмостках людей, появился невысокий, не успевший побриться с дороги человек. Оглушившее его горе, почти фанатическая страсть переживания, скульптурная красота его лица, сжигающее его чувство — сразу заставили всех обернуться к нему, как бы прожектором выхватили его из толпы. Он шатнулся и слегка оперся на стоявших рядом, когда увидел гроб. И видя это лицо, я понял всю силу таланта Макаренко как художника. Я не сомневался, что это Семен Карабанов, герой «Педагогической поэмы». Так описать человека, чтобы вы, увидев его впервые, узнали его сразу, не колеблясь, может только большой мастер. Рядом я в ту же минуту услышал: «Это, наверное, Карабанов...» Мне потом довелось познакомиться с этим жарким, как его назвал в своей книге Макаренко, Семеном и еще глубже оценить тонкий, обаятельный талант художника, ярко сказавшийся в замечательных книгах Макаренко.

Дух коммунарских традиций, впечатляющая их сила проявились еще в одном значительном эпизоде. Когда гроб с телом перевезли уже на кладбище и готовились опускать в могилу, по окончании последних речей, когда прозвучало судорожное «Прощай, отец!..» Карабанова, наступила минута, когда надо было, как требуют правила, снять орден Трудового Красного Знамени, которым правительство наградило писателя. Коммунары окружали могилу, момент мог быть страшно тяжелым — последнее прикосновение к телу, к одежде, отвинчивание ордена, — и вдруг коммунар, говоривший от имени совета командиров в Союзе писателей, негромко скомандовал: «Коммунары, смирно! Под знамя коммуны и ордена Советского Союза!» Коммунары машинально вытянулись. И очень трудно передать словами чувство, которое охватило всех присутствовавших. Никакого знамени коммуны здесь не было, знамя ордена Советского Союза присутствовало лишь в его изображении на ордене. Самой комму-

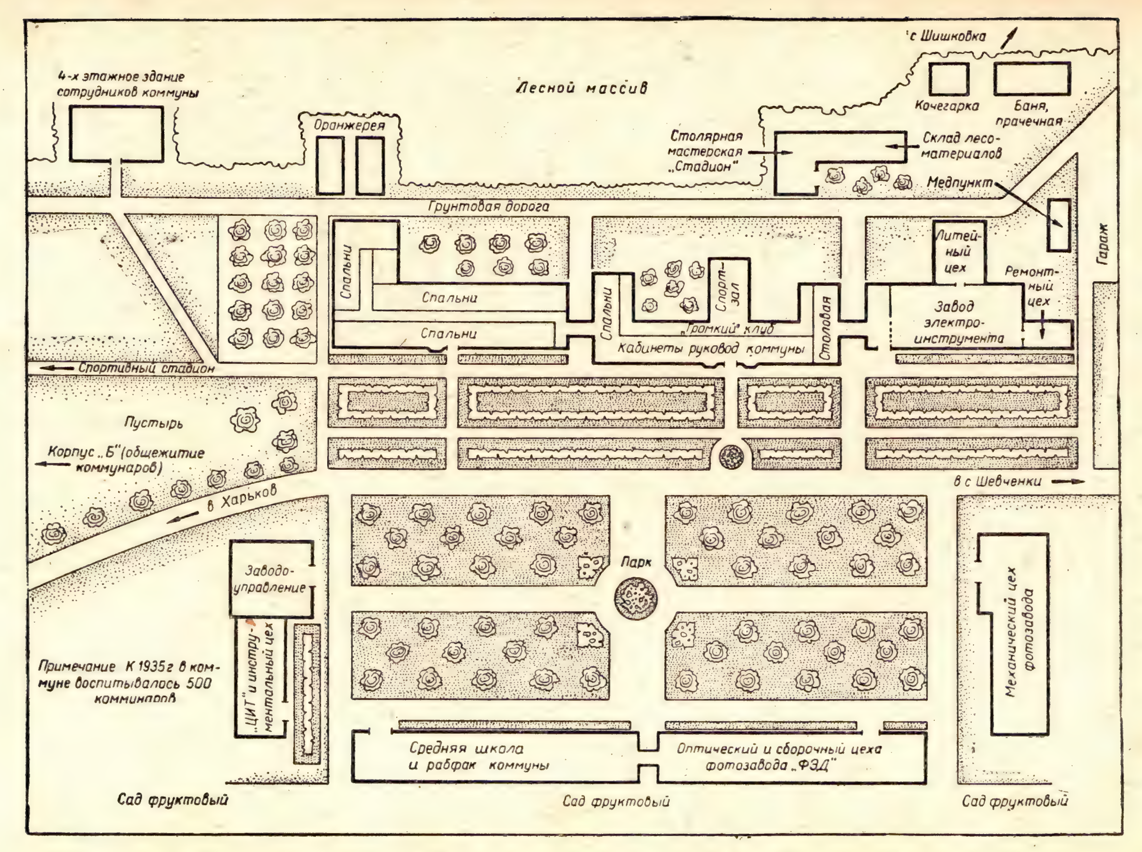
ны уже не существует. Люди, собравшиеся здесь, разошлись по самым разным дорогам. Но они стояли сейчас, вытянувшись, под одним знаменем, под Красным знаменем коммуны; напряжение было таким, что казалось, будто едва слышался шелест этого знамени. Здесь было все — и макаренковский культ Красного знамени, и сознание того, что эти люди, воспитанные Макаренко, отдают всю свою жизнь служению этому Красному знамени, знамени коммунизма. И это придало очищающую торжественность акту снятия ордена с тела человека, перед которым преклонялись. Писатель Всеволод Вишневский, принимавший орден от Карабанова, видимо, чутьем художника ощутил всю глубину происходящего и, бледный, так же негромко, чтобы не нарушить этого, по-военному сжато и так по-человечески просто, как над телом убитого в бою, ответил: «По поручению Союза советских писателей принимаю орден Макаренко. Мы возбудим ходатайство, чтобы орден навсегда остался в Союзе советских писателей». Последовала команда «вольно».

Я почувствовал себя так, будто на какую-то минуту перенесся в будущее, увидел те совершенные человеческие отношения, которые даст коммунизм.

Это будущее своими частицами уже живет в настоящем. Своим педагогическим и писательским трудом Антон Семенович Макаренко много способствовал такому развитию нашего настоящего.



Общий план коммуны, 1932 г.



Общий план коммуны, 1935 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

МАРШ ТРИДЦАТОГО ГОДА

В прижизненном издании (1932 год) книга имела название «Марш тридцатого года». В ряде своих работ и выступлений, например «Чудо», созданное советской властью», А. С. Макаренко также словами, а не цифрой формулирует название своей книги. И именно так оно употребляется в тексте настоящего издания. Текст «Марша тридцатого года» печатается по второму изданию Сочинений А. С. Макаренко, т. II, М., изд. АПН РСФСР, 1957—1958. В силу этого название на обложке и титуле дано в соответствии с этим изданием.

Стр. 15. *Сто пятьдесят коммунаров... живут в великолепном доме, выстроенном специально для них.*

Участники марша, документы из истории коммуны сообщают читателю дополнительные сведения о том, как чекисты строили коммуну, как выглядело это детское учреждение, в котором с самого начала все было до конца продумано, прилажено, строго проверено до последней мелочи.

Стр. 19. *Верхний этаж занят спальнями.*

Такое расположение сохранялось до 1932 года.

Позднее был выстроен специальный корпус спален, который сообщался с главным зданием.

Стр. 26. *Выбрали и секретаря совета...*

Секретарь совета командиров (сокращенно ССК) в колонии и коммуне — организатор исполнения всех решений совета командиров, наделен большими полномочиями (см.: Конституция страны ФЭД, стр. 163 настоящей книги). ССК избирался общим собранием коммунаров вместе с командирами первичных коллективов, председательствовал в совете командиров.

Стр. 28. *Многие занимают теперь более ответственные посты— заместителя заведующего...*

А. С. Макаренко имеет в виду дежурных заместителей начальника коммуны, сокращенно ДЗ. Этого высокого звания удостоились 9, а потом 15 старших коммунаров, составлявших ядро комсомола коммуны. Они по графику несли дежурство по коммуне. С введением ДЗ педагоги в коммуне не дежурили. Дежурный заместитель располагал очень широкими правами. Так, он мог единолично наложить взыскание. Но как только ДЗ сдавал дежурство (оно длилось один день), он становился рядовым коммунаром.

Стр. 33. *В то время их еще не пускали в производственные мастерские, а предоставляли им возможность работать в изокружке.*

Изокружок — организация изобразительного и технического творчества коммунаров. Вместе со свободной мастерской он являлся основой клубной работы в коммуне. Руководил ими В. Н. Терский.

Значение изокружка А. С. Макаренко подчеркивает в ряде своих работ, рассказывает о нем и на страницах «Марша» (см., например, главу «Клубработа»).

Организация изокружка и его свободной мастерской — одно из замечательных педагогических открытий А. С. Макаренко. В докладной записке Правлению коммуны (1928) он подчеркивал, что свободная мастерская «имеет целью подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей и дать ему возможность проявить себя в свободном трудовом усилии... вокруг нее должно расположиться теоретическое изыскание по формуле: «Что из чего делается» (Сочинения, т. V, стр. 414—416). В «Методике организации воспитательного процесса» (1935—1936) А. С. Макаренко отмечает: «Такая мастерская привлекает большей частью малышей, которые еще не доросли до более серьезных кружков и у которых всегда имеются конструкторские мечты и способности. Руководство учреждения должно всеми силами помогать такому кружку...» (Сочинения, т. V, стр. 73).

В. Н. Терский с полным основанием утверждает, что без свободной мастерской нельзя себе представить педагогическую систему А. С. Макаренко. Именно в свободной мастерской «рождается творческий талант, начинает впервые биться сердце изобретателя, конструктора, искателя. Но эта мастерская бесплодна, если ее не оплодотворить учебой в школе, работой на производстве. Сама она пытается внести элемент учебы во все творческие процессы, побуждает добывать знания и в этом отношении много дает ей. Но здесь страшна всякая искусственность, так как она засушит творческий азарт и занятия в мастерской перестанут быть видом любимого отдыха, что для нее совершенно обязательно и непременно» (см. книгу В. Н. Терского «Игра. Творчество. Жизнь», М., изд. «Просвещение», 1966. В этой книге В. Н. Терский подробно и очень живо рассказывает о том, как был организован досуг в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, а свободной мастерской изокружка посвящает специальный раздел).

Стр. 33. *Главный пост этого временного (недельного) сводного отряда...*

Сводный отряд — временное объединение детей для выполнения конкретного задания. А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» отмечает, что организация сводных отрядов явилось «самым важным изобретением нашего коллектива за все тринадцать лет (1920—1933) нашей истории». Сводные отряды были вызваны к жизни усложнением производственной деятельности коллектива, совершенствованием его организации. Работа, в которой участвовали воспитанники А. С. Макаренко, «сопровождалась постоянной переменой мест и характера работы, а следовательно, приводила к разнообразному сечению коллектива по рабочим заданиям... Сводный отряд — это временный отряд, составляющийся не больше как на неделю, получающий короткое определенное задание: выполоть картофель на таком-то поле... украсить новогоднюю елку и т. д.». Разнообразие работ определяло и большое разнообразие сводных отрядов. Как только сводный отряд выполнял свое задание, он прекращал свое существование. На разную работу требовалось и разное число воспитанников: в одни отряды требовалось два человека, а в другие — двадцать. Но в любом был командир сводного отряда. Командир такого отряда назначался советом командиров, а после выполнения задания отрядом переходил в другой сводный, но уже не командиром, так как новое дело он уже не знал лучше всех, а рядовым членом. «Совет командиров всегда старался проводить через комсводотряда всех колонистов, кроме самых неудач-

ных» («Педагогическая поэма», глава «Командирская педагогика». Сочинения, т. I).

Стр. 42. *...Дежурный по коммуне, или, сокращенно, ДК.*

Коллегия дежурных заместителей (см. примечание к стр. 28) просуществовала два года. В это время наряду с ДЗ существовала и должность ДК. В 1931 году, когда многие ветераны коммуны, носители лучших традиций, вышли в самостоятельную жизнь, а коллектив в целом сложился, обязанности дежурных по коммуне стали нести все коммунары по очереди, но полномочиями и званием дежурных заместителей не обладали.

...Избирается общим собранием вместе с советом командиров на три месяца...

В хронике коммуны «Перевернутые страницы» (см.: стр. 170 данной книги) А. С. Макаренко указывает даты выборов совета командиров. В среднем в 1927—1928 годах совет командиров переизбирался каждые четыре-пять месяцев, в 1929 и 1930 годах — через два с половиной — три месяца, а в 1931—1932 годах выборы совета командиров проводились с интервалами от четырех до семи с половиной месяцев.

Стр. 57. *...Вдруг бахнул по коммуне ежедневной «Шарошкой».*

В коммуне было несколько стенных газет. Помимо «Шарошки», газеты веселой, выходили сатирическая газета «Резец» и солидная газета «Дзержинец». В этой газете основное место занимал текст, иллюстраций было немного. Пионерская организация выпускала газету «Пионер-дзержинец». Кроме того, регулярно выходила общекоммунарская фотогазета. В цехах заводов были свои газеты: «Электрик», «Оптик», «Колючка», «Шило», «Ударник» и другие, а в школе раз в неделю выходили «За отличную учебу» и «Еж» и классные стенгазеты.

А. С. Макаренко много времени и сил отдавал коммунарской стенной печати. Иногда просиживал ночи, редактируя и печатая на машинке статьи для «Дзержинца», «Шарошки» и других газет.

Стр. 73. *Школьная смена своим костюмом резко отличается от рабочей.*

Помимо школьной формы, коммунары имели домашнюю, спортивную (зимнюю и летнюю) и рабочую форму. Была у коммунаров также зимняя и летняя парадная форма. Левый рукав ее украшали черные бархатные ромбики с вышитой золотом монограммой — «ФД».

В коммуне не было строгой регламентации порядка ношения формы в домашней обстановке. Неукоснительно проводилось лишь требование культуры: всякий костюм должен быть в полном порядке. На особые дни приказом по коммуне предписывалась обязательная для всех форма одежды. Вопросу о форме А. С. Макаренко придавал большое значение и не раз возвращается к нему на страницах «Марша» (см., например, стр. 85—87 и 121—122 этой книги).

Стр. 77. *Но больше всего бывает иностранных делегаций.*

А. С. Макаренко сообщает, что только за первые пять лет существования коммуны ее посетили 127 иностранных делегаций. Среди гостей, давших самую высокую оценку коммуне, — Юлиус Фучик, Анри Барбюс и другие выдающиеся деятели международного коммунистического движения и культуры.

Пока автомобили с делегацией кружат по горам и лесам в поисках сносной дороги в коммуну...

В октябре 1930 года была построена хорошая дорога, соединившая коммуну с Белгородским шоссе. Дорога строилась при самом активном участии коммунаров. Об этом А. С. Макаренко рассказал в повести «ФД-1».

Стр. 84. *«Кабинет» в коммуне имени Дзержинского...*

В коммуне это был не кабинет директора, не кабинет в привычном смысле этого слова (поэтому А. С. Макаренко и берет его в кавычки), а кабинет педагогического руководителя и совета командиров. Эта комната была тем местом, в котором сосредоточивались все жизненно важные для коммуны коммуникации. Здесь работал ее штаб. А. С. Макаренко в «Методике организации воспитательного процесса» писал: «Если педагогический руководитель куда-нибудь отлучается надолго, вместо него должен оставаться в кабинете заменяющий его на это время. Центр не может бездействовать. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского в таком случае остается кто-нибудь из педагогов, секретарь совета командиров (ССК) или дежурный по коммуне командир (ДК). Эти товарищи не замещают педагогического руководителя, они только представляют его во время отсутствия. В коммуне все знают, что в кабинете всегда есть лицо, к которому можно обратиться в экстренном случае».

Стр. 114. *Но регулярные киносеансы в коммуне лишили драматическую работу решительно всех стимулов.*

Кинофильмы в коммуне демонстрировались два раза в неделю. Новые фильмы обсуждались. Как правило, после сеанса А. С. Макаренко давал краткий анализ просмотренной картины и указывал, над чем надо подумать, что стоит обсудить.

Об отношении А. С. Макаренко к кино, к выдающимся произведениям искусства вообще можно судить по случаю с демонстрацией фильма «Чапаев» (см. очерк Е. С. Магуры «Культура воспитывается», стр. 249 этой книги). В главе «Клубработа» А. С. Макаренко ставит проблему соотношения кино и традиционных форм драматической работы и показывает, что пути решения этой проблемы ведут не к свертыванию киносеансов, а к коренной перестройке драматической и клубной работы вообще.

Стр. 118. *Одно время увлекались постройкой моделей аэроплана.*

Авиамодельное дело и планеризм достигли в коммуне очень высокого уровня. На счету коммунаров — мировой и всесоюзные рекорды.

Стр. 121. *Горлёт — это наша игра...*

Создал эту игру и разработал ее основные правила В. Н. Терский. В своей книге «Игра. Творчество. Жизнь» он дает подробную характеристику и методику проведения горлёта.

ИЗ ИСТОРИИ КОММУНЫ

УКРАШЕННЫЕ БУДНИ. ИДИЛЛИЯ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

В 1932 году А. С. Макаренко готовит материалы, подводящие итог первому пятилетию коммуны. Открывают эти материалы два очерка — «Украшенные будни» и «Идиллия или социализм?».

Публикуются по второму изданию Сочинений А. С. Макаренко т. II, стр. 443—446.

ТАКОВА НАША ИСТОРИЯ

Статья написана в 1934 году и опубликована газетой «Комсомолец Донбасса» 24 августа 1934 года.

Публикуется по второму изданию Сочинений А. С. Макаренко, т. II, стр. 412—414.

КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ ФЭД

«Конституция Коммуны» была утверждена Правлением коммуны имени Ф. Э. Дзержинского 4 февраля 1928 года.

Статья же была подготовлена А. С. Макаренко для сборника «Второе рождение», посвященного пятилетию коммуны. Сборник вышел небольшим тиражом в ведомственном издании, Харьков, 1932.

Публикуется по второму изданию Сочинений А. С. Макаренко, т. II, стр. 405—412.

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ СТРАНИЦЫ

Хроника коммуны. Специально подготовлена А. С. Макаренко для сборника «Второе рождение».

Публикуется с незначительными сокращениями по второму изданию Сочинений А. С. Макаренко, т. II, стр. 419—429.

МАРШ ДЗЕРЖИНЕЦ

Ноты и текст публиковались только в сборнике «Второе рождение» (1932), в подготовке и редактировании которого принимал непосредственное участие А. С. Макаренко. Автор слов марша не указан. Каких-либо документальных свидетельств на этот счет пока не имеется. В процессе подготовки «Марша тридцатого года» к изданию редакция и составитель пытались установить авторство текста марша.

Из сообщений коммунаров В. Г. Зайцева, Г. В. Камышанского, В. Ф. Шапошникова можно заключить, что частые походы дзержинцев, которые сопровождал шестидесятитрубный первоклассный оркестр, особая форма, подтянутость и слаженность коллектива коммуны, сам ее настрой и традиции вызвали потребность в своем марше. Такой марш написал руководитель оркестра Виктор Тимофеевич Левшаков. Музыка марша понравилась всем коммунарам, и его хотелось петь. И вот появились слова, написанные на уже готовую музыку. Это, конечно, не могло не сказаться на качестве стихов. В 1934 году Антон Семенович на вопрос В. Г. Зайцева, кто же их сочинил, ответил, что сочиняли коллективно, вместе с коммунарскими поэтами.

Не раз упоминает А. С. Макаренко марш и в своих произведениях, подчеркивая, что коммуна салютовала маршем в особо значительных случаях.

В повести «ФД-1» А. С. Макаренко называет этот марш маршем Дзержинского (см.: Сочинения, т. II, стр. 146).

Публикуется по сборнику «Второе рождение», Харьков, 1932.

СЛОВО УЧАСТНИКАМ МАРША

Заглавия всем материалам участников марша кроме воспоминаний Ю. Б. Лукина и Т. Д. Татаринова даны редакцией настоящего издания.

Стр. 187. Публикуемые очерки Виктора Николаевича Терского смонтированы из «Воспоминаний участника марша», которые В. Н. Терский написал по просьбе редакции в 1963—1964 годах.

Уже серьезно болея, Виктор Николаевич письмом в редакцию (1964) сообщил, что в период летних каникул ему, благодаря помощи жены, педагога и литератора Анны Ивановны Терской, удалось написать книгу (20 тетрадей объемом примерно в 11 печатных листов), восстановить многие факты из истории коммуны имени Ф. Э. Дзержинского и проанализировать их с точки зрения нужд педагогики сегодняшнего дня. Эта работа проводилась В. Н. Терским в связи с подготовкой нового издания «Марша тридцатого года» и другими планами редакции.

Свою рукопись В. Н. Терский рассматривал как эскиз, как подготовительные материалы для будущих книг об эффективной педагогической системе работы сегодня. Поэтому в письмах, личных беседах, да и в самих «Воспоминаниях», В. Н. Терский подчеркивает, что полностью его печатать нельзя и если встанет вопрос об издании воспоминаний, то делать это надо путем скрупулезной выборки материалов и соответствующей их духу внутренней логике компоновки.

Эти обстоятельства и, конечно, общий замысел книги определили характер, форму и объем публикуемых воспоминаний.

Стр. 205. Характеристику принципов и стиля работы педагогического коллектива коммуны может дополнить один документ из архива А. С. Макаренко.

Комментируя первую публикацию этого документа (сборник Львовского университета имени Ивана Франко, кн. 5, 1963), Ю. Л. Львова сообщает: «В. Н. Терский вспомнил, что однажды на педагогическом совете разгорелся спор о том, может ли каждый воспитатель увлекательно организовать дело кружковой работы и стать ее руководителем...

Разгоряченный спором, Антон Семенович после педсовета зашел в свой рабочий кабинет вместе с Терским и начал полушутя, полусерьезно выстукивать на машинке только что сделанное выступление. Иногда и Терский «подбрасывал» ему слова и мысли.

Так в задорном тоне горячего спора, без претензии составить обобщающего характера статью, были написаны эти 9 листков».

Приводим выдержки из раздела «Советы коллегам».

«В процессе работы, индивидуально изучая участников, старайтесь нагрузить каждого по его способностям и никогда не бойтесь перегрузки».

«...Давайте всегда задания по способностям... никогда не забивайте своим авторитетом инициативу каждого...»

«Внимательно прислушивайтесь к толковым замечаниям и громогласно признавайте свои ошибки. (Я всегда говорю: «Ох, какой я дурак!» и думаю, что авторитет мой от этого не падает.)»

«Относитесь ко всем с одинаковым вниманием, но громогласно

уважайте по активности, не давайте возможности горлопанить активистам...»

«Каждый активист должен быть тихим (скромным. — *Ред.*) и не капризничать, в противном случае его необходимо выдворить и с возможно большим треском, насколько бы он ни был ценным для всего кружка по своим способностям.

Чересчур тихие ребята тоже нехороши».

«Никогда не забывайте аксиому: «стремление к красоте, крепко заложенное природой в каждом человеке, есть лучший рычаг, которым можно повернуть человека к культуре».

«Лучше поставить один красивый концерт, чем восемнадцать отталкивающих...» «Лучше меньше кружков, но с настоящей работой».

«...Если вы делаете дело, которое у вас заведомо выйдет и которое вы уже десять раз делали, то вы только отдаете свои силы и знания и ничего не получаете, а если вы делаете дело, которое вам мало или совсем незнакомо, то вы очень много получаете... потому что вас само дело заставляет работать активно, и посему последнее в целях саморазвития гораздо лучше».

«...А самое главное, всему педколлективу... надо работать дружно и самим предлагать помощь друг другу, не ожидая зова, ибо иной раз неудобно просить — думаешь, устал человек, чего его тревожить».

Стр. 235.

Статья Тимофея Денисовича Татаринова печатается по сборнику «Второе рождение», Харьков, 1932. В данной публикации редакция сохранила прежнее название, но опустила чисто технические и производственные подробности (названия станков и т. п.).

Стр. 254.

Воспоминания Е. С. Пихоцкой публиковались в сборнике «Воспоминания о Макаренко», Лениздат, 1960. В настоящем издании печатаются с авторскими и редакторскими изменениями.

Несомненный интерес представляют обнаруженные в архиве А. С. Макаренко и впервые опубликованные Львовским университетом (кн. 2, 1954) поправки и замечания А. С. Макаренко на письменные работы Е. С. Пихоцкой. Все ученические тетради — творческий диктант и три сочинения, написаны по заданию Антона Семеновича и проверены им.

Приводим замечания А. С. Макаренко по тексту сочинения Е. С. Пихоцкой «Марш 1930 года»:

«1. «С честью собрались». Что это значит? Так обычно не говорят.

2. Попробуй выбросить «ведь», «же», и ты увидишь, насколько лучше получится.

3—4. Прочитай внимательно это предложение. Оно построено совершенно неправильно.

5. Овацию могут делать люди, а не аплодисменты. «Овация аплодисментов» нельзя сказать.

6. «Присоединяют...» к чему? Дальше у тебя «овацию» поставлено в винительном падеже неизвестно почему. Нужен дательный падеж с предлогом «к».

7. Нескладно, очень тяжелое предложение, в котором не разберешь ничего.

8. Что это за слово «не запно».

9. «... но торжественные звуки пролетарского гимна, раздавшиеся с балкона». А конец где? Где сказуемое?

10. Повторяешь слово «быстро». Получается скучно.

11. Почему здесь поставлены точки?

12. «Который был силами лучших исполнителей»—так нельзя говорить.

13. «... отдавались в распоряжение сна». Зачем это тяжелое многословие? Не лучше ли сказать просто—«уснули»?

14. «Но»—лишнее.

15.«... машины были в ожидании для поездки» — оборот не литературный.

17. «... под марш с левой ноги» — лишние слова. Марш всегда бывает с левой ноги.

18. Смотри, как у тебя дико согласовано: «удаляющееся колонну».

19. А здесь какое согласование: «много сотен пролетария».

20. В столовой можно только обедать, но не грузиться.

22. «...четко... смотри на нас... пролетариат» — очень плохо.

23. «... спортивного пролетариата» — плохой оборот.

24. Так нельзя говорить: «ближе и ближе приближаться».

29. «... корпус стал отходить» — плохо.

30. «Лучших» стоит в родительном падеже, «насаженный» в каком? Вообще все это предложение сделано слабо.

32. «По замечательных, близких и отдаленных окрестностях». А нужно так: по замечательным близким и отдаленным окрестностям.

А. М.»

Стр. 259.

А. С. Макаренко в своем предисловии к альбому «Наши жизни— Горькому — горьковцы» подробно рассказывает историю этого подарка колонистов А. М. Горькому. В альбоме 264 автобиографии воспитанников и статья одного из воспитателей.

Характеризуя его, А. С. Макаренко писал: «Когда я печатал сотую биографию, я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-нибудь читать...» (Сочинения, т. VII, стр. 287—288).

А. М. Горький в очерке «По Союзу Советов» пишет: «Колонисты сделали мне прекрасный подарок, — 250 человек написали и подарили мне свои автобиографии»—и полностью цитирует приведенную оценку, которую дал альбому А. С. Макаренко.

Стр. 265.

Летом 1935 года А. С. Макаренко отзывают из коммуны и назначают помощником начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР, а с переводом столицы Украины он переезжает в Киев.

Стр. 266.

Работая в отделе трудовых колоний НКВД УССР, А. С. Макаренко с октября 1936 года по январь 1937 года (до переезда в Москву) заведует по совместительству колонией в Броварах (пригород Киева). За эти несколько месяцев А. С. Макаренко с помощью своих соратников и бывших коммунаров поставил на ноги эту колонию.

Стр. 279.

Воспоминания Н. В. Петрова о коммуне впервые публиковались в «Известиях Академии педагогических наук РСФСР», вып. 38, М., 1952.

В настоящем издании печатаются с незначительными уточнениями по тексту книги Н. В. Петрова «50 и 500», изд. ВТО, М., 1966.

Стр. 281.

Дружба коммуны имени Ф. Э. Дзержинского и Харьковского театра русской драмы имела очень прочную основу: это был союз единомышленников.

Молодая талантливая группа Александринского театра (Ленинград), возглавляемая Н. В. Петровым и Е. М. Радиным, в 1933 году приехала в Харьков, столицу Украины, чтобы создать новый театр. Это действительно был театр нового типа. Проявлялось это не только в его репертуарной линии и высоком художественном уровне спектаклей, которые создавали такие первоклассные мастера сцены, как Крамов, Синельников, Колобов, Скопина, Краснопольский, Хохряков, Янкевский, Мельтон, а и в том, что театр стал центром культурной жизни Украины. Театр явился школой подготовки режиссеров и актеров для театров Украины, он выполнял функции клуба (по типу современного ЦДРИ) работников искусства, издавал свою газету, имел очень прочные связи с детскими воспитательными учреждениями, рабочими коллективами и воинскими соединениями.

Первая встреча А. С. Макаренко с работниками этого театра состоялась тогда, когда театр еще только обосновывался в Харькове и А. С. Макаренко ничего не знал об этом творческом коллективе, его планах.

«Экзамен», который устроил ему Антон Семенович при первой встрече, имел своей целью установить лицо этого нового театра, выяснить, на какой основе возможен их союз.

Коммуна очень ценила дружбу с театром и горячо поддерживала его искания.

В письме к А. М. Горькому от 14 июня 1934 года Антон Семенович сообщает: «Здесь, в Харькове, есть симпатичный и культурный театр русской драмы. Коллектив этого театра воодушевленно и красиво шефствует над коммуной имени Дзержинского» (А. С. Макаренко, Сочинения, т. II, стр. 498).

Стр. 287.

Первое опубликованное произведение А. С. Макаренко — брошюра «На гигантском фронте» (опыт учебно-опытного зерносовхоза № 2). Она написана в соавторстве с Николаем Эдуардовичем Фере, другом и соратником А. С. Макаренко еще со времен колонии имени А. М. Горького. Брошюра объемом в два с небольшим печатных листа вышла в 1930 году. Харьков, Госиздат Украины.

СОДЕРЖАНИЕ

Антон Семенович Макаренко

МАРШ 30 ГОДА

Редактор *В. Г. Бейлинсон*
Художник *Ю. А. Боярский*
Художественный редактор *М. К. Шевцов*
Технический редактор *Н. Ф. Макарова*
Корректор *М. М. Крючкова*

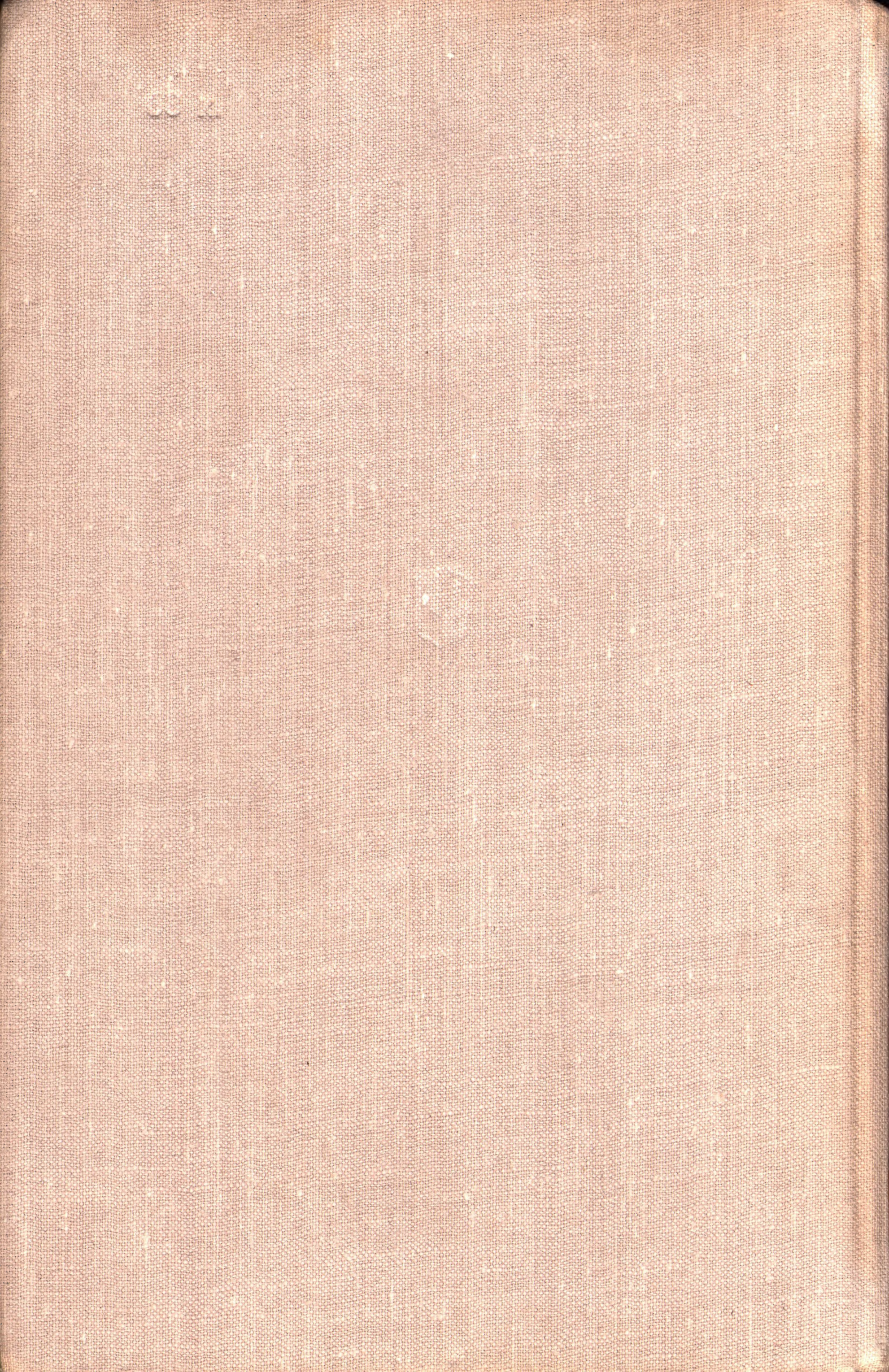
Сдано в набор 16/IX 1966 г. Подписано к печати 16/V 1967 г. 84×108 1/32. Типографская № 2. Печ. л. 16,38(9,75)+0,125(0,21) вкл. Уч.-изд. л. 16,38+ +0,04 вкл. Тираж 100 тыс. экз. (Тем. пл. 1967 № 253) А10053

Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц Саратовского комбината, полиграфическим комбинатом им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по печати, Минск, Красная, 23.

Заказ № 685.

Цена без переплета 50 коп., переплет 18 коп.




А. С.
МАКА-
РЕНКО
МАРШ
30
ГОДА